

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (66) — 2013

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; старший преподаватель)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2013
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 1 (66) — 2013

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),
Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),
I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

ББК 63.52(251)

Д. А. Николаева

ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА ЗЕМЛИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ БУРЯТ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

В статье предпринята попытка выявить взаимосвязи между традиционными обрядами наделения социума благополучием через реализацию родильного потенциала, получение душ детей и животных (*сультэ*) и моделью гендерной иерархии женских божеств земли в традиционной культуре бурят конца XIX — начала XX в.

Женские божества земли, характеризуя картину мира в культуре бурят этого времени, являлись важнейшим концептом мироустройства в традиционном обществе, сформированном космическими феноменами и универсальным антропоморфизмом. Анализируя мифоритуальные воззрения бурят, мы постарались выявить гендерные аспекты в системе жизнеобеспечения общества, обусловленные сложной и многоуровневой стратегией освоения окружающего пространства и адаптацией к конкретным природно-ландшафтными и историческим условиям.

Бурятская мифология, повествующая о начале мира, фиксирует осознание первичности космогонического акта с материнским началом. Сохранился древний сюжет, в котором речь идет о временах, когда верховными божествами были только богини, олицетворявшие Мать. Согласно мифу, праматерью всех богов была *Эхе-бурхан*, обитавшая во мраке и первобытном хаосе. Решив разъединить небо и землю, она сделала дикую утку, которая нырнула в воду и принесла в клюве грязь. Из этой грязи она слепила землю-матушку *Ульген* (букв.: широкая, необъятная), затем сотворила на ней растения и животных [13, с. 674—675]. Главные эпитеты земли *дэлхэй/дэлэгэй* обозначают ее необъятность, обширность и бескрайность. В Бурятско-русском словаре термин *дэлэхэй* означает «земля», «свет», «мир», «вселенная», а сочетание *ульген дэлэхэй* — «земля-матушка» [4, с. 216]. Данные представления сохранились до настоящего времени в бурятской пословице: *ульген дэлэхэй — эхэ мини, ундэр тэнгэри — эсэгэ мини* (букв.: широкая земля — мать наша, высокое небо — отец наш).

Согласно Т. Д. Скрынниковой, наиболее древнее аборигенное монголоидное население Центральной и Восточной Азии на раннем этапе знало только культ земли [20, с. 114]. К данному периоду Н. Л. Жуковская относит формирование самой древней неперсонифицированной субстанции, а именно образа земли-матери — прародительницы всего сущего, в том числе и человека: «...образ земли-матери первоначально выражал собой некую наивно-материалистическую субстанцию и лишь позднее приобрел сущность божественной персоны» [5, с. 265].

Подчеркивая порождающее начало земли-матери, буряты проводили обряды с просьбами о плодородии и благополучии. Религиозное значение персонажной направленности *тайлаганов* (календарных обрядов жертвоприношения) заключалось в поклонении духам природы, в основе которых был женский культ плодородия. Например, у западных бурят осенний *тайлаган* посвящался божеству земли — *Дэлхэй дайдын эжэн Баян Хангай тайлага*. Под влиянием христианства он иногда назывался *Бохроби тайлага* (*тайлаган* на Покров) [22, т. 3, с. 96].

Кроме того, у западных бурят божество земли *Ульгень дэлэхэй/Ульгень-Ехэ* соответствовало богине *Этуген* (*ediükii* — давать начало). Согласно мифологическим воззрениям, *Этуген* являлась воплощением земли как плодородящего женского чрева. Она была всемогущей богиней природы и важнейшим объектом шаманского культа, а также в качестве образа женского плодородящего чрева выступала как великое неперсонифицированное божество [13, с. 674]. Главным качеством богини земли *Этуген* считалось плодородие, а местом локализации — «внутри земли» [14, с. 225]. У бурят с названием земли-матери *Этуген* связан целый ряд таких понятий, как женский детородный орган, родовая территория, род, родовой огонь, младший сын — хранитель семейного очага, жрица огня. Таким образом, *Этуген* символизировала материнское начало — родину, в лоне которой родилось все живое.

В культуре западных бурят до начала XX в. сохранился обряд почитания богини земли *Этуген*. Г. Р. Галданова при его описании подчеркивает гендерную стратификацию и выделяет тему перерождения через омоложение участников обряда, призванного усилить плодотворящие силы и распространить их на людей и природу: «Моление совершалось только женщинами, даже мальчики не имели права проходить на территорию, где отправлялся обряд. Моление богине *Этуген* сопровождалось ритуалом украшения женщин цветами черемухи, женщины обнажали груди и просили Небо омолодить их, дать полноту и молочность грудям» [9, с. 36]. По сведениям информаторов, женщины раздевались донага, при этом они шутили, щипались — «ишь, какая стала толстая», щекотали друг друга, смеялись и окунались в речку. Затем становились под цветущей черемухой и старались, чтобы осыпающийся цвет облепляли их тела. Они прихлопывали себя руками по телу, трясли грудями и приговаривали «дай счастье»¹. Считалось, что богиня *Этуген* заботится не только о людях, но и о деревьях, животных и птицах. Она дает «белой кобылице белоснежного жеребенка, черной вороне — крикливого вороненка, зеленой черемухе — сладкую черемухину» [9, с. 148].

---

¹ Полевые материалы автора, 1997 г.

На общеплеменных *тайлаганах* (*Этуге/Утугэ тайлга*), весной в начале травостоя и осенью после сенокоса, ей, почитаемой как божество плодородия, приносили жертву молочными продуктами и молочной водкой в целях обеспечения плодородия [12, с. 81]. По устному сообщению бурятского этнографа Н. Б. Дашиевой, морфология слова состоит из лексемы *ут*, лежащей в основе названия земли у монгольских народов (*Этуген/Утуген*), и лексемы *тай/дай*, этимологизируемой как «мать». Кроме того, фонетическую разновидность лексемы *тай* как *дай* можно обнаружить в корне еще одного названия земли — «*Дайда-Дэлхээ*», что в переводе означает «мир», «земля», «свет» [4, с. 198, 231—232].

Древние понятия о земле-матери сохранились в основном в культуре западных бурят. Почти до середины XX в. у них существовали запреты по отношению к земле: рвать траву, цветы, копать острым предметом и т. д. Во время коллективизации они выступали против железных орудий (тракторов), т. к. считалось, что железо может поранить землю-матушку, поэтому для вспахивания земли обычно использовался только деревянный плуг. В случае производственной необходимости, когда надо было выкопать яму, например для дымления кожи, этим процессом занималась только пожилая женщина, потерявшая способность к деторождению. Она рыла на бугорке ямку, разводила на дне огонь и совершала жертвоприношение кислым молоком. Иначе людей ждало несчастье. Суеверия, связанные с землей, актуальны и в наши дни. Многие буряты с большим предубеждением относятся к идее разбить на своем участке огород². Таким образом, у бурятских скотоводов Предбайкалья сохранился культ земли с функциями матери-прародительницы.

Восточными (забайкальскими) бурятами *Этуген* как богиня земли, видимо, под влиянием буддизма была совершенно забыта. «Само слово “*этуген*” сохранилось в значении “женское чрево” и употребляется иногда как возглас испуга, удивления или как брань, проклятие» [9, с. 36].

В неразрывной связи с культом земли выступает в качестве всеобщего порождающего начала также образ земли-воды (*Йер-Суб*), в честь которого буряты проводили общеплеменные и женские календарные обряды. Так, аларские буряты приносили жертву богине земли/плодородия *Этуген* и одновременно божествам водной стихии, почитаемым в образах божеств *Ухан-хат* (*ухан* — вода, *хат* — сын неба) и *лусов* (хозяева вод). Эти духи, согласно бурятской мифологии, спустились с юго-западной стороны неба и поселились на дне глубоких вод, откуда властвуют над водной стихией, над дождями, покровительствуют людям, защищают их от злых сил. Н. Б. Дашиева, анализируя традиционную форму обращения к земле и воде, с которой начиналось призывание на жертвоприношении божествам *Уг-дайдын* (*уг* — корень, происхождение, *дайда* — земля) [4, с. 180, 461], полагает, что культ Земли-Воды существовал у предков бурят с глубокой древности [10, с. 20].

Буряты в пределах всех родовых объединений Предбайкалья в течение весенне-летне-осеннего сезона устраивали праздники в честь Земли-Воды — *Газар-Ухани тайлга*. Целью их проведения было испрашивание у Неба и Земли

---

² Полевые материалы автора, 1995 г., 2003 г.

обильной влаги, хорошего травостоя и урожая, обеспечение благополучия в жизни людей и в скотоводческом хозяйстве.

Места отправления ритуалов женских молебнов (*Эхэнэрэй тайлганов*) в честь матери-прародительницы ассоциируются с понятием «земля/вода/низ/женское», тогда как местом проведения родовых *тайлганов* являются вершины священных гор — «небо/верх/мужское». Так, Ердынские игрища, которые были частью межплеменных культовых «обрядов в честь божеств Земли-Воды и верховного бога-творца Ая», проводились в устье реки Анги [11, с. 153].

Вода, согласно архаическим воззрениям, несомненно, обладала высоким семантическим статусом. Она, имея прямое отношение к животворной силе и плодородию, связывала воедино земной низ и небесный верх, выступая в качестве результата союза изначальных божеств. В одном из вариантов космогонического мифа у бурят процесс появления воды согласуется с данными теории о происхождении первоэлементов. «По воле тех названных бурханов (бессмертных *огторгойских* (небесных) многочисленных богов) возникли небо и земля». Эти объекты первоначально находились вместе, «земля имела холодное свойство и была женского рода, а *тэнгри* (небо) имело горячее свойство и было мужского рода. От сожительства и соприкосновения холодной земли и горячего неба образовались пар и туман, из тумана — туча, а из тучи — дождь и снег. Таким образом, на земле появилась вода, а в воде зародилось первое одушевленное существо — рыба. От рыбы произошли птицы...» [2, с. 12].

Вода как источник жизни занимает важное место в традиционном мировоззрении бурят. Вода первична, это субстанция, в которой и на которой разворачивается родильная деятельность по созданию мира, поскольку вода почиталась как носительница зародышей, а главная ее функция была оплодотворяющей. «Прежде земли не было, а была только одна вода <...> *Сомбол-бурхан* от птицы *ангата* вперед взял красную глину и разбросал по воде. А потом взял черную землю и тоже разбросал по воде: тогда образовалась земля и на ней выросли травы и деревья...» [22, т. 1, с. 7].

М. М. Содномпилова выявляет связь происхождения/рождения различных водных источников с культурным героем бурятского эпоса и темой иерогамии. Анализируя тексты эпических произведений, она акцентирует, что добывание воды происходит посредством использования оружия. Так, эпический герой *Абай Гэсэр* высвобождает воду из-под земли с помощью черного отцовского копья. Этот момент свидетельствует о наличии целого пласта верований, связанных с боевым оружием и обрядом вызывания дождя. В бурятской версии легенды о халхасском хане *Абатае* воинственный правитель во время засухи вызывает дождь, вырыв яму наконечником стрелы [23, с. 201]. Как видим, наличие эротической окраски действий культурного героя по отношению к земле. В целом это не противоречит космогоническому мотиву священного брака земли и неба, поскольку отцом *Абай Гэсэра* (чьим копьем он пользуется) является *Хан Хюрмас тэнгри* (ипостась Неба).

По данным бурятских легенд, вода нередко выступает посредником в происхождении некоторых родов: *эхириты* произошли от налима и береговой расщелины, *куркуты* и *уляба* — от тайменя. Согласно мифу, по берегу реки гуляла девушка, из воды высунулся таймень, махнул хвостом и задел девушку,

после чего она забеременела и родила мальчика. Встреча прародителей 11 хоринских родов и 2 предбайкальских происходит у озера, в котором купались небесные девы-лебеди. С озером Байкал связывается локализация *Буха-нойона* — предка бурятского племени *булагат*.

Вода ценилась как источник жизни, причем в буквальном смысле. «Реки, истоки которых берут начало в правой и левой частях пространства, являются признаком благоприятной местности. Расположение стоянки в таких местах способствовало рождению в одном случае мальчика, в другом — девочки. Налицо семантика вод как хранилища потенциальных жизненных форм, которые могут обрести рождение в земном мире при условии удачного выбора человеком места для поселения [21, с. 137].

К культу земли-матери относилось почитание гор (*хада*). У каждого бурятского рода в прошлом была своя родовая территория — «место хранения материнского послеста» рода или племени. Обычно эти места локализовывались на вершинах гор. На них проводились грандиозные родовые моления и обряды поклонения горам — *хада тахиха*, *хада хангай тахиха* (*тахиха* — приносить жертву, совершать жертвоприношение, совершать религиозный обряд) [4, с. 418]. «Во время проведения *тайлагана* в течение трех дней не прекращались хороводы, состязания борцов и бега лошадей» [14, с. 182—183].

При этом актуальными были священные горы с женскими божествами. Духи этих гор представлены в образе бабушек (*утоодэй/тоодэй*): *Хэрмэн тоодэй*, *Ара-байса тоодэй*, *Удагтай тоодэй*. Им приносили жертвы, проводили молебны с просьбой о благополучии и чадородии [1, с. 23].

Культ родовых гор — покровительниц рода — тесно смыкался с особым культом родовой территории, мыслимой членами рода как исконно родовая земля, которая являлась собственностью всего рода, с ней были связаны все родовые этногенетические легенды и предания.

Рассматривая природные объекты, связанные с культом матери-земли, следует сказать, что некоторые из них сохранили свою актуальность до настоящего времени. Прямым следствием культового отношения к земле-матери, ввиду ассоциаций с женским детородным органом, является поклонение пещерам, выполняющим функции вместилища *сульдэ* (душа, жизненная субстанция) детей. У бурят пещеры носили название *эхын умай* (букв.: материнское лono/утроба/чрево). Считалось, что из «чрева» земли — пещеры — вышли первые люди и животные, она дала жизнь деревьям и травам, поэтому так тесна связь между ними.

Об уровне сакральности пещер говорит тот факт, что буряты тщательно скрывали местонахождение данных объектов от посторонних глаз. На сегодня известны 4 пещеры [9, с. 36—38]:

— *Уумэ шулуун* (Камень-храм) на острове Ольхон, место поклонения ольхонских, баргузинских и хоринских бурят;

— *Даян Дэрхи* в Хубсугульском аймаке Монголии, в 180 км от Тунки, место посещения некоторых тункинских и закаменских бурят;

— *Уурийн хайран* и *Утайн умай*, о которых сохранились отрывочные представления (местонахождение информаторы не указали);

— *Эхын Умай* на Алхане (Агинский округ Забайкальского края), сохраняет актуальность до сих пор у хоринских бурят.

Культ этих пещер — своего рода иллюстрация древних верований и ритуалов в честь матери-прародительницы. До нашего времени сохранились обряды испрашивания у пещеры *сульдэ* ребенка. Верующие бездетные женщины посещают культовое место Алхана, которое представляет собой большой горный комплекс с отдельными священными скалами, воротами, пещерами. Здесь они влезают в маленькую пещеру *Умай* и стремятся отщепить кусочек камня — душу или зародыш будущего ребенка.

Подобными пещерами в качестве аналога материнского лона могут пользоваться и мужчины. Вероятно, в более ранние времена данные пещеры обладали функциями инициаций и использовались в обрядах рождений/перерождений. На сегодня сохранилось представление о получении у этих пещер не только *сульдэ*, но и благодати в виде достатка, здоровья и т. д. Например, считается, что «тот, кто проползет через *эхын умай* пещеры, тот станет здоровым, богатым и многодетным» [9, с. 37].

У священных пещер имеются свои духи-охранители, которые могут также наделять чадородием. В настоящее время некоторые из них представлены мужскими персонажами, но первоначально они были женскими. Например, согласно легенде, *Даян Дэрхи* был богатырем, превратившимся в каменное божество, дающим богатство и чадородие, но изначально это божество считалось *Заяши* (покровительница детей) и, по некоторым сведениям, матерью-богиней (*эхэнэр-бурхан*) [там же].

С распространением буддизма пещеры стали считаться средоточием женской нечистой силы. Священнослужители объявили их *шудхэр эмьн бэлэг* — половым органом самки *шудхэр* (чертовки). Со временем произошла адаптация женского божества к новым религиозным и идеологическим условиям. Так, согласно новой версии, Далай-лама отсылает своего ученика — *шаби Даян Дэрхи* (бывшего злого шаманского духа — *хатуу онгод*) в пещеру «с материнским чревом» — исцелять больных, обогащать бедных, одаривать потомством бездетных [9, с. 38]. Как видим, несмотря на идейное переосмысление культа, сущность и функции его остались прежними — наделение благодатью.

В западнобурятской культуре сохранился мотив петрогенеза, в котором задействован другой природный объект, выступающий также в значении женского детородного органа, — береговая расщелина. В этногоническом мифе прародителями *Эхирита* (основателя одного из бурятских племен) были *Эрьеэн Гутаар эсэгэмнай*, *Эргиин Габа эхэмнай* (отец Пестрый налим и мать Береговая расщелина). Нередко эта тема звучит в призываниях современных шаманов. Представление о происхождении предка из пещеры (здесь — береговой расщелины) — вполне архетипичное явление.

Следует отметить, что воззрения о кровнородственных отношениях членов рода со своей родовой горой присущи всему населению Саяно-Алтайского нагорья: хакасам, тувинцам, тофаларам, алтайцам, шорцам. У эвенков *бугады* (скалы) с древнейшими изображениями лосей почитались как родовое святилище — место, откуда происходит данный эвенкийский род. По представлениям эвенков, в этой скале находился сам зооморфный предок рода — женщина [17, с. 315—316].

При этом образ земли с функцией матери-прародительницы у народов Сибири и Центральной Азии не ограничивался указанным значением, а мыс-

лился живым существом и отождествлялся с образами копытных животных тайги и лесостепной зоны. Это образ матери-зверя в виде лосих/олених/маралух. Так, в якутском языке слово «*тайах*» имеет значение «лось» [19, с. 135]. Эвенкийское *энин* означает и «мать», и «лось» [7, с. 187]. В этой связи интересным является высказывание Е. Н. Романовой о том, что в якутском языке *эмээхсин* (старуха) возводится к древнетюркскому *эмэ* — сосать, самка, что восходит к культу копытных животных. В бурятской культуре можно провести аналогии с табуированным названием оленя *эхэ борогшон*, означающим «сероватая мать» [10, с. 181, 182]. В диалекте западных бурят слово *ибии/иви* (букв.: мать) переводится как «олень/лань», у тувинцев — название оленей вообще [6, с. 92]. В. Е. Васильев, сравнивая (тюрк.) *эне* «мать», *инек* «корова», *инен* «верблюдица» и сопоставляя (якут.) *ийэ* «мать» с *уй* «корова», пишет, что в древнейших матриликальных обществах роль матери-зверя исполняли родовые жрицы. Пережитки данной традиции наблюдались в эвенкийском охотничьем празднике *гуркумки*, в котором сохранились элементы оргиастических ритуалов. Эвенкийский шаман, облачавшийся в шкуру самки копытного зверя, напоминал якутского служителя божества *айыы*, надевавшего во время праздника *ыхыах* женскую одежду [8, с. 6].

Следует отметить, что зооморфное проявление женского земного культа, представленное в виде образа хозяйки земли как копытное животное — *Буга хатан* (*буга* — олень, *хатан* — госпожа), связано с формированием в культуре охотничьих племен каменного века Прибайкалья и смежных территорий сезонных праздников, ведущие элементы которых отражали культ вселенской матери-прародительницы, тесно переплетенный с главным культом древних охотников — промысловым культом, культом умирающего и воскрешающего бога-зверя, тотемизмом [10, с. 20]. В петроглифах южной Сибири, северо-западной и западной Монголии и Тувы с эпохи палеолита до энеолита отражен процесс преобразования образа копытного животного в антропоморфологический образ Матери-прародительницы тотемического значения.

В бурятской мифологии существуют также парные божества, разделившие образ некогда единого зооморфного божества с функциями всеобщей матери-прародительницы. Например, у балаганских бурят хозяин всей земли *Дайда-Дэлхэн-эжин* представлялся в образе седого старика, покровителя людей, а его жена *Дэлэнтэ-Сагаан хатун* (*ибии*) — в образе старухи с белыми волосами [22, т. 1, с. 445]. Здесь следует обратить внимание, во-первых, на определение *дэлэнтэ* (букв.: обладающая выменем), которое указывает на семантическую связь старухи с животным обликом и функциями матери-прародительницы. Во-вторых, на указание на внешний облик и возраст этого божества. А. В. Потанина, исследовавшая культуру бурят в конце XIX в., отмечала, что они представляли мать-землю в образе седовласой старухи [18, с. 207]. Таким образом, можно объяснить возрастные требования к главной распорядительнице и исполнительницам обрядов, связанных с жизнедеятельностью социума. У бурят в наибольшей мере ритуальная функция женщин рода заключалась в проведении тех обрядов, с помощью которых регулировались связи в системе «социум — природа». Ритуалы этого типа (родильные, свадебные, похоронные, календарные) предполагали не просто взаимодействие группы пожилых женщин со сферой

чужого, но вторжение в эту сферу с целью добывания ценностей, связанных с понятиями «тотемные предки», «благодать», «души детей и животных», и наделяния ими неопита (покойник, новорожденный, роженица, невеста, жених, мужчины, возвратившиеся с родового *тайлгана*).

Роль таких женщин в традиционных праздниках и обрядах является основополагающей в деле обеспечения благополучием всего социума, т. к. они выполняют важнейшие функции матерей-прародительниц по легализации индивида в новом статусе, используя при этом весь арсенал женского пространства в обрядовой деятельности, конструируя его сегменты, связанные с плодородием и благодеянием семейно-родового коллектива. Реконструкция общественных обрядов с участием пожилых женщин указывает не только на актуальность древнейшего женского божества — покровительницы домашнего очага, семьи и рода, но и на следы общественных отношений, когда играл роль приоритет по линии матери. Основная цель участия женщины в общественных праздниках и обрядах — гармонизация и стабилизация жизнедеятельности социума на уровне космоса, поэтому главная ее функция заключена в идее укрепления сакральной целостности общества для достижения идеи плодородия и плодovitости.

Вследствие почитания матери-земли с ее функциями наделяния благодатью и плодородием устанавливается культ тайги, который на раннем этапе функционировал в женском образе. У современных бурят божество тайги предстает под разными именами и в разных обликах. Например, *Баян Хангай*, *Баян сагаан Хангай*, *Алтан дэлэхэй*. Все эти названия являются синонимами одного понятия — мать-земля и обладают общими свойствами: необъятность, богатство, плодородие. «*Хангай* — это не только тайга, дикий девственный лес. *Баян Хангай* означает название всей земли» [9, с. 39]. В бурятском фольклоре *Хангай* — богиня охотников, которая соотносится с богиней земли. В некоторых сюжетах героического эпоса (*улигеры*) герои получают заговоренные, бьющие без промаха черные *хангайские* стрелы, которые ассоциируются с даром женщин-богинь или ипостасью их стихий (женская, водная, природная) [16, с. 110]. По мнению Г. Р. Галдановой, культ тайги явился причиной возникновения «женских» божеств тайги *муу шубун* (плохие птицы) [9, с. 38, 39], которые обладают всеми признаками духов: обитание в тайге или в лесу, оборотничество, борьба с охотником (в случае поражения — обогащение охотника), повышенная сексуальность и т. д. У бурят существовало поверье: если охотники во сне будут пить вино, ухаживать за красивой женщиной, нянчить маленьких ребят, покупать хорошие вещи — это к удаче на охоте [2, с. 10].

Вследствие почитания матери-земли актуальным был также культ дерева. У бурят этот культ представлен несколькими породами деревьев, являющимися важнейшими атрибутами в обрядах испрашивания чадородия, сакральной субстанции, благополучия и удачи. Так, лиственница была вместилищем *сульдэ* (души, жизненного начала) человека. С просьбой даровать детей выбирали молодое, крепкое дерево, опоясывали его полосой материи, лентой, зажигали лампадку и обходили несколько раз вокруг, излагая свои просьбы о чадородии, долголетьи и благополучии [9, с. 41].

О неразрывной связи жизни человека и дерева свидетельствуют многие поверья. Гибель дерева влечет за собой смерть человека: если во время бури

было сломано много деревьев — много людей уйдет из жизни в ближайшем будущем; видеть во сне поваленную лиственницу — к смерти кого-либо из родственников, если это дерево было маленьким — к гибели ребенка.

Кроме того, по мифоритуальным представлениям бурят, лиственница считалась медиатором между людьми и представителями верхнего мира. Согласно легенде, орел-шаман, которого *заяны* (духи) послали к людям для их защиты от злых духов, увидел под лиственницей спящую женщину-тунгуску (*хамниган эжи*), которая впоследствии стала первой шаманкой и родила от него сына, будущего первого шамана [22, т. 2, с. 112—113]. К дереву обращались как к проводнику, повязывая на нем ленточки, бросая монеты, с помощью которых можно связаться с иным миром, откуда и даруется *сульдэ*. На связь дерева с верхним миром указывает повязывание 9 ленточек (сакральное число верхнего мира) [20, с. 118, 119]. У бурят Предбайкалья одинокая лиственница была воплощением божества-хранителя местности и вызывала суеверный трепет, люди боялись даже смотреть в ее сторону. Если они проходили мимо, то молились и просили у нее прощения. Особое волнение и страх люди испытывали, когда замечали сидящего на дереве орла³.

Кроме лиственницы, образ матери-дерева соотносится с березой — *Эхэ шара модон* (мать-желтое дерево). Образ березы как символа материнского начала, в котором обретаются души неродившихся детей, обнаруживается в пространстве небесного местопребывания высших божеств бурятского пантеона: *Эсэгэ Малан тэнгэри* и его супруги *Эхэ Юурэн*. Ключевыми знаками небесного локуса выступают *Хуй-болдог* (пуп-бугор) и *Эхэ шара модон* (мать-желтое дерево), на ветвях которого лежат гнезда с яйцами (душами людей).

Береза с функциями медиатора для надления благодатью — важный атрибут и в обрядах посвящения в шаманы. Действия обряда заключались в том, что сначала шаманили в юрте вокруг березы, называемой *уудэишэ бурхан* (божество входа/выхода), по которой посвящаемый выбирался из юрты через верхнее отверстие, а затем залезал на большую березу *Эхэ шара модон*, где призывал богов и умерших предков-шаманов. В конце шаман должен был спуститься с этой березы вниз головой [22, т. 1, с. 380]. Согласно Г. Р. Галдановой, «начинающий посвящаемый шаман проводил всю ночь на вершине Матери-дерева, а утром, спускаясь с дерева, он уже знал текст призываний, имена духов. Он уже овладевал искусством камлания, т. е., как верили, он мог входить в связь с духами и впадать в состояние одержимости, он становился уже действительно шаманом» [9, с. 69].

Очевидно, что в обряде инициации шамана мать-желтое дерево является важнейшим атрибутом, благодаря которому происходят космические путешествия неопита. О том, что он находится в ином мире, свидетельствует, во-первых, «выход» неопита из юрты через отверстие сверху — для призываний своих *заянов* (духов-покровителей); во-вторых, его размещение на белом войлоке (знак иного мира), прежде чем он побежит к матери-дереву; в-третьих, собственно бег и, наконец, в-четвертых — спуск вниз головой, что маркирует его возвращение в этот мир и получение им посвящения.

Вместилищами душ или благодати на матери-дереве были яйца в гнездах. Например, в обряде посвящения у хилокских бурят «молодой шаман вселял в

³ Полевые материалы автора, 1997 г.

себя *онгона* (духа), “бегом” забирался на “мать-дерево” (*Эхэ модондо гуйдэло-ороо гараха*) и из трех птичьих гнезд, устроенных на верхней части дерева, ртом доставал три яйца и съедал их. После этого он трижды куковал по кукушечьи, какое-то время камлал на верху дерева, а затем спускался с него вниз головой. Три яйца, обнаруженные шаманом в трех гнездах “Мать-дерева” и съеденные им, очевидно, и есть три его души, прошедшие обучение и воспитание на “Мать-дереве”. Проглотив их, молодой шаман вновь приобретает их, но уже в ином качестве» [11, с. 54]. В обряде посвящения агинского шамана более усложненная гендерная модель пространства, в которой присутствуют поздние напластования, и действия с яйцами носят уже символический характер. Для осуществления обряда «березу, установленную на северной стороне, называли *эхэ модон* (дерево-мать). На вершине ее прикрепляли “птичье гнездо”, сделанное из шелковых и хлопчатобумажных лоскутков. Рядом с “гнездом” прикрепляли изображение луны. Южное большое дерево называли “дерево-отец”. На его вершине прикрепляли изображение солнца» [15, с. 81].

Как видим, обряды, связанные с матерью-деревом, были призваны, с одной стороны, моделировать структуру мира — сакральный центр, с другой — обеспечивать благодать, чадородием в виде *сультэ* и наделять сакральным свойством неофита.

Следующими по значимости и связи с женским культом являются ильмовое дерево, вяз и ива, которые считались предками огня. Веточки этих деревьев использовались при совершении обряда «моление огню». В бурятском героическом эпосе ильмовое дерево рождает жизнь, «дыхание» огня. Можно добавить следующее: в эпических сказаниях богиня охоты или хозяйка леса обладает древовидным обликом («ростом с осину»). Нередко она выходит за героя замуж и рождает ему детей (*Ута Саган батор*). По мнению Д. В. Цыбикдоржиева, в совокупности все это приводит к тотемическому образу предка, а функции надления чадородием — к богине-матери, прародительнице, т. е. к предку же [23, с. 19].

Таким образом, обряды испрашивания чадородия, благополучия и посвящения в шаманы приводят нас к богине-матери в образе древовидной прародительницы.

Исследование совокупности женских божеств земли, сформированных на раннем этапе культуругенеза, выявило стратегию освоения окружающего пространства с использованием природных объектов, которые, согласно мифологическим воззрениям, соотносятся с материнским порождающим началом.

Образы женских божеств, сложившиеся на основе мифопоэтического освоения окружающей действительности, органично репрезентируются в концептуальной модели мира, поскольку они влияли посредством обрядов на организацию пространства среды обитания, в которой существовал конкретный социум.

Библиографический список

1. Банзаров Д. Собрание сочинений. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 372 с.
2. Баторов П. П. Белкование у аларских бурят и народные поверья // Бурятияеведение. Верхнеудинск, 1925. № 1. С. 9—12.
3. Бертагаева Т. А. Культ богини-матери и огня у монгольских племен // Сов. этнография. М., 1973. Вып. 6. С. 120—125.

4. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М. : Сов. энцикл., 1973. 804 с.
5. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Наука, 2004. 633 с.
6. *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука, 1972. 316 с.
7. *Василевич Г. М.* Эвенки : историко-этнографические очерки (XVIII — нач. XX в.). Л. : Наука, 1969. 304 с.
8. *Васильев В. Е.* Культ духа-хозяйки земли по представлениям якутов // Традиционные представления саха об окружающем мире / Якут. гос. музей истории и культуры народов Севера им. Е. М. Ярославского. Якутск, 1998. С. 5—6.
9. *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 153 с.
10. *Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят : (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2001. 299 с.
11. *Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства : на материале обрядового фольклора бурят. М. : Наука, 1991. 297 с.
12. *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины : опыт атеистической интерпретации. М. : Наука, 1978. 128 с.
13. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. М. : Сов. энцикл., 1982. Т. 2. 719 с.
14. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 320 с.
15. *Нацов Г.-Д.* Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 155 с.
16. Небесная дева-лебедь: бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с. (Б-ка «Сибирская живая старина»).
17. *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. М. ; Л. : Наука, 1966. 322 с.
18. *Потанина А. В.* Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю : сб. ст. М., 1895. 296 с.
19. *Серошевский В. Л.* Якуты : опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 1993. 736 с.
20. *Скрынникова Т. Д.* Солнце и Земля в пантеоне народов Центральной и Восточной Азии // *Altaica VI*. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2002. С. 114—139.
21. *Содномпилова М. М.* Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск : МИОН, 2005. 218 с.
22. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений : в 3 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. Т. 1. 508 с. ; Т. 2. 312 с. ; Т. 3. 312 с.
23. *Цыбикдоржиев Д. В.* Происхождение древнемонгольских воинских культов у монголов : (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2003. 292 с.

С. В. Сиражудинова

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Во всем мире идут процессы модернизации, распространения демократических ценностей, идей гражданского общества, прав и свобод человека. Внимание ученых и представителей неправительственных организаций все больше привлекают проблемы гендерного равенства, которые и в XXI в. сохраняют свою актуальность как в глобальном масштабе, так и масштабах России. Регионы Российской Федерации отличаются многообразием народов, каждый из которых обладает собственной культурой, ценностной системой. Идеологическое и культурное многообразие характерно для России на протяжении многих веков и стало частью ее культуры.

Обозначенные процессы оказывают заметное влияние на формирование социального статуса женщин и мужчин, складывающиеся в обществе гендерные отношения, а также гендерную политику государства.

Анализ показывает, что большинство гендерных исследований, осуществляемых российскими учеными, базируются на постулатах европейской культуры [1, 2, 3, 6, 11, 17, 18]. Комплексных исследований гендерных отношений и гендерной политики в регионах Северного Кавказа крайне мало. Отдельные гендерные проблемы нашли отражение в трудах М. Текуева, Р. Ханаху, Я. Смирновой и ряда других ученых [4, 5, 14, 15, 16].

Между тем гендерный вопрос на Северном Кавказе очень актуален. Данный регион всегда отличался своей патриархальностью и традиционностью. В течение столетий писатели, путешественники и этнографы обращали внимание на трудности и особенности быта кавказских женщин. Жизнь кавказской женщины никогда не была легкой. С приходом технического прогресса жизнь женщины в городах облегчается, но жизнь большинства горских женщин изменилась незначительно, а местами вообще осталась неизменной.

Изучение специфики реализации гендерной политики в республиках Северного Кавказа требует учета ряда факторов. Регионы Северного Кавказа являются частью Российской Федерации и находятся в едином для всей России правовом поле. Поэтому региональная гендерная политика основывается на конституционно закрепленном равноправии полов. Мужчины и женщины Дагестана, Чеченской и других республик имеют равные права на образование, труд и самореализацию в различных сферах жизни общества. Однако конституционно закрепленные права не всегда подкрепляются реальной практикой. По мнению председателя Комиссии по межнациональным и международным отношениям, связям с общественными и религиозными объединениями Рес-

публики Ингушетия М. Амриевой, «женщина в политике никогда не испытывала дискриминации. И в политике женщины есть, и министры есть. Если женщина может чего-то добиться, то это только благодаря семье. Здесь есть женщины, которые очень хорошо живут, но если брать среднестатистическую женщину, то она живет хуже, чем где-либо. Сложная общественно-политическая ситуация также сказывается на состоянии женщин, вызывая и психологические проблемы, и социально-экономические, и в области здравоохранения, нехватку детских садов, дефицит рабочих мест. Так что положение женщины в Ингушетии оставляет желать лучшего»¹.

К факторам, осложняющим социальное положение женщин на Северном Кавказе, целесообразно отнести сильное влияние ислама. Есть основания утверждать, что в последние годы происходит арабизация кавказских женщин. Если раньше большим воздействием обладал традиционализм, то сейчас с каждым днем возрастает роль религиозного фактора. Приоритет ислама над традиционализмом на Северном Кавказе неодинаков. В Дагестане роль религии усиливается с каждым днем. В традиционной Чечне власть прилагает значительные усилия по исламизации населения. В Ингушетии превалируют традиционализм и местные адаты, но роль религиозного фактора и здесь также значительно возросла. Если рассматривать роль женщины с точки зрения ислама, то встречаются довольно глубокие противоречия между мнением мусульманских ученых и духовных лиц Северного Кавказа, с одной стороны, и стереотипами, сложившимися в массовом сознании населения, — с другой [12, с. 175]. Представители официальных мусульманских учреждений — духовных управлений мусульман, институтов, муфтията — признают за женщиной возможность участия в политической и общественной деятельности, подходят к женщине как к равноправному члену общества. Ф. Арсланов (муфтий Ростовской области) считает, что «женщине заниматься политикой разрешено, ничего страшного нет. И президентом она может быть» (цит. по: [13, с. 98]). Ректор института теологии Дагестана М. Садиков отмечает, что «должна быть свобода и должно быть равенство. С чего ислам должен запрещать, ограничивать свободу человека? Женщина может осуществлять политическое руководство, быть председателем предприятия, директором завода и т. д. Одно только женщина не может — быть имамом и муфтием» [там же]. По словам Р. Мейриева (Ингушетия), «все человечество, все перед Богом равны. Свобода, равенство, равноправие должны быть. Единственный пост, на который женщину не желательно ставить, — быть президентом. Остальное все на равных» [там же].

Другая группа — имамы и шейхи — ссылаются на хадисы, ограничивающие доступ женщины к власти. Имам одной из мечетей высказался так: «Женщина имеет право заниматься общественными делами, но она не должна работать там, где унижается ее достоинство, имеется в виду тяжелый физический труд, немислима и женщина с лопатой. Она может быть врачом, может

---

¹ Социологическое исследование «Положение женщины в традиционном обществе», август 2012 г. Опрос экспертов. (Проводилось Центром исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» в рамках проекта «Гендерные проблемы Северного Кавказа».)

даже заниматься политикой, но она не может быть президентом. Есть хадис «Потерпит убыток тот народ, который дал власть женщине»» [там же]. А. Гаджимагомедов в меньшей степени признает равноправие женщин: «Равенства нет. Женщина в исламе — хранительница очага, хранительница дома. Все беды и невзгоды, которые выпали на долю еврейского народа во время фараонов и Моисея — за счет того, что они пускали в политику женщин. Мусульманка в политике — противоречит исламу. У женщины другие функции — ее надо охранять и лелеять» [там же].

Сложившийся в исламском обществе стереотип женщины как существа слабого и бесправного не совсем верен. Ислам поощряет образованность женщин, наделяет их имущественными правами, запрещает навязывание выбора супруга. Ислам не ограничивает возможности женщины выйти повторно замуж при разводе или вдовстве, поэтому объяснение «шахидизма» исламом не обосновано. По исламу и согласно традиционным стереотипам кавказских народов, главная роль и предназначение женщины — быть матерью. Вместе с тем большие ограничения на поведение женщины накладывают пережитки традиционализма (родительские соглашения о браке и внутритухумные браки в Дагестане, умыкание невест и запрет вдове, имеющей детей, на повторный брак в Ингушетии).

Жизнь дагестанских женщин связана с тяжелым трудом. Она вынуждена работать по дому, заниматься огородом, ухаживать за скотом, зарабатывать полевыми работами или заниматься предпринимательской деятельностью.

Годы советской власти, когда «раскрепощение женщины-горянки» было частью государственной политики, не могли не сказаться на менталитете старшего поколения, воспитанного на ценностях социализма и коммунизма (в советские годы в Дагестане Верховный совет возглавляла женщина — Р. Эльдарова). Именно старшее поколение наиболее часто допускает возможность гендерного равноправия, в то время как многие представители молодежи тяготеют к религии, отрицая любую возможность гендерного равноправия.

Социальное положение женщин по республикам значительно отличается, даже в разных районах одной республики Северного Кавказа имеются существенные различия. Можно выделить следующие зоны: города, равнинные районы, горные близлежащие и дальние горные районы. Если в городах жизнь все более модернизируется, то в дальних горных селах жизнь женщин связана с тяжелым физическим трудом: уходом за скотом, полевыми работами, работой по дому и в огороде.

Одной из проблем, нарушающих права женщин, является полигамия. Она не урегулирована законом, в большинстве случаев основывается на обмане. Несмотря на то что многие апеллируют к шариату, шариат в обязательном порядке здесь не действует и не может защитить женщину и ее права. Незарегистрированные брачные связи влекут проблемы с правами детей, собственностью, вызывают долгие и трудноразрешимые наследственные и имущественные тяжбы. Полигамию запрещает и Семейный кодекс РФ. Проблема полигамии поднималась первым президентом Ингушетии Р. Аушевым, даже были приняты законы в ее пользу, признанные впоследствии неконституционными. Глава Чечни Р. Кадыров также выступил за введение многоженства в республи-

лике. «Закона нет такого, но я всем говорю: у кого есть желание и возможность, надо брать вторую жену <...> в Чечне женщин больше, чем мужчин <...> Но все они должны быть устроены в жизни. Многоженство разрешают наши обычаи, наша религия. С другой стороны, если молодая девушка или разведенная женщина гуляет, то ее брат убивает и ее, и того мужчину. У нас очень суровые обычаи. Лучше женщине быть второй или третьей женой, чем быть убитой. Так что уверен: сегодня нам необходимо многоженство» [8]. При помощи полигамии пытаются сократить многочисленные и характерные среди вайнахов убийства женщин, опозоривших честь семьи. Противоправно и то и другое. Мусульманский брак (магар, никях) как легко совершается, так легко и расторгается, часто совершается тайно от общества и от другой жены, а часто и от обеих жен, что запрещено шариатом. Неофициальная жена не имеет права ни на имущество мужа, ни на содержание детей (от которого многие кавказские мусульмане отказываются, забывая о религиозных законах). К многоженству у подавляющего большинства женщин отношение отрицательное. Респонденты отмечают, что мужчины не в состоянии обеспечить необходимые одинаковые условия ни материально, ни морально (по исламу, требуется относиться с равным чувством ко всем женам, что практически невозможно). По мнению опрошенных, многоженство влечет подавление личности, ущемление и страдания женщин и, в первую очередь, детей.

В Чечне известны случаи принудительной шариатизации и традиционализации женщин со стороны власти. Р. Кадыров ввел обязательное ношение платка женщинами [7]. В то же время он выступает защитником девушек, запретив похищение невест. «Мы исповедуем ислам, а это религия, которая осуждает и не признает брак, заключенный без согласия девушки. Я неоднократно заявлял и повторяю, что мы искореним навсегда из жизни нашего общества такое явление, как похищение невест» [10].

Проблема гендерного неравенства коренится не только в гендерных отношениях, но и в самосознании женщин. В целях выяснения степени осознания своей роли в августе 2012 г. нами был проведен опрос среди женщин Дагестана на тему «Положение женщины в традиционном обществе»². Данные опроса продемонстрировали, что осознание женщиной своей роли в обществе во многом зависит от ее образованности, от социального статуса. Чем выше названные параметры, тем больше она осознает свои права и роль в обществе. Так, на вопрос о положении женщин в обществе часть респондентов ответила, что оно достойное и нормальное (около 30 %), а большинство подчеркнуло, что у женщин очень мало прав, что в республике «очень много одиноких и материально не обеспеченных женщин». Сами себя многие женщины осознают свободными (71,6 %) и равноправными (53 %). В то же время равенства с мужчинами желала бы только половина опрошенных, а другая половина считает, что такого равенства быть не должно. Вот здесь мы и видим пример внутренней несвободы, когда женщина не только не желает бороться за равноправие, но и выступает его противницей. Около 90 % женщин отметили нарушения прав женщин, конкретизируя, что они подвергаются насилию, нарушается их свобода слова.

---

² Анкетный опрос. Выборка — 734 респондента.

Наибольшее нарушение прав было отмечено в приватной сфере (59,1 %) и трудовой деятельности (около 40 %).

Важнейшую ценность для женщин представляет семья (80 %), затем заработок, образование, религия. По мнению респондентов, больше всего защищает женщину светский закон (72,3 %), но некоторые надеются на шариат и адат. Многие считают, что шариат защищает женщину (81 %), а около 20 % — что ограничивает. Особо важные положения шариата — отношение к женщине, гарантирование ей материального обеспечения, ее покорность, скромность и порядочность. Большинство респондентов считают, что женщине нежелательно занимать большие должности и заниматься политикой.

Таким образом, результаты социологического опроса показывают, что самосознание женщин, проживающих в республиках Северного Кавказа, находится в значительной степени под влиянием гендерных стереотипов о предназначении полов.

В продвижение идей гендерного равноправия могут внести весомый вклад институт Уполномоченного по правам человека, а также неправительственные организации, которым «отводится особая роль в развитии идеи гендерного равенства через мобилизацию движения, установление межсекторных связей с государственными структурами и бизнесом, через функцию контроля и влияние на политику, формулирование социального заказа науке и др.» [18, с. 33].

В республиках Северного Кавказа действуют и отделения общероссийских женских организаций, и региональные общественные организации. В Дагестане, при поддержке «Института теологии и религиоведения», после долгой борьбы отстояла право на существование единственная в России благотворительная больница для женщин. Наиболее активны организации, специально созданные для гендерного образования и защиты женщин. Например, РОО «Мать и дитя» в Дагестане проводит психологическое и юридическое консультирование женщин, информационно-образовательные семинары, тренинги по правам женщин, по вопросам домашнего насилия. Подобную деятельность осуществляют общественные организации «Женское достоинство» и «Синтем» в Чечне.

Вместе с тем проблема гендерного просвещения населения, и прежде всего женщин, остается актуальной. Традиционное воспитание и мировоззрение многих женщин не дают им возможности даже помыслить о том, чтобы занять какие-либо социальные позиции в обществе. По словам М. Джабировой («Мать и дитя»), «женщинам не до гендера, когда их заботит вопрос пропитания»³. «Если европейская женщина осознает свои права и стремится к их реализации, то дагестанка зачастую даже не подозревает о них» [9]. В целях просвещения и защиты прав кавказских женщин целесообразно выработать такую гендерную политику, которая, не затрагивая духовные ценности общества, должна быть направлена на повышение уровня образования женщин и защиту их прав: необходимо проводить систематические гендерные исследования, организовывать гендерное просвещение женщин, активизировать работу женских неправительственных организаций.

---

³ Социологическое исследование «Положение женщины в традиционном обществе», август 2012 г. Опрос экспертов.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Гендерное равенство в контексте прав человека. М. : ИСП РАН, 2001. 52 с.
2. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 320 с.
3. Гендерный калейдоскоп / под ред. М. М. Малышевой. М. : Академия, 2002. 520 с.
4. Гулиева М. Политическая культура женщин как условие социально-политической стабилизации : на материалах Северного Кавказа : дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2005. 154 с.
5. Денисова Л. В. Положение женщины в мусульманском мире согласно догматическим воззрениям ислама // Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии. Н. Новгород : Медина, 2007. С. 75—78.
6. Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 15—23.
7. Кадыров ввел обязательное ношение платков для женщин, 10.03.2006. URL: <http://www.demos-center.ru/news/9973.html> (дата обращения: 12.09.2012).
8. Кадыров: в Чечне необходимо многоженство, 07.04.2009. URL: <http://www.grani.ru/War/Chechnya/m.149599.html> (дата обращения: 12.09.2012).
9. Положение женщин // Московская Хельсинкская группа. URL: <http://www.mhg.ru/publications> (дата обращения: 12.09.2012).
10. Рамзан Кадыров: «Мы искореним навсегда из жизни нашего общества такое явление, как похищение невест». URL: <http://www.brodsky-museum.org/newsph~1/news~212.htm> (дата обращения: 12.09.2012).
11. Рябова Т. Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 246 с.
12. Сиражудинова С. В. Гендерное равноправие как условие развития гражданского общества на Северном Кавказе // Социология власти. 2010. № 4. С. 170—177.
13. Сиражудинова С. В. Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д : АзовПечать, 2012. 200 с.
14. Смирнова Я. С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 48—60.
15. Текуева М. А. К истории женского вопроса в Кабардино-Балкарии // Женщина Кавказа и современность : тез. докл. I Региональной науч.-практ. конф., 20—21 ноября 1991 г. / Кабардино-Балк. ун-т. Нальчик, 1991. С. 4—6.
16. Ханаху Р. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени : (социально-философский анализ). Ростов н/Д : СКНЦ ВШ, 2001. 192 с.
17. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
18. Юкина И. И. Двуликий Янус гендерной политики в России // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 30—38.

ББК 60.542.4

Л. В. Клименко

**ГЕНДЕРНЫЕ ДИСПОЗИЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ СЕМЬЕ:
МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ АРХАИЗАЦИЯ**

Современное пространство российского общества активно вовлечено в модернизационные процессы, подразумевающие внедрение в стране рыночных институтов, правового государства, либерализма и др. Однако в силу социально-экономической и этнокультурной гетерогенности территориального состава Российского государства процесс модернизации зачастую характеризуется различной степенью интенсивности и определенными специфическими особенностями в зависимости от конкретного региона его протекания. Продвижение к демократическим формам организации политико-правовой сферы и современным типам социально-экономических отношений наиболее неоднозначно и противоречиво реализуется на Северном Кавказе. Для данного региона характерны специфические особенности, заключающиеся в высоком уровне этнокультурной гетерогенности, преимущественном сохранении традиционных механизмов социальной регуляции и внутриэтнических солидарных связей.

Как правило, в качестве критериев модернизационного процесса основной частью как теоретиков, так и управленцев рассматриваются происходящие изменения в экономической, политической и социоструктурной сферах. Между тем для судеб модернизации являются в высшей степени значимыми и социокультурные трансформации, в частности содержание и принципы организации гендерной системы. Как отмечает М. М. Малышева, отслеживание даже экономических преобразований без учета гендерной дифференциации не может быть полным и комплексным: «Гендерный анализ рыночных процессов дает наиболее адекватное понимание той стадии, на которой находится реформирование общества. Благодаря ему становится очевидным, что само по себе расширение производства, увеличение объема продукции и предоставляемых услуг только отдаленно говорит о движении к демократии» [8, с. 58].

Тем более необходимо изучать гендерный ракурс модернизационных изменений в Северо-Кавказском регионе. Здесь стержневым элементом структурной организации жизни этноса являются принципы регулирования межполовых отношений. А в контексте современной актуализации на Северном Кавказе этнонациональных традиций, которые зачастую несут антимодернистский потенциал и возрождают архаичные формы организации социальной жизни, особенно важным является анализ социокультурных основ функционирования этнических общностей данного региона. Поэтому, говоря о *глубине* происходящих модерни-

зационных сдвигов в полиэтничных регионах Юга России, нельзя не учитывать современный характер и направление трансформации гендерных отношений, составляющих ядро этнической культуры народов, его населяющих.

Такая постановка проблемы определила содержание серии прикладных социологических исследований, проведенных по идентичному инструментарию в разных типах субрегионов Северного Кавказа:

1) «русскоязычных» субъектах с достаточно выраженным уровнем урбанизированности и индустриализации, население которых ориентировано на модернистские типы социального взаимодействия (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край);

2) северокавказских республиках, представляющих переходный тип между традиционным и индустриальным уровнем социально-экономического развития (республики, включающие адыгские этнические группы, — Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, а также Северная Осетия-Алания);

3) республиках преимущественно традиционной культуры с демодернизированной экономикой, население которых относится к нахско-дагестанской группе (Ингушетия, Чечня, Дагестан).

Подобное сегментирование макрорегиона Северного Кавказа обосновано в работах Г. С. Денисовой, Г. Г. Матишова, В. А. Авксентьева, Л. Л. Хоперской и других [3, 9, 1, 13, 15]. Как правило, социокультурные процессы в данных субрегионах протекают однотипно, что позволяет в сравнительном анализе использовать разные территориальные субъекты Северного Кавказа, представляющие одну и ту же типологическую группу.

Такая постановка проблемы определила содержание серии прикладных социологических исследований, проведенных по идентичному инструментарию на *первом этапе в 2004 г.* (в Карачаево-Черкесской республике опрошено 334 чел., Республике Ингушетия — 270 чел., Ростовской области — 276 чел.) и *на втором — в 2010 г.* (в Республике Адыгея — 300 чел., в Республике Ингушетия — 300 чел., в Кабардино-Балкарской республике — 262 чел., в Ростовской области — 300 чел.). Социально-демографические параметры выборки представлены в табл. 1, 2. Исследование осуществлялось по «разведывательному типу» [16, с. 112] методом стандартизированного интервью.

В качестве маркеров трансформации гендерных отношений при переходе от традиционных к современным принципам социальной организации северокавказских обществ в исследовании выступали следующие показатели: проблемы гендерной иерархии в семье, межполового разделения домашнего труда; соблюдение обычаев гендерного этноэтикета.

Анализ традиционных обществ Северного Кавказа показывает, что по выделенным индикаторам модели гендерных отношений культуры коренных народов данного региона можно охарактеризовать как андроцентрические [11, с. 236]. Это проявлялось в аскриптивном приоритете статуса мужчины (в первую очередь старшего) в семье, гендерном и возрастном разделении труда, обычаях избегания, исключении женщин из общественно-политической жизни, ограничении их имущественных прав [4, 10, 5, 7]. В советский период развития этот гендерный порядок был подвергнут существенной трансформации прак-

Гендерные аспекты этнокультурных процессов

тикой активного вовлечения женщин в производственную деятельность, распространением нуклеарного типа семьи, что в значительной степени ослабило главенство старшего мужчины в семье. Однако в семейно-бытовой сфере в большинстве случаев продолжала воспроизводиться традиционная модель отношений между полами — доминирование и подчинение [6, 12, 14].

Таблица 1

Параметры выборки исследования 2004 г., %

	РИ (N=334)	КЧР (N=270)	РО (N=276)
Пол:			
мужской	36,3	37,9	39,3
женский	63,7	62,1	60,7
Образование:			
неполное среднее	1,5	–	–
полное среднее	3,0	2,2	2,9
среднее специальное	18,7	24,9	24,5
незаконченное высшее	10,4	7,4	10,1
высшее	66,4	65,5	62,5
Возраст:			
16—24	12,7	13,6	16,3
25—34	38,8	37,5	37,7
35—44	31,3	29,9	26,1
45—60	15,7	14,2	15,9
старше 60 лет	1,5	4,8	4,0

Примечание. Здесь и далее в таблицах: КЧР — Карачаево-Черкесская Республика, РИ — Республика Ингушетия, КБР — Кабардино-Балкарская Республика, РА — Республика Адыгея.

Таблица 2

Параметры выборки исследования 2010 г., %

	РИ (N=300)	РА (N=300)	КБР (N=262)	РО (N=300)
Пол:				
мужской	39,3	38,3	39,9	40,5
женский	60,7	61,7	60,1	59,5
Образование:				
неполное среднее	4,1	1,0	–	3,4
полное среднее	4,7	3,7	6,6	5,5
среднее специальное	15,9	16,0	11,6	18,2
незаконченное высшее	14,7	14,6	15,4	14,7
высшее	60,6	64,7	66,4	58,2
Возраст:				
16—24	22,2	23,1	28,9	25,1
25—34	30,2	31,2	32,6	28,4
35—44	26,5	25,2	21,7	27,3
45—60	18,4	19,1	14,3	14,3
старше 60 лет	2,7	1,4	2,5	4,9

Устойчивость традиционных институтов этнокультуры народов, населяющих Северный Кавказ, несмотря на происшедшие с начала 90-х гг. политические, экономические и социальные перемены, продолжает определять содержание гендерного взаимодействия и в постперестроечный период развития региона. Результаты этносоциологических исследований показывают, что большинство мужчин Юга России и в 2004 г., и в 2010 г. ориентированы на проявление традиционного гендерного дисплея — оценку своего семейного статуса как лидирующего и поддержание межполового разделения труда. Вместе с тем эмпирические замеры фиксируют трансформацию взглядов на семейно-брачные, личностные и хозяйственные отношения в домашнем быту *со стороны женщин*, которые с разной степенью выраженности, но *ориентированы на декомпозицию традиционной модели семейных отношений* в аспекте расширения границ нормативного гендерного поведения (табл. 3).

Сравнительный анализ материалов опроса показывает, что в 2004 г. больше всего указаний на главенство мужа и со стороны мужчин, и со стороны женщин выявлялось в Ингушетии, далее расхождения увеличивались в Карачаево-Черкесии. В Ростовской области выявлялся наибольший процент указаний на главенство женщины или на равноправие в семье. Эмпирические данные 2010 г. зафиксировали сближение гендерных оценок в наблюдаемых республиканских сегментах. Можно говорить о *проявлении тенденции роста статуса отца (свекра) в семье*. А именно: в настоящее время от 32,3 до 42,9 % жителей северокавказских республик разделяют традиционную этнокультурную установку на доминирование старшего мужчины в семье (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Кто глава вашей семьи?», %

Место опроса	Пол информанта	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Равноправие
<i>2004 г.</i>						
КЧР	Муж.	80,0	5,0	10,0	0,0	5,0
	Жен.	43,5	16,5	11,8	9,4	18,8
РИ	Муж.	65,2	6,5	23,9	4,3	0,0
	Жен.	72,9	4,7	15,3	3,5	3,5
РО	Муж.	84,2	10,5	0,0	–	5,3
	Жен.	58,7	21,7	4,3	–	15,2
<i>2010 г.</i>						
КБР	Муж.	48,6	–	42,9	2,9	5,7
	Жен.	40,3	5,2	33,8	3,9	16,9
РИ	Муж.	52,5	2,5	37,5	–	7,5
	Жен.	58,2	2,0	31,6	–	8,2
РА	Муж.	53,8	2,6	35,9	–	7,7
	Жен.	57,6	2,0	32,3	–	8,1
РО	Муж.	74,2	4,7	9,4	–	11,7
	Жен.	56,4	17,9	11,5	–	14,1

Гендерные аспекты этнокультурных процессов

Определение качеств, которые детерминируют роль главы семьи, также варьируется в зависимости от региона проживания и гендерной принадлежности респондентов. Общим местом остается процентное преобладание позиций «пол», «сила характера» и «возраст» в качестве параметров, определяющих лидерство в семье. В опросе 2004 г. фиксировалось расхождение между ответами мужчин и женщин в сторону ослабления для последних значимости аскриптивных качеств. Также наибольшее число указаний на то обстоятельство, что гендерная принадлежность определяет статус в семье, встречалось в «ингушском» сегменте, далее по убыванию располагались Карачаево-Черкесская Республика и Ростовская область. Исследование 2010 г. показало, что по всем северокавказским республикам прослеживается значимое увеличение доли опрошенных, которые статус главы семьи определяют исходя из его возраста. Кроме того, относительно большее число жительниц Ингушетии и Адыгеи делают акцент на половую принадлежность семейного лидера. Позиции опрошенных в Кабардино-Балкарской Республике сопоставимы с данными, полученными в Карачаево Черкесии. И меньше всего ориентаций на аскриптивные параметры встречается в Ростовской области (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Чем определяется роль главы семьи?», %

Место опроса	Пол информанта	Пол	Возраст	Сила характера	Материальное положение	Высокий социальный статус	Наличие влиятельных родственников
<i>2004 г.</i>							
КЧР	Муж.	36,4	36,4	13,6	4,5	4,5	–
	Жен.	22,5	22,5	37,1	9,0	4,5	4,5
РИ	Муж.	42,0	12,0	36,0	4,0	–	–
	Жен.	28,0	16,1	37,6	9,7	1,1	1,1
РО	Муж.	12,0	4,0	73,9	13,0	–	–
	Жен.	12,1	6,9	50,0	15,5	3,4	3,4
<i>2010 г.</i>							
КБР	Муж.	31,7	18,3	26,7	8,3	3,3	–
	Жен.	22,8	34,2	26,3	8,8	0,9	–
РИ	Муж.	40,0	24,0	20,0	10,0	–	–
	Жен.	35,5	20,9	28,2	10,9	9,0	9,0
РА	Муж.	40,8	22,4	20,4	10,2	–	–
	Жен.	35,1	21,6	27,9	10,8	9,0	9,0
РО	Муж.	24,1	13,5	31,8	18,2	1,8	–
	Жен.	9,4	14,1	43,5	14,1	4,2	5,0

Компаративный анализ внутрисемейного разделения труда по результатам опроса в 2004 и 2010 гг. показывает, что такие виды домашней работы, как приготовление пищи, покупка продуктов, стирка, уборка, глажение, по традиции выполняются преимущественно женщинами. Тем не менее прослеживается тенденция убывания выраженности гендерного разделения труда от Ингушетии и Адыгеи (наибольшая выраженность) к Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (средняя степень) и к Ростовской области (меньшая степень). Что касается воспитания детей, то в республиках Северного Кавказа от 2004 к 2010 г.

отмечается большая степень задействования женщин в этой сфере, а по Ростовской области показатели практически не изменились (табл. 5).

Вместе с тем от первого ко второму этапам опроса фиксируется тенденция нарастания степени участия жительниц северокавказских республик в пополнении семейного бюджета в таких относительно «консервативных» республиках, как Ингушетия и Адыгея. В то же время в Кабардино-Балкарии пережитый экономический кризис потребовал мобилизации усилий со стороны всех членов семьи, тогда как в Ростовской области за прошедшие 6 лет повысился удельный вес заработков мужа в формировании основы семейного бюджета (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос
«Кто в Вашей семье преимущественно занимается следующими делами?», %**

Место опроса	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Дети	Все члены семьи
<i>Воспитание детей — 2004 г.</i>						
КЧР	26,0	43,7	4,3	7,8	3,5	14,7
РИ	23,7	48,5	3,6	11,8	0,6	11,8
РО	14,5	39,1	2,9	4,3	—	39,1
<i>2010 г.</i>						
КБР	1,7	23,5	16,5	10,4	—	47,8
РИ	13,0	56,9	0,8	14,6	0,8	13,8
РА	13,0	56,9	0,8	14,6	0,8	13,8
РО	16,5	37,9	4,0	5,9	1,1	34,6
<i>Зарабатывание денег — 2004 г.</i>						
КЧР	48,1	28,7	1,7	1,7	5,1	14,8
РИ	52,2	30,4	5,4	1,6	2,2	8,2
РО	39,1	16,3	3,3	5,4	30,4	40,6
<i>2010 г.</i>						
КБР	27,3	3,0	9,1	2,0	4,0	54,5
РИ	42,6	20,2	5,3	7,4	5,3	19,1
РА	42,6	20,2	5,3	7,4	5,3	19,1
РО	51,0	8,7	4,2	1,5	1,5	33,1
<i>Управление бюджетом — 2004 г.</i>						
КЧР	48,1	28,7	1,7	1,7	5,1	14,8
РИ	52,2	30,4	5,4	1,6	2,2	8,2
РО	39,1	16,3	3,3	5,4	30,4	40,6
<i>2010 г.</i>						
КБР	20,2	19,3	21,8	11,8	—	26,9
РИ	37,5	32,8	7,8	12,5	0,8	8,6
РА	37,5	32,8	7,8	12,5	0,8	8,6
РО	39,6	31,9	3,5	5,6	1,3	18,1

На этом фоне изменились и процентные показатели участия различных членов семьи в управлении семейным бюджетом. В кавказских республиках с повышением статуса старших по возрасту членов семьи возросла и степень их причастности к определению статей расходов. В ростовском же сегменте произошло перераспределение функций управления бюджетом от всех членов семьи в сторону женщины (жены) (табл. 5).

Гендерные аспекты этнокультурных процессов

Рассмотрение характера имущественных отношений в семье отдельно по гендерным подгруппам показывает, что принятие решений о совершении различных покупок оценивается зачастую мужчинами и женщинами по-разному. Если результаты опроса 2004 г. фиксировали, что в рассматриваемых республиках покупка недорогих вещей была преимущественно в ведении жен (причем женщины чаще приписывают себе эту функцию по сравнению с оценками мужчин), то в 2010 г. наблюдается уже значительно большее число указаний на решение подобных вопросов старшей женщиной в семье (матерью/свекровью). Особенно это характерно для Ингушетии и Адыгеи. В Ростовской области на двух этапах исследования процентные показатели свидетельствуют о распространенности коллегиальных принципов в принятии супругами решений о расходах на недорогие вещи.

Дорогие покупки на первом этапе опроса уже чаще совершаются после принятия решения всеми членами семьи в Карачаево-Черкесии, преимущественно мужчинами в Республике Ингушетия и коллегиально в Ростовской области, хотя в ингушском подмассиве заметно стремление женщин оспаривать в этом вопросе лидерство мужчин. Исследование 2010 г. показало, что в северокавказских республиках большую значимость приобретает мнение родителей (свекров) по этому вопросу. Также остается выраженной разница в ответах мужчин и женщин, которые чаще приписывают себе определяющую роль в принятии решений. В Ростовской области ситуация принципиально не изменилась (табл. 6, 7).

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос
«Кто в Вашей семье принимает следующие решения?», 2004 г., %**

Место опроса	Пол информанта	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Оба супруга	Все взрослые члены семьи
<i>Покупка недорогих вещей</i>							
КЧР	Муж.	15,8	38,5	–	–	30,8	19,2
	Жен.	2,4	60,0	–	4,7	16,5	16,5
РИ	Муж.	14,6	65,9	–	2,4	–	17,1
	Жен.	1,2	63,0	–	11,1	11,1	13,6
РО	Муж.	21,7	26,1	–	–	30,4	21,7
	Жен.	4,5	45,5	–	4,5	25,0	20,5
<i>Покупка дорогих вещей</i>							
КЧР	Муж.	25,0	25,0	–	6,3	25,0	18,8
	Жен.	24,2	24,2	–	4,4	23,1	24,2
РИ	Муж.	45,1	23,5	2,0	7,8	11,8	10,9
	Жен.	29,1	30,2	3,5	4,7	20,9	11,6
РО	Муж.	18,2	18,2	–	–	54,5	9,1
	Жен.	4,3	28,3	–	–	41,3	26,1
<i>За кем остается последнее слово</i>							
КЧР	Муж.	77,8	11,1	–	–	5,6	5,6
	Жен.	40,4	31,5	11,2	4,5	7,9	4,5
РИ	Муж.	68,9	15,6	6,7	8,9	–	–
	Жен.	55,0	15,0	12,5	5,0	10,0	2,6
РО	Муж.	60,9	4,3	–	–	26,1	8,7
	Жен.	23,9	37,0	2,2	–	21,7	15,2

Особенности традиционного гендерного дисплея, приписывающего мужскому восприятию оценку своей позиции во всех семейных делах как решающей, прослеживается у опрошенных мужчин во всех регионах. Основная их часть указывала в 2004 г., что за мужем остается последнее слово в обсуждении всех вопросов (77,8 % — в Карачаево-Черкесии, 68,9% — в Республике Ингушетия, 60,9 % — в Ростовской области). Однако отношение к этой проблеме со стороны женщин различается по рассматриваемым сегментам проживания. Треть карачаево-черкесских и ростовских женщин и только около десятой части ингушских отмечают свое доминирование в принятии окончательных решений по важным проблемам. И опять же — наиболее высок процент указаний на равноправие в ростовском сегменте (табл. 6).

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос
«Кто в Вашей семье принимает следующие решения?», 2010 г., %**

Место опроса	Пол ин- форманта	Муж	Жена	Отец (свекор)	Мать (свекровь)	Оба супруга	Все взрослые члены семьи
<i>Покупка недорогих вещей</i>							
КБР	Муж.	6,5	19,4	6,5	12,9	25,8	29,0
	Жен.	5,6	33,8	1,4	7,0	25,4	26,8
РИ	Муж.	8,6	48,6	2,9	17,1	8,6	10,0
	Жен.	12,5	52,5	2,5	15,0	7,5	14,3
РА	Муж.	8,8	50,0	2,9	17,6	8,8	11,8
	Жен.	12,3	51,9	2,5	14,8	7,4	11,1
РО	Муж.	25,0	16,1	1,6	2,4	41,1	13,7
	Жен.	7,0	31,8	1,9	1,3	33,1	24,8
<i>Покупка дорогих вещей</i>							
КБР	Муж.	18,2	6,1	24,2	–	–	18,2
	Жен.	6,5	11,7	5,2	2,6	–	39,0
РИ	Муж.	8,6	48,6	2,9	17,1	8,6	14,3
	Жен.	15,9	30,5	3,7	13,4	23,2	13,4
РА	Муж.	22,2	22,2	5,6	13,9	19,4	16,7
	Жен.	15,7	30,1	3,6	13,3	22,9	14,5
РО	Муж.	26,0	11,8	5,5	2,4	42,5	11,8
	Жен.	15,8	19,0	1,3	6	40,5	22,8
<i>За кем остается последнее слово</i>							
КБР	Муж.	45,7	–	28,6	–	–	17,1
	Жен.	33,3	2,7	22,7	2,7	–	17,3
РИ	Муж.	51,3	5,1	15,4	5,1	10,3	12,8
	Жен.	46,0	18,4	16,1	6,9	6,9	5,7
РА	Муж.	52,6	5,3	13,2	5,3	10,5	13,2
	Жен.	45,5	18,2	17,0	6,8	6,8	5,7
РО	Муж.	54,0	10,5	8,1	1,6	17,7	8,1
	Жен.	37,3	20,9	2,5	3,2	24,1	12,0

На современном этапе в республиках Северного Кавказа повышается авторитет старших членов семьи, но если в случае с принятием решений о покупках фиксируется большая роль матери (свекрови), то последнее слово чаще

Гендерные аспекты этнокультурных процессов

остается за старшим мужчиной. Снижаются также процентные показатели оспаривания женщинами авторитета мужчин, причем и в Ростовской области. Но, с другой стороны, в ростовском подмассиве эгалитарная модель принятия решений также не теряет своих процентных показателей (табл. 7).

Немаловажным вопросом в изучении степени трансформации гендерных отношений в Северо-Кавказском регионе является проблема проявления этнических традиций и норм на начальном этапе формирования семьи. Для традиционного общества характерно преимущественное вступление в брак по воле родителей. Эмпирические замеры на первом этапе опроса зафиксировали, что большинство населения рассматриваемых территорий считало, что вступление в брак должно совершаться и произошло в их реальной жизни по собственному желанию, но с учетом мнения родителей. Наиболее высокие показатели заключения брака только исходя из личных соображений (около трети респондентов) фиксировались в Карачаево-Черкесии и Ростовской области. Спустя 6 лет установки опрошенных стали более консервативными: уже значительно большее число респондентов разделяют установку о том, что выходить замуж или жениться нужно по воле родителей, и реализуют ее в собственной жизни. Особенно это заметно в Ингушетии и Адыгее. В Кабардино-Балкарской Республике наблюдается большая компромиссность между традициями и новациями, а в Ростовской области — усиление роли собственного желания при вступлении в брак (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Каким образом необходимо вступить в брак и как это произошло в Вашем случае?», %

Место опроса	По воле родителей		По собственному желанию, учитывая мнение родителей		По собственному желанию, даже если это вопреки мнению родителей	
	Необходимо	Реальная практика	Необходимо	Реальная практика	Необходимо	Реальная практика
<i>2004 г.</i>						
КЧР	14,6	16,1	78,8	51,0	6,6	32,9
РИ	11,6	12,7	80,2	79,7	8,3	7,6
РО	0,0	1,7	75,4	63,8	24,6	34,5
<i>2010 г.</i>						
КБР	7,2	10,5	86,5	63,2	6,3	26,3
РИ	24,0	19,3	58,0	38,0	3,3	3,3
РА	28,1	31,9	68,0	62,6	3,9	5,5
РО	10,8	16,3	57,4	46,3	31,8	37,4

Неотъемлемой составляющей традиционной культуры автохтонных северокавказских народов являются обычаи избегания, которые в семейной сфере проявлялись через запреты собираться совместно за одним столом женщинам и мужчинам, а также младшим и старшим по возрасту и статусу в семейной иерархии. Проведенные в разные годы эмпирические замеры показывают, что на Северном Кавказе обычай, согласно которому жена без присутствия посторонних не участвует в семейной трапезе (т. е. не сидит за одним столом), не является актуальным

как 6 лет назад, так и на современном этапе (хотя около десятой доли опрошенных на втором этапе в Ингушетии и Адыгее соблюдают его). Однако более жесткие требования предъявляются к соблюдению традиций в том случае, когда в доме находится свекор или тесть. Результаты опроса в 2004 г. показывали, что в подобной ситуации женщины не сидят с членами семьи мужского пола за одним столом в 43,1 % случаев в Карачаево-Черкесии и в 96,4 % — в Ингушетии. В 2010 г. исследование зафиксировало, что эта традиция соблюдается в половине случаев в Кабардино-Балкарии и в 88,1 % — в Ингушетии и Адыгее (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «Сидит ли в Вашей семье жена за одним столом во время обеда (завтрака, ужина) в следующих ситуациях?», %

	2004 г.		2010 г.		
	КЧР	РИ	КБР	РИ	РА
<i>Без посторонних</i>					
Да	97,5	94,3	94,8	85,4	87,4
Нет	2,5	5,7	5,2	14,6	12,6
<i>При свекре, тесте (отце мужа, жены)</i>					
Да	56,9	3,6	47,9	10,8	11,9
Нет	43,1	96,4	52,1	89,2	88,1
<i>При прочих родственниках</i>					
Да	61,3	40,6	66,7	42,5	40,6
Нет	38,7	59,4	33,3	57,5	59,4
<i>При посторонних</i>					
Да	67,4	5,6	50,0	11,0	12,4
Нет	32,6	94,4	50,0	89,0	87,6

Отметили, что жены участвуют в семейных застольях в присутствии других родственников 61,3 % карачаево-черкесских респондентов и 40,6 % опрошенных в Ингушетии в 2004 г. Примерно такое же соотношение процентных показателей по «традиционалистским» и «переходным» республикам — в 2010 г.: в Кабардино-Балкарии положительные ответы дали более 60 % респондентов, а в Ингушетии и Адыгее около 40 %.

Анализ динамики гендерных установок населения Северного Кавказа в процессе модернизационного перехода позволяет сделать следующие выводы.

Социетальные ценности, регулирующие организацию семейной жизни населения Северного Кавказа, продолжают характеризоваться преимущественно традиционалистской направленностью. Доминирующее число мужчин данного региона и в 2004 г., и в 2010 г. были ориентированы на проявление традиционного гендерного дисплея — оценку своего семейного статуса как лидирующего и поддержание межполового разделения труда.

Вместе с тем эмпирические материалы позволяют говорить о наличии тенденции декомпозиции консервативных гендерных паттернов в подгруппе женщин, проживающих в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, основная часть которых выражает установку на выравнивание гендерной иерархии в семейной сфере. Более всего этнокультурные традиции в организации частного пространства выражены в Ингушетии и Адыгее. Промежуточный уровень

и большая компромиссность между традициями и новациями наблюдаются в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. В наиболее концентрированном виде современные нормы внутрисемейного взаимодействия представлены в Ростовской области.

С другой стороны, на протяжении исследуемого периода в республиках Северного Кавказа наблюдается тенденция роста статусных позиций старшего мужчины в семье (его роль как главы семьи, значимость возрастных характеристик в определении лидерства, участие в распределении доходов семьи и пр.). В Ингушетии и Адыгее возросли также показатели консервативности в поддержании традиционных норм этнокультуры (принципы вступления в брак, обычаи семейного этикета).

Таким образом, можно заключить, что сфера гендерных отношений Северо-Кавказского региона характеризуется преимущественно традиционалистским содержанием в Ингушетии и Адыгее, что говорит об антимодернистском потенциале социокультурных практик их населения. Причем за период с 2004 по 2010 г. результаты наших эмпирических исследований позволяют наметить тенденцию роста степени выраженности ориентаций на возврат к этнонациональным традициям. В Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии в ходе опросов проявился достаточно заметный уровень трансформации консервативных гендерных референций, который особенно выражен среди женской части их жителей. Однако сопротивление модернизационным подвижкам продолжает оказывать большинство мужчин. Среди респондентов Ростовской области ценности и нормы, регулирующие гендерное взаимодействие, в наибольшей степени соответствуют эгалитарному характеру организации социальной жизни.

Библиографический список

1. *Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М. : Альфа-М, 2008. 368 с.
2. *Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия : (очерки политической теории и истории : документальные материалы). М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
3. *Денисова Г. С., Уланов В. П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д : РГПУ, 2003. 352 с.
4. *Дзуцев Х.* Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: этносоциологический анализ. Владикавказ : Проект Пресс, 1998. 206 с.
5. *Карпов Ю. Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб. : Петербургское востоковедение, 2001. 493 с.
6. *Клименко Л. В.* Гендерные отношения в контексте социальной динамики традиционных культур народов Северного Кавказа : дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2004. 166 с.
7. *Кузнецова Т. Г.* Этнокультурные особенности семейно-брачных отношений у народов Северного Кавказа в XIX — начале XX в. // Социальные изменения. Ценности. Духовность : сб. науч. тр. Ростов н/Д : Деловой мир, 2002. С. 32—44.
8. *Мальшева М. М.* Современный патриархат : социально-экономическое эссе. М. : Academia, 2001. 352 с.
9. *Матишов Г. Г., Авксентьев В. А., Батиев Л. В.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2008. 352 с.

10. Смирнова Я. С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 48—60.
11. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 386 с.
12. Тыкова А. А. Эволюция социального статуса адыгской женщины в обществе : гендерный подход. Майкоп : Изд-во МГТУ, 2006. 126 с.
13. Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов н/Д : СКАГС, 1997. 143 с.
14. Шоранова З. В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 21 с.
15. Юг России: проблемы, прогнозы, решения : сб. науч. ст. / гл. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2010. 320 с.
16. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. М. : Омега-Л, 1998. 629 с.

ББК 60.542.21-26

У. К. Мутаев

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ ДАГЕСТАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Под социальным пространством понимаются физические и мировоззренческие границы женской и мужской функциональности в обществе, определяемые хозяйственными, социально-политическими, идеологическими и культурными факторами. П. Бурдье характеризует его как «многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными...» [1, с. 53—54]. К позициям, характеризующим гендерную специфику социального пространства жителей Дагестана, можно отнести семейное, политическое и культурное поля, которые имеют достаточно четкую иерархию и структуру.

Социальное пространство женщин Дагестана исторически формировалось под воздействием не только хозяйственно-экономических и общественных условий жизни, но и господствовавших в обществе на каждом этапе развития идеологических взглядов, этнокультурных традиций, постулатов исламской религии, гендерных стереотипов о предназначении полов.

Общеизвестно, что статус женщин, проживавших в Дагестане 100 лет назад, отличался существенным ограничением политических и гражданских прав по сравнению с мужчинами. Положение мужчин и женщин в традиционном мусульманском обществе утверждало разные схемы двух жизненных основ, обеспечивая изначально, условно природное превосходство мужчины над женщиной. В советский период дагестанские женщины активно обучались грамоте, получали образование в вузах и техникумах, становились ведущими специалистами, реализовывались во властных структурах.

Обучение русскому языку, вовлечение в профессиональную и общественную деятельность значительно расширили сферу самореализации женщин, раздвинув тем самым границы социального пространства. Однако следует отметить, что эти процессы в большей степени были распространены в городской среде. В сельской местности и в советский период население придерживалось традиционных для ислама представлений о главенстве мужчины в семейном, политическом и культурном полях.

В результате экономических и социально-политических трансформаций, произошедших в России после распада СССР, дагестанское общество оказалось под влиянием сразу двух культур: традиционной исламской с ее патриархальными устоями и цивилизованной модернистской, ориентированной на гендерное равноправие. Сегодня на улицах Махачкалы можно встретить и «закрытую» мусульманку, и европейскую раскрепощенную модницу.

Исследование повседневных практик показывает заметную дифференциацию социального пространства дагестанских женщин в зависимости от места проживания. Так, для городских женщин и обучающихся в городах селянок стандартом является общее и профессиональное образование, им доступны телевидение и Интернет, участие в общественной и политической деятельности. В городах для женщин существует негласный запрет на посещение баров и других развлекательных заведений, но эти ограничения нередко не соблюдаются. Дагестанские женщины активнее мужчин усваивают русские паттерны восприятия действительности и в определенной степени играют роль проводников русской культуры. Например, махачкалинки практически без акцента говорят по-русски, интересуются русской и западной культурой. Открытость городских женщин для цивилизованных поведенческих схем, желание усвоить нормы и ценности российского общества свидетельствует о существенном объеме инкорпорированного культурного капитала.

Тем не менее сегодня в Дагестане реализуется еще спектр социальных практик, которые условно можно назвать иждивенческими, особенно они развиваются в среде женщин. К числу таких практик прежде всего следует отнести жизнь на пособия по безработице, пенсию по инвалидности и т. п. Многие женщины и мужчины в республике «выправляют» себе пенсии по возрасту или по инвалидности и живут на эти деньги, практически нигде не работая. Мало того, что такой образ жизни приносит прямой ущерб государству, от этого страдают и различные сферы народного хозяйства. С каждым годом все большее количество семей на селе отказываются от содержания домашнего скота, от возделывания огородов и садов. В регионе, славившемся своей сельскохозяйственной продукцией: мясом, овощами, фруктами, — в магазинах и на продовольственных рынках торгуют импортными товарами, и доля их постоянно растет. Все это обуславливает высокие показатели безработицы [2] и замедление экономического развития республики. В итоге создается благодатная почва для роста протестных настроений, которые реализуются в экстремизме и террористической деятельности. В отношении же дагестанских женщин, особенно в сельских регионах, нужно сказать, что их нежелание работать еще больше закрепляет их дома, в семье, препятствует самореализации в других сферах общественной жизни, в целом способствует архаизации дагестанского общества.

Между тем сельское население республики втрое превышает по численности городское. В отличие от городов, в селах Дагестана наблюдаются процессы возрождения исламской и патриархальной национальной культуры, снижения роли и уровня школьного образования, определенной архаизации общества, что приводит к жесткому структурированию социального пространства женщин. Для традиционных мусульманских обществ, к которым относится и дагестанское, характерно присвоение социального пространства мужчинами, поэтому женщинам выделяются те его участки, которые выпадают из спектра интересов мужчин.

Например, в селах Дагестана четко определены места, традиционно закрепленные за мужчинами и женщинами. Для мужчин это площадь у магазина или клуба, где они собираются каждый вечер (годекан). Местом общения женщин определен родник, куда они ходят не просто за водой, но и чтобы поделиться новостями. Женское социальное пространство достаточно закрыто и существует параллельно мужскому. Скажем, на свадьбе мужчины и женщины сидят за разными столами и встречаются только в танце. Здесь необходимо отметить: чем сильнее воздействие религиозного фактора на сельское сообщество, тем интенсивнее гендерное разграничение пространства. В этом смысле технический прогресс в виде отопления, воды и прочих бытовых благ в доме приводит к еще большей изоляции женщины, уже не имеющей возможности «сбежать» из дома даже к роднику.

Поле семьи для дагестанской женщины является самой понятной сферой социального взаимодействия, правила которого десятилетиями передаются от матери к дочери, от поколения к поколению, и эта норма характерна для традиционного уклада жизни большинства и сельских, и городских семей Дагестана. Восприятие женщины как матери, хранительницы очага относится к числу устойчивых гендерных стереотипов общественного сознания. Гендерные роли в семье дифференцированы: к женским обязанностям, среди прочего, относится приготовление пищи, поддержание порядка, к мужским — зарабатывание денег (основной заработок), строительные и ремонтные работы в доме. Воспитанием детей, как правило, занимаются оба родителя. В случае развода дети остаются с отцом.

Для дагестанской семьи характерен патриархальный уклад, который интенсивно поддерживается не только непосредственно членами семьи и родственниками, но и общиной в целом (соседями, односельчанами). Мужчина имеет в семье приоритетные позиции, вне зависимости от того, сколько он зарабатывает или какой вес имеет в обществе. Зачастую даже в тех случаях, когда женщины зарабатывают больше, денежные средства в семье контролируют мужчины [3, с. 119—125]. В этом смысле семья для женщины, особенно в сельских районах Дагестана, сохраняет приоритет над другими сферами жизни.

Политическое поле в Дагестане является безусловной мужской территорией. Влияние женщин в сфере политики довольно слабое, а в сельской местности практически сведено к нулю. Если в советское время руководящие позиции в колхозах, совхозах, в учреждениях социальной сферы и сферы образования были доступны для женщин, то сегодня они постепенно с них вытесняются, в особенности в сельской местности.

Что касается экономического капитала, то в Дагестане его основными обладателями также являются мужчины как наиболее «капитализированные» агенты взаимодействия. Это связано прежде всего со сложившейся социально-экономической структурой общества, в котором сегодня самой выгодной — с экономической точки зрения — является работа во властных и силовых сферах, где вершина иерархии монополизирована мужчинами. Весь крупный бизнес в регионе связан с властью, либо напрямую: «крупные чиновники — крупные бизнесмены», либо опосредованно, через семейные, родственные или клановые связи. Тем не менее в городах женщины довольно интенсивно реализуются в сфере мелкого и среднего предпринимательства, предположительно даже доминируют в ней. Они, в силу некоторых культурных особенностей, в основном занимаются мелкооптовой и розничной торговлей одеждой и другими товарами из Турции, заняты в сфере услуг, в сфере торговли продовольственными товарами. Это связано с традиционным, но вновь набирающим обороты отношением к такого рода торговле как сфере исключительно женской, недостойной мужчины. Мужчины если торгуют, то в основном стройматериалами, скотом, мясом, автомобилями, техникой или тем, что сделали сами: головными уборами, сувенирной продукцией, оружием, инструментами и др.

В результате положение современных дагестанских женщин осложняется конфликтом между нормами светского общества и обычаями и исламскими традициями, причем он характерен и для города, и для сельской местности, с разной степенью интенсивности. Этот конфликт накладывает определенную специфику на границы и содержание женского социального пространства. Несмотря на различия в уровне образования, образе жизни, ценностных ориентациях горожанок и селянок Дагестана, в основе их социальных практик переплетаются традиционные исламские практические схемы и социальные практики, усвоенные в советское время. В зависимости от ситуации социальное пространство дагестанской женщины детерминируется либо исламскими, либо цивилизованными нормами. Это можно проследить в поведении горожанок при посещении родственников в сельской местности. Приезжая в село, они повязывают косынку, хотя, живя в городе, многие из них предпочитают этого не делать.

Таким образом, социокультурную модель жизненного пространства современной дагестанской женщины можно охарактеризовать как модель взаимопроникновения исламизированного и цивилизованного стилей жизни. Детерминантами преобладания того или иного стиля выступают место проживания, уровень образования, сфера занятости, характерные для общественного сознания гендерные стереотипы.

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 576 с.
2. Занятость и безработица в республике Дагестан // Уровень безработицы в Российской Федерации. URL: http://уровень-безработицы.рф/республика_дагестан.aspx (дата обращения: 13.02.2013).
3. Лыткина Т. С. Трансформация семьи и домашнего хозяйства // Социол. исслед. 2008. С. 119—125.

ББК 60.542.21-26

Л. В. Намруева

РОЛЬ ЖЕНЩИН В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЛМЫКОВ

В последнее десятилетие социально-экономические преобразования в стране и их последствия оказали существенное влияние на изменение роли и статуса женщин в различных сферах жизнедеятельности общества. Этой теме посвящено немало работ российских ученых, внесших заметный вклад в изучение гендерных аспектов. Исследованием женских проблем в различных конкретно-исторических и этнокультурных условиях занимались И. М. Семашко, Э.-Б. М. Гучинова, А. Н. Седловская, И. А. Снежкова, Е. В. Фадеева и другие.

Вместе с тем, несмотря на солидное количество научных изданий по женской тематике (в большинстве своем исторических и этнографических), недостаточно работ, исследующих участие женщин в современных этнокультурных процессах регионов России. Эта проблема не стала предметом специального изучения и калмыцких ученых. Практически отсутствуют труды, где обозначенная тема рассматривалась бы с позиций социологической, психологической, философской наук. Актуальность данной статьи заключается в том, что автор с междисциплинарных позиций (этносоциологии, культурологии, искусствоведения, этнопедагогики, фольклористики, социальной статистики) анализирует роль женщины в сохранении этнической идентичности калмыков, развитии их уникальной традиционной культуры. Женщины, как покажет наша статья, в большинстве своем являясь патриотами республики, народа, его неповторимой культуры, многое делают для сохранения этничности калмыков.

Рассмотрим основные роли, выполняемые женщинами в этнокультурных процессах региона. В первую очередь они формируют этническую (национальную) идентичность, воспроизводя этнические и культурные границы между «своими» и «чужими». У калмыков женщина-мать истари пользуется заслуженным авторитетом, определяет общий духовно-нравственный настрой в семье, именно она является первым и часто главным воспитателем детей.

Следующая функция заключается в том, что женщина «обозначает этнические (национальные) особенности в форме символа национального единства, т. е. ее образ становится важной идеологемой, призванной консолидировать членов группы» [17, с. 110]. Прежде всего, это образ Родины-матери, которая является первоосновой всего. В одной из калмыцких пословиц говорится: «Родина как мать родная, а чужбина словно мачеха» [15]. У каждого народа в течение столетий вы-

---

© Намруева Л. В., 2013

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нация и государство в мировой истории» (проект Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН «Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе РФ: конструирование этничности»).

рабатывалось особое отношение к материнству как важнейшей духовно-нравственной ценности, достойной почитания и прославления. В народном творчестве воспет образ матери, ее человеческие качества, особенно доброта. Калмыцкая пословица гласит: «Начало людей — мать, начало воды — родник».

В патриархальном обществе мужчине была отведена роль главы семьи, ее защитника и кормильца, а женщине — хранительницы домашнего очага, матери и воспитательницы детей. Об этой дифференциации сказано в пословице «Женщина наслаждается домашней жизнью, а мужчина — походной (жизнью в дороге)» [15]. Радикальная смена гендерных ролей в первые годы становления советской страны происходила драматично, как, например, компания по снятию чадры в Средней Азии и камзола в калмыцких степях. Камзол — элемент женской одежды, который стягивал грудь и мешал свободно развиваться грудным железам девочек. Первый калмыцкий писатель А. Амур-Санан в 20-х гг. писал: «Девушки переоделись в новые платья <...> сам факт сожжения камзолов оказывал глубокое воздействие на умы юных и старых калмычек. Он как бы закреплял уничтожение вредного костюма и с ним всех вековых предрассудков, причинявших большие несчастья нашему народу» [3, с. 210].

Модернизирующееся общество (в отличие от традиционного) гораздо больше ориентирует женщин на самореализацию в профессиональной деятельности, чем в семье. В современной культуре женщина выполняет более широкий спектр социальных ролей: она представительница конкретной профессии и продолжательница человеческого рода. В настоящее время женщины не только матери и домохозяйки, но и работницы, которые наравне с мужчинами вовлечены в экономическую и политическую жизнь общества. Современная калмычка — образованная, целеустремленная, энергичная женщина, которая самостоятельно принимает важные решения, активно участвует в различных сферах жизни [9, с. 6]. По мнению З. В. Сикевич, «доля женщин в общественной сфере (политике, экономике) косвенно свидетельствует об уровне модернизации общества и преодолении традиционных стереотипов» [17, с. 111]. Эту тенденцию можно проследить и на примере Республики Калмыкия. Э.-Б. Гучинова констатирует, что «в калмыцком обществе женщины претендуют на лидерство в семье и стремятся сделать профессиональную карьеру не менее ревностно, чем мужчины» [9, с. 124]. С 2010 г. правительство республики возглавляет женщина и четыре женщины руководят деятельностью различных министерств (Министерство финансов, Министерство жилищно-коммунального хозяйства, Министерство образования, культуры и науки, Министерство земельных отношений) — такого в республике никогда не было. На этом примере видим, как постепенно трансформируются гендерные стереотипы, в частности такой, как «политика — не женское дело».

Традиционно за мужчинами и женщинами закреплялись определенные сферы деятельности, виды социальной активности. З. В. Сикевич пишет: «...для мужчин естественными считаются занятия, связанные с руководством и творчеством, для женщин — с исполнением и подчинением» [17, с. 108]. Мужчины заняты в системе управления, в производственных сферах, а женский труд представлен в сферах непромышленных — образования, культуры, медицины, социального обеспечения.

Проанализируем вклад женщин — представительниц двух главных институтов этнокультурной идентификации: системы образования и системы культуры. Неоценима роль женщин Калмыкии в процессе этнокультурной идентификации общества. Под *этнокультурной идентичностью* мы понимаем осознание индивидом, группой своей принадлежности к конкретной общности на основе разделяемой культуры, психологическое переживание этого единства. Женщины Калмыкии играют важнейшую роль в процессе усиления этнозащитной функции культуры народа, восстановления и возрождения памятников истории, литературы, фольклора, бытовых, художественных народных традиций.

Система учреждений культуры и сферы искусства Республики Калмыкия — один из основных институтов этнической социализации — включает в свой состав (на конец 2010 г.) 2 театра, 1 музей, 1 средне-специальное учебное заведение — училище искусств, 157 библиотек, 156 учреждений культурно-досугового типа [16]. Подавляющее большинство работающих в сфере культуры республики составляют женщины, и чаще всего руководителями учреждений в этой сфере на поселковом, районном, городском и республиканском уровнях являются они же. Женщина руководит деятельностью Национального музея Республики Калмыкия — главного хранилища культурного наследия, в котором насчитывается более 52 тысяч единиц хранения. В одиннадцати экспозиционных залах представлены флора и фауна Калмыкии, археология номадических культур Прикаспийской низменности, история, этнография и культура калмыцкого народа, предметы буддийского культа и старокалмыцкого искусства.

Во главе Национальной библиотеки им. А. М. Амур-Санана — крупнейшего информационного и культурно-просветительского учреждения республики — также женщина. Гордость библиотеки составляют фонд редких и ценных изданий XVII—XVIII вв., представляющих большую историческую ценность, памятники старокалмыцкой письменности. Почти весь коллектив библиотеки состоит из женщин, которые активно участвуют в культурной жизни республики, организуют клубы по интересам, литературно-музыкальные вечера, презентации книг, встречи читателей с творческой интеллигенцией.

Директором Элистинского училища искусств — единственной в республике кузницы кадров для сферы культуры и искусства — является также женщина. Музыкальное, хореографическое, театральное, декоративно-прикладное, художественное образование в училище ориентировано на калмыцкие национальные традиции. Здесь получают качественное образование исполнители народной музыки, песни, танца, мастера прикладного искусства. Из стен училища вышло более 3000 специалистов, что позволило укомплектовать профессиональными кадрами детские музыкальные школы, школы искусств, художественные школы, пополнить коллективы ансамблей песни и танца, оркестров, хоров и др. Своей деятельностью выпускники, заслуженные и начинающие, воспитывают у зрителей и учеников интерес к культурным ценностям калмыцкого народа, формируют у молодого поколения историческую память, уважение к наследию прошлого, стремление участвовать в возрождении и сохранении самобытной культуры калмыков.

Рассмотрим вклад женщин в развитие музыкальной культуры, декоративно-прикладного, изобразительного искусства Калмыкии.

Улан Лиджиева — первая народная артистка Калмыцкой АССР, которая оставила богатое песенное наследие. Многие ее песни, ставшие народными, не перестают покорять слушателей своей искренностью, глубиной чувств, задушевностью. В трудные годы сибирской депортации (1943—1956 гг.) калмыки после трудового дня, изнурительной работы на лесоповале, собирались у Улан Барбаевны и слушали калмыцкие песни, которые помогли им выстоять, потому что в них была скрыта несокрушимая сила духа народа [1].

Другая певица, Валентина Гаряева, является первой из калмыков, кому было присвоено звание народной артистки России. Ее творческая жизнь — это целая эпоха в истории калмыцкой песни. Ей, как никому другому, удалось донести до слушателей все богатство народных песен: *ут дун* — протяжной песни без музыкального сопровождения и *ахр дун* — куплетов под аккомпанемент домбры. В. Гаряева является народной артисткой Калмыкии, кавалером ордена Дружбы народов, лауреатом Государственной премии КАССР им. О. Городовикова, почетным гражданином Республики Калмыкия.

Валентину Ильцаранову, также народную артистку России, в народе ласково называют «степной жаворонок» за ее высокий, чистый, с переливами голос. У нее богатый репертуар из самых разнохарактерных произведений музыкального народного творчества. Многие песни, исполненные певицей, стали популярными, среди них «*Ээжин дун*» («Песня матери»), «*Харада*» («Ласточка»), «*Степной жаворонок*», «*Элистинский вальс*», «*Песня дочери степей*», «*Калмыцкий чай*» и многие другие [10].

Композитор Татьяна Эвеева вносит огромный вклад в развитие искусства Калмыкии. Основу ее творчества составляют песни на стихи калмыцких поэтов, музыкальные спектакли на основе авторских текстов и сценариев. Эвеева является автором книги из 60 песен на стихи калмыцких поэтов «*Хонх цецг*» («Колокольчик»), цикла музыкально-литературных пьес, сказок на экологическую тему «*Кто разбудил весну?*», «*Розовый тюльпан*», «*Детский остров в океане*», музыкально-философской новеллы «*Богшурха*» («Воробей»), рассказывающей о животном мире Калмыкии. Т. Эвеева создала мюзикл «*Бамб цецгяс*» («Тюльпаны») — фильм-сказку о степных цветах, включенный в международный проект по защите окружающей среды, где она является одновременно и композитором, и оператором, и сценаристом. Ее музыка пронизана мыслью о том, что надо жить в единении с природой, ведь окружающий мир — общий дом не только для сегодняшних, но и для будущих поколений [18].

Остановимся на анализе роли женщин в развитии таких видов профессиональной культуры, как декоративно-прикладное, изобразительное искусство, которые «выступают в качестве культурного символа народа, неся традиционные особенности его художественного мировосприятия» [6, с. 107]. С изменением образа жизни, исчезновением основ номадического уклада ушли в прошлое предметы быта (посуда, мебель, утварь) кочевого скотоводческого хозяйства. С конца 80-х гг. XX столетия в связи с процессом сохранения этнической культуры, повышением интереса к традиционным элементам материального и духовного наследия предков возрождается, получает новый импульс развития

этническая художественная продукция. И в этом процессе женщины-рукодельницы наравне с мужчинами оживляют этнические традиции, осмысливая и трансформируя их в условиях современной жизни народа. Руками мастериц реконструированы ремесла, издревле бытовавшие у кочевого народа, представляющие кочевой скотоводческий быт калмыков: художественная обработка войлока и ткани, кожи и кости, шитье, вышивка народного костюма и аппликация. Калмыцкие мастерицы также создают разнообразные сувениры из дерева, металла, камня, ювелирные изделия. Произведения из серебра, (серьги, браслеты и кольца) Галины Ушановой, повторяющие очертания ойратских украшений, принесенных в начале XVII в. из Джунгарии, известны далеко за пределами республики [6, с. 113].

В развитии калмыцкого изобразительного искусства важное место занимает творчество художников-женщин: Н. Евсеевой, И. Бадмаевой, Г. Нуровой, Е. Манжеевой, Д. Васькиной-Сангаджиевой и других, которые последовательно идут от этнографической фиксации исторического эпизода к монументальному обобщению судьбы народа, от статики фиксированного изображения к динамике творческого осмысления бытия [5, с. 549]. В русле этих поисков калмыцкие художницы в своих произведениях расширяют этническую картину мира, способствуют росту этнического сознания народа.

Деятельность многих представительниц творческой интеллигенции отмечена государственными наградами. Анализ раздела о деятелях культуры, удостоенных почетных званий, книги «Мастера культуры Калмыкии» позволил нам определить, что за период с 1995 по 2009 г. 11 женщин были удостоены звания заслуженного работника культуры Российской Федерации, 41 — заслуженной артистки Республики Калмыкия (что составляет 80,4 % от общего числа носителей этого звания), 35 — заслуженного работника культуры Республики Калмыкия, 3 — заслуженного деятеля искусств Республики Калмыкия [4, с. 95—170].

Система образования также является основным институтом этнической социализации, который выстраивает эффективную систему культурного возрождения. В большинстве своем она представлена педагогами-женщинами, именно они создают условия для наилучшего восприятия элементов этнической культуры, формирования у молодых национального самосознания. Их педагогическая деятельность направлена на передачу подрастающему поколению уважения к языку и культуре, традиций, опыта жизни этноса. На это нацелены образовательные программы «Годо бичг» («Старокалмыцкое письмо»), «Основы буддизма», «История и культура родного края» (разработанные при участии учителей), которые преподаются в школах республики с середины 90-х гг. Почти по двадцати предметам региональной направленности (калмыцкий язык, эпос «Джангар», песни, танцы, пословицы и поговорки и другие жанры устного народного творчества) проводятся олимпиады школьников, в которых принимают участие и дети нетитульных национальностей.

Учителя калмыцкого языка и литературы разрабатывают, организуют, проводят различные мероприятия, подобные традиционному республиканскому фольклорно-этнографическому фестивалю «Джангрин ачнр» («Внуки Джангара»), который посвящен великому калмыцкому эпосу «Джангар». Учащиеся, готовя творческие работы, исследования, театральные постановки, демонстрируют не-

поддельный интерес к славному прошлому калмыцкой истории, желание узнать больше об искусстве, быте своих предков, тем самым приобщаясь к вечным ценностям и высшим идеалам, оставленным им в наследство. После такой познавательной, плодотворной работы многие участники принимают решение учиться в Калмыцком государственном университете — в Институте калмыцкой и восточной филологии, на историческом факультете [13, с. 301].

В системе калмыцкого образования и культуры на протяжении последних лет ведется активный поиск новых моделей внутри триады «детская школа искусств — среднее специальное учебное заведение — вуз», ориентированных на сохранение лучших традиций подготовки специалистов в области культуры и искусства и одновременно инновационных по форме. Приоритетным направлением в этой цепочке является поддержка одаренных детей в обучении национальным видам искусства. Осенью 2010 г. была открыта специализированная школа-интернат для творчески одаренных детей (этношкола), где большую часть педагогического совета составляют творческие работники, педагоги, воспитатели — женщины. При отборе учащихся в это образовательное заведение учитывается не только склонность детей к тем или иным видам искусства, но и знание ими калмыцкого языка. В этношколе дети, прекрасно владеющие родным языком, развивают свои литературные способности, изучают калмыцкую литературу и поэзию, приобщаются к народным калмыцким песням и танцам, осваивают декоративно-прикладное искусство.

В том, что в республике наблюдается растущий с каждым годом интерес школьников и молодых людей к изучению истории и культуры народа, своей малой родины, большая заслуга учительского корпуса. Республика высоко оценивает профессионализм, творческую инициативу, добросовестный труд, патриотизм многих представителей педагогического сообщества. Среди педагогов, носящих звание «Заслуженный учитель Республики Калмыкия», женщины составляют 82,2 %. И среди педагогов — заслуженных учителей Российской Федерации — 76,6 % женщин.

Проблема сохранения этнокультурной идентичности, несмотря на свою актуальность и востребованность, недостаточно исследована в гендерном разрезе. В этом отношении права З. В. Сикевич, считая, что «гендер нельзя анализировать без учета его культурной составляющей, точно так же как этничность не может изучаться без гендерной структуры этнического сообщества» [17, с. 114]. В этой связи проанализируем отдельные результаты анкетного опроса, проведенного в республике отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в 2010 г. В нем участвовало 283 человека калмыцкой национальности, из них мужчины составляют 47,7 %, женщины — 52,3 %. Большинство опрошенных являются студентами очного и заочного обучения калмыцких филиалов московских вузов (МАЭП, МГГУ, МОСУ).

Одна из задач исследования заключалась в определении основных видов идентичности. С этой целью была использована методика, применяемая учеными из Института социологии РАН. Анализ строится на ответах респондентов на вопрос: «Как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком вы могли бы сказать “это — мы”?» (варианты ответов: «часто», «ино-

гда», «никогда», «затрудняюсь ответить»). Суммарные данные по позициям «часто», «редко» рассматриваются как свидетельство позитивной идентификации [11].

Для сохранения традиционных нравственных ценностей этнос обращается к этническим истокам, к неписаным нормам народа, которые «поставляют» носителю культуры те конкретные образы, из которых он исходит при оценке тех или иных явлений. Такие конкретные поучения содержит фольклор — пословицы, сказки, поговорки, на которых воспитывается каждый ребенок [17, с. 68]. Один из закрытых вопросов анкеты выявлял, в какой степени калмычки знакомы с различными жанрами богатого калмыцкого устного народного творчества. К сожалению, большая часть массива практически не знает (33,8 %) или знает в минимальной степени (36,6 %) фольклорные жанры своего народа. В целом женщины лучше осведомлены в этом вопросе, чем мужчины. Более четверти опрошенных женщин (27,7 %) хорошо знают фольклорные жанры. В анкете они указали, какими жанрами владеют. Оказалось, что более всего им доступны калмыцкие песни, йорялы (благопожелания), калмыцкие танцы. Огорчает тот факт, что знание пословиц, поговорок, сказок отмечено единицами.

Женщины, ощущая свою принадлежность к этносу, ориентированы на действие по сохранению этнической культуры, поэтому четверть опрошенных считают, что принадлежность к этносу обязывает придерживаться традиций и обычаев своего народа. И это объяснимо, т. к. женщины играют важную роль в передаче и формировании этнической идентичности, именно они, воспитывая детей, воспроизводят этнические и культурные границы между «своими» и «чужими» [17, с. 110]. В современной калмыцкой культуре, как и в русской, мать отвечает за воспитание и дочерей, и сыновей, а отец играет вспомогательную роль «дисциплинатора».

Изучение того, что является основной составляющей этнической идентичности у женщин Калмыкии, имеет особую значимость, поскольку этническая идентичность — это «не только ощущение людьми своей принадлежности к тому или иному этносу, но еще и то, как они представляют свою республику и как они себя соотносят с ней, насколько происходящие в регионе процессы понятны и близки им» [2]. Основными составляющими этнической идентичности женщин выступают «национальные традиции и обычаи» (35,1 %), «язык» (27 %), «историческое прошлое» (13,5 %) (табл.).

Распределение ответов на вопрос «Без чего этнос не существует?»

Вариант ответа	%	Ранг
Общие черты характера, психология	4,1	7
Национальные традиции, обычаи	35,1	1
Язык	27,0	2
Историческое прошлое	13,5	3
Общая территория, родная земля	7,4	4
Религия	5,4	6
Затрудняюсь ответить	6,8	5

С начала 90-х гг. в Калмыцкой республике происходят процессы национально-культурного возрождения, наблюдается рост религиозной активности. Специалисты считают, что «очень многим, в особенности женщинам, в период тяжелых испытаний помогла выжить именно вера, обращение к религии. На первых порах активизация религиозного поведения женщин во многом была сопряжена с социальными факторами и являлась своего рода защитной реакцией на экономические проблемы» [2, с. 191].

Результаты опроса показали, что считают себя атеистами единицы анкетированных — 3,4 %. Большинство же, 96,6 % респондентов, осознают свою сопричастность к религиозной жизни. Пятая часть, 22,3 % опрошенных, несмотря на религиозность, не вовлечена в жизнь своей конфессии. Обратим внимание: почти четверть анкетированных — 27,7 %, затрудняясь в определении своего отношения к вере, тем не менее участвуют в жизни общины. Исследователи отмечают, что женщина по-прежнему составляет «массовое поле религиозности», опору и резерв церкви. Ей принадлежит особая роль в распространении религиозного опыта. Часто, даже не осознавая этого, женщины являются активными проводниками религиозных знаний и чувств на уровне межличностных отношений, в семье, способствуя сохранению и передаче религиозных традиций из поколения в поколение [8, с. 286].

У калмыков, древнего кочевого народа, один из элементов культурной традиции составляют календарные народные праздники, связанные с хозяйственной, трудовой деятельностью и приуроченные к временам года, к зимнему или летнему солнцестоянию. В настоящее время многие калмыцкие традиции, трансформировавшись, нашли свое яркое воплощение в праздниках, обрядах, искусстве, фольклоре, этике и не утратили своего значения в морально-этическом кодексе народа. Народные праздники Цаган Сар, Ур Сар, Зул, возведенные в ранг государственных, получают новый импульс в развитии [12, с. 65]. И в этом процессе важную роль играют женщины, которые на макро-, микроуровнях — региона, муниципалитета, села, организации, семьи — способствуют приобщению социума, прежде всего молодежи, к богатейшему наследию предков.

Испокон веков калмычки занимались воспитанием детей, а следовательно, именно они хранили и передавали национальные и религиозные традиции. Женщины активно участвовали в подготовке и исполнении семейных, календарных, религиозных обрядов, в поддержании межродственных отношений. Т. Г. Борджанова считает, что «изучение культурного феномена, каковым является обрядовый фольклор, позволяет заполнить имеющийся пробел в знании древних пластов, без чего невозможна подлинная картина жизни этноса» [7, с. 3]. Благодаря женщинам сохранены различные виды традиционной культуры (приготовление разных видов борцоков (мучных изделий), праздничного чая, мясных блюд, подарков для всех членов семьи и родственников), они передают детям знания о ритуалах и обычаях, их смысл и значение в жизни человека, народа. Среди калмыцких этнографов и краеведов немало женщин, которые своей деятельностью не позволяют бесследно исчезнуть богатейшему культурному наследию предков — важнейшему фактору сохранения этнической идентичности.

Знарок фольклора, заслуженный учитель РФ С. З. Ользеева считает, что устное народное творчество обогащает внутренний мир людей, повышает их интеллект. В 2007 г. она подготовила пособие «Калмыцкие народные традиции» на двух языках: калмыцком и русском. Здесь во всем многообразии представлены традиции, обычаи калмыков, сведения о быте, старинной кухне, поверья, приметы, благопожелания, особенности взаимоотношений в калмыцкой семье и многое другое [14].

В 2011 г. вышла в свет монография молодого исследователя Т. И. Шараевой «Обряды жизненного цикла калмыков (XIX — начало XXI в.)», где рассматриваются обрядовые комплексы жизненного цикла калмыцкого народа — родильные, свадебные, похоронно-поминальные [19]. Книга ученого-этнографа, адресованная широкому кругу читателей, за короткое время стала весьма востребованной не только молодыми калмыками, которые ощущают необходимость в знании традиций и обычаев народа и применении их в повседневной жизни, но и людьми среднего и старшего поколения, которые в силу разных причин оказались не включенными в обрядовую культуру, а также представителями нетитульных национальностей, охотно приобщающимися к калмыцкой культуре.

Безусловно, книги С. Ользеевой и Т. Шараевой необходимы в жизни современных калмычек, которые, несмотря на свою занятость, остаются хранительницами домашнего очага и в целом элементов традиционной культуры, выполняя главную роль в социализации подрастающего поколения. Эти издания позволяют молодым мамам, молодым бабушкам приобщаться к этнической культуре калмыков, воспитывать почтение к заветам и традициям предков, стремление к поддержанию обычаев, принятие и признание детьми тех ценностей, которые продолжают существовать в современной калмыцкой культуре.

Наша исследовательская работа показала, что с конца 80-х гг. минувшего века представительницы научной, творческой, художественной интеллигенции активно включились в процесс возрождения этнической культуры — традиционного вероисповедания, праздников, исконных традиций, ремесел. Республика по достоинству оценивает вклад женщин в выявление и конструирование нравственно-этического потенциала калмыцких национальных традиций, передачу их новым поколениям, в сохранение этнической, культурной идентичности калмыков, развитие их уникальных этнокультурных ценностей.

Библиографический список

1. *Алексеев Т.* Исповедь певицы. Элиста : Эдем, 2006. 31 с.
2. *Анайбан З. В.* Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2005. 243 с.
3. *Амур-Санан А. М.* Мудрешкин сын. М. : Сов. писатель, 1966. 456 с.
4. *Басангов И. Н., Балакаева Н. П.* Мастера культуры Калмыкии. Элиста : Джангар, 2009. 176 с.
5. *Батырева С. Г.* Изобразительное искусство // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней : в 3 т. Элиста : Герел, 2009. Т. 3. 752 с.
6. *Батырева С. Г.* Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX — начала XX в. Элиста : Джангар, 2006. 160 с.

7. *Боржданова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков : (система жанров, поэтика). Элиста : Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
8. *Варзанова Т. И.* Религиозные ориентации молодых россиян : (возрастной и гендерный аспекты проблемы) // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы / Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1999. С. 274—286.
9. *Гучинова Э.-Б. М.* Постсоветская Элиста: власть, бизнес и красота : очерки социально-культурной антропологии калмыков. СПб. : Алетейя, 2003. 180 с.
10. *Клименко Л.* Степной жаворонок : творческий портрет певицы Валентины Ильцарановой. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1989. 59 с.
11. *Козырева П. М.* Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социол. исслед. 2008. № 8. С. 29—39.
12. *Намруева Л. В.* Современная калмыцкая культура: состояние и перспективы // Вопросы культурологии. 2011. № 3. С. 61—65.
13. *Намруева Л. В.* Участие молодежи в этнокультурных процессах : (на примере Калмыкии) // Перспективы модернизации традиционного общества : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23 июня 2011 г.). Уфа : Гилем, 2011. С. 300—304.
14. *Ользеева С. З.* Калмыцкие народные традиции : (на калмыцком и русском языках). Элиста : Джангар, 2007. 480 с. На калмыц. и рус. яз.
15. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста : Джангар, 2007. 839 с.
16. Республика Калмыкия : стат. ежегодник, 2010 / Калмыкиятат. Элиста, 2010. 323 с.
17. *Сикевич З. В.* Социальная психология этнических отношений : (курс лекций). СПб. : ИПП, 2008. 130 с.
18. *Тюрбеев Г.* «Я не жду вдохновения...» : в творческой мастерской композитора Татьяны Эвеевой // Хальмг унн. 2010. 7 июля.
19. *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX — нач. XXI в.). Элиста : Джангар, 2011. 223 с.

МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ББК 60.542.21-26

В. Э. Семенова, Л. Э. Семенова

СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ И ФЕМИНИЗМ: МЫ РОЖДЕНЫ, ЧТОБ СКАЗКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ?

История становления и развития цивилизации проникнута стремлением человечества к социальному идеалу, воплощением которого является справедливое общество, противоположное существующему в настоящем. Такого рода идеи зародились еще на стадии разделения общества на классы и возникновения имущественного неравенства [4]. Однако непосредственный старт многочисленным утопическим сочинениям был дан Т. Мором, который ввел понятие «утопия» в своей одноименной книге, опубликованной в 1516 г.

Чтобы определить силу и притягательность утопии, попробуем обратиться в сущности данного понятия, определить ту роль, которую оно играет в процессе развития общества.

Термин «утопия» происходит от греческого *utopos*, т. е. место, которого нет, или же благословенная страна, и обозначает изображение идеального общественного строя, лишённого научного обоснования [1], хотя вместе с тем используется и в отношении всех сочинений, содержащих нереальные планы социальных преобразований. В истории человечества утопия как одна из своеобразных форм общественного сознания воплощала в себе такие черты, как осмысление социального идеала, критику существующего строя, стремление бежать от мрачной действительности, а также попытку предвосхитить будущее общества. Пройдя исторический путь от специфических легенд, описаний совершенных городов, утопических проектов социальных и политических реформ, с середины XIX в. утопия превратилась в специфический жанр полемической литературы, посвященной проблеме социального идеала и моральных ценностей [11].

Утопия обладает рядом особенностей. Наиболее существенной из них является убеждение в возможности разрешения всех противоречий общества однократным применением универсальной схемы как некой панацеи от любого социального зла. В этом плане утопии свойственны антиисторизм, намеренный отрыв от отрицаемой реальности, пренебрежение к переходу от реального к

идеальному, идеалистическое понимание истории за счет преувеличения роли воспитания и законодательства, расчет на поддержку со стороны выдающихся личностей, облеченных властью [1].

По мере развития общественных наук утопия в значительной мере утрачивает свою познавательную и прогностическую роль. Подобному положению во многом способствовало возникновение марксизма, рассматривающего утопию в качестве одной из форм неадекватного отражения социальной действительности. Дело в том, что в коммунистических утопиях основой достижения идеального устройства является моральный фактор высокой сознательности и духовного совершенствования человека, обеспечивающий обществу гармонию с природой, рост научных знаний, исчезновение преступности и др., однако отсутствуют конкретные пути достижения столь высоких общественных и личностных ценностей [10].

Тем не менее даже идеологи марксизма признавали тот факт, что в прошлом утопия выполняла важные идеологические, воспитательные и познавательные функции [2], часть из которых она сохраняет и в настоящий момент. Положительное значение утопии в современную эпоху проявляется в двух направлениях: она позволяет предвосхищать вероятное отдаленное будущее, которое на данном уровне познания не может быть научно предсказано в конкретных деталях, и может предостерегать от отдельных негативных социальных последствий и тенденций [1].

С учетом положительных эффектов, производимых социальными утопиями, закономерным становится новый всплеск интереса к их анализу, который пришелся на XX в. и наблюдался в основном в странах Запада. При этом отношение к утопии носило по большей мере негативный характер. Она определялась в качестве насилия над действительностью, человеческой природой и обоснования тоталитарного строя. Стремление защитить сложившуюся систему буржуазного общества проявлялось в широком распространении антиутопии как попытки изображения социальных идеалов противника в заведомо пугающем или карикатурном виде. Антиутопия выступала в виде своеобразного антипода утопии, поскольку представляла собой отказ от социального идеала и призывала к примирению с существующим строем во избежание худшего будущего [1].

В рамках сложившегося уничижительного или открыто негативного отношения к утопии вполне закономерными могут выступать попытки отнесения отдельными реакционными силами феминизма и выросшей из него гендерной теории в разряд социальной утопии или антиутопии.

Первоначально такое стремление могло быть вызвано желанием дискредитировать выдвинутые феминизмом планы социальных преобразований, объявить их нереалистичными, лишенными оснований. Однако благодаря активизации женского движения в законодательстве многих европейских стран произошли значительные изменения, направленные на устранение дискриминации по признаку пола. Общество постепенно стало осознавать необходимость достижения гендерного равенства не только как восстановления справедливости в отношении женщин, но и как несомненной выгоды для всего общества. В этой связи сторонники биодетерминизма, стараясь подорвать доверие к феминизму и зародившейся

в его недрах гендерной теории, могут испытывать насущную необходимость в стремлении доказать невозможность гендерных проектов, определяя их в разряд антиутопий, пугающих общество последствиями возможных преобразований. Тогда предельной мечтой в созданном антиутопическом кошмаре становится желание выжить, вернуть свой мир, приняв его таким, каков он есть [10].

Для развенчания подобных провокационных попыток необходимо проанализировать сущность феминизма как политического движения и нетрадиционной концепции, рассмотреть предлагаемые им решения и проекты.

Развитие феминистской мысли, истоки которой уходят в эпоху Ренессанса, было непоследовательным, сопровождалось глубокими теоретическими разногласиями в потребностях и представлениях женщин в разных обществах и ситуациях. Поэтому часто принято трактовать феминизм не как единую теорию, а в виде различных позиций, которые, несмотря на некоторые разногласия, имеют точки соприкосновения и взаимно обогащают друг друга. Соответственно предлагаемые классификации феминистских подходов необходимо рассматривать как некую условность, позволяющую выявить разнообразие идей и возникающих противоречий [3].

На сегодняшний день существует три наиболее часто встречающиеся концепции феминизма: либеральный, радикальный и социалистический.

Пионерки *либерального феминизма* выступали за предоставление женщинам права на образование, собственность, оплачиваемую работу, добивались равенства с мужчинами в юридической и политической сферах. При этом в качестве обоснования подобных требований ими выдвигалась методологическая посылка об отсутствии принципиальных различий между женщинами и мужчинами, исключая репродуктивные возможности первых, а также о несомненном социальном благе, которое в случае преодоления дискриминации представительниц женского пола получит общество в целом [3, 12].

Однако либеральные принципы в их неизменном виде не могут обеспечить понимания природы и источников угнетения женщин, не позволяют в полной мере разработать адекватную стратегию для его устранения. Стремление применить либеральную теорию для решения женского вопроса привело либеральных феминисток к ряду заблуждений и реальных проблем [3]. Так, ими разделяется позиция о разграничении общественной и частной сфер, последняя из которых выводится за пределы борьбы за власть и политическое вмешательство. Проблемы, возникающие в приватной сфере, остаются неразрешимыми. Отрицание существующих различий в сконструированных гендерных ролях не позволило данному направлению решить вопрос о преодолении дискриминации женщин в обществе, привело к ухудшению социальной политики в отношении представительниц женского пола, поскольку игнорировался опыт материнства и связанные с ним издержки. Подобное положение вещей усугубляется к тому же тем фактом, что либерализм признает неизбежность существования иерархического конкурентного общества, в котором равенство, как таковое, невозможно, ибо подобное общество призвано обеспечивать своим гражданам лишь равные стартовые возможности без учета их расовой, этнической и гендерной принадлежности [5]. Таким образом, при решении вопроса о равенстве, либеральный феминизм отрицает различия в гендерных ро-

лях, упускает из виду другие стратификационные категории, что не способствует преодолению дискриминации, располагающейся в сложной системе взаимосвязанных координат.

В то же время либеральное феминистское движение играет важную роль в решении этой проблемы, поскольку принесло много позитивных изменений, даровавших женщинам юридические и политические права и конкретные улучшения в их жизни, которые необходимо защитить от любых посягательств.

Отдельные методологические затруднения либерального феминизма привели к дальнейшему развитию феминистской мысли. Попытки преодолеть обозначенные противоречия и сложности были предприняты в рамках *радикального феминизма*, идеи которого впервые в целостном виде были сформулированы в конце 60-х гг. XX в. Будучи разработанной женщинами для самих женщин, данная теория представляет собой бескомпромиссное женское мировосприятие, противостоящее существующим традиционным маскулинным концепциям и направлениям. Как отмечала К. Миллетт, угнетение женщин оказывается фундаментальной и универсальной формой подавления, основанием которого является идеология патриархата [9], вследствие чего радикальные феминистки объявляют женщин группой, имеющей интересы, противоречащие интересам мужчин. Подобная общность интересов объединяет представительниц женского пола в сестринство, которое выше разделений по классу или расе, обуславливает необходимость совместной борьбы за свои права. При этом мужская власть распространяется радикальными феминистками на все сферы жизни, включая личную, вплоть до таких областей, как семья и сексуальность, которые рассматриваются как инструменты патриархатного господства [3, 9].

Таким образом, радикальный феминизм в центр своей теории поместил женщин, с позиций которых создается новый дискурс. Данное направление предложило новое видение и понимание власти и политики, поскольку обнаружило асимметричность позиций, занимаемых во властной структуре женщинами и мужчинами, неравенство в социальном статусе и обладании разнообразными ресурсами; установило необходимость анализа властных отношений в пределах не только общественной, но и личной сферы. Власть и политика определяются в качестве взаимосвязанных феноменов, обуславливающих всю жизнь человека, в связи с чем в рамках радикального феминизма разрабатываются задачи по выявлению системы доминирования и анализу ее функционирования [3]. Подобная аналитическая деятельность направлена на содействие борьбе с глубинными основами подавления и дискриминации.

В то же время радикальное направление феминистской мысли, как и предыдущая рассмотренная нами теория, наряду с несомненными позитивными достижениями имеет ряд существенных недостатков, подвергающихся критике со стороны других сторонников феминизма [5]. Так, радикальная феминистская теория патриархата считается скорее описательной, чем аналитической, не способна объяснить происхождение мужской власти и предложить действенную стратегию по ее устранению. Изобличая дискриминационную сущность патриархата, представительницы радикального направления рассматривают самих женщин лишь в качестве пассивных объектов дискриминации, тем самым умаляя их роль в историческом процессе и будущих ак-

тивных преобразованиях. Вместе с тем данная теория базируется на такой весьма спорной посылке: за угнетение женщин ответственны не дискриминационные законы и экономические системы, а мужчины, объявляемые враждебным для женщин классом, против которого необходимо вести борьбу [3, 12]. К тому же игнорирование таких стратификационных категорий, как класс, раса, этнос, не способствует пониманию того, что мужчины также могут являться объектами дискриминации в политической и экономической сферах, становиться такими же жертвами сексистского общества, навязывающего им жесткие нормы гендерного соответствия.

По словам П. Эллиот и Н. Менделл, одним из важных недостатков радикального феминизма является эссенциализм, определяющий женщин в качестве некой единой группы с тождественным опытом и проблемами, отличными от мужских [12]. Однако за подобным универсализмом, как правило, скрывается опыт исключительно белых женщин среднего класса, которые тем самым ставятся в позицию властных субъектов по отношению к представительницам женского пола других классов, рас и этносов. Кроме того, эссенциализм все более обнажает противоречия в пространстве проблемы «равенство — различия» [5]. Вопрос о реализации равенства женщин с мужчинами остается открытым: поскольку первые абсолютно нетождественны последним, то, опираясь на классическую теорию равенства, по определению не могут быть равными мужчинам.

Тема личностного угнетения женщин, выдвинутая радикальными феминистками, рассматривается *социалистическим феминизмом* в социально-экономическом контексте. С этой точки зрения борьба против всех форм дискриминации женщин подразумевает не только прямую конфронтацию с мужчинами, но и борьбу против общественных структур, их породивших [6, 12]. С опорой на идеи марксизма высказывается мысль о том, что общество может измениться лишь благодаря классовой борьбе, успешность которой обуславливается определенной стадией экономического и общественного развития. И в этой борьбе мужчины, в некоторый исторический период проявляющие свою заинтересованность в гендерном неравенстве, могут рассматриваться в качестве соратников женщин в установлении коммунизма. Только в коммунистическом обществе экономическая зависимость женщин, являющаяся основой их угнетения, исчезнет. Посредством внедрения разветвленной сети общественных детских садов и системы быта женщины станут активными субъектами профессиональной деятельности, свободными от неоплачиваемого рутинного домашнего рабства [3].

Однако, как показывает современное состояние общественно-политической мысли и реальная практика, социалистический феминизм в настоящее время испытывает ряд существенных сложностей, вызванных крушением социалистических государств, повлекшим за собой некоторое отчуждение от коммунистических идей. Как доказала история, освобождение от частной собственности и выход женщин в сферу промышленного производства вовсе не гарантировали им реальное равенство с мужчинами в публичной сфере. Вдобавок к рабскому неоплачиваемому домашнему труду и бремени материнства они приобрели дополнительные обязанности в области социального производства, где заняли самые малооплачиваемые и низкостатусные ниши, т. е. пре-

вратились в объекты двойной дискриминации. В этой связи современные социалистические феминистки признают, что для достижения гендерного равенства необходимо осуществлять борьбу на всех направлениях, включая частную сферу, привлекая разнообразных сторонников [3, 12].

Таким образом, как можно видеть, феминизм представляет собой разнообразные направления мысли и проекты преодоления дискриминации по признаку пола. К тому же именно в русле феминизма зародились сначала женские, а потом и гендерные исследования, связанные с новым пониманием проблемы дискриминации, предметом анализа которых становится гендерная система общества. Такого рода исследования позволили установить, что имеющее место гендерное неравенство направлено и против мужчин, оборачиваясь для них не только явными преимуществами, но и скрытыми проблемами. Уже не только женщины, но и мужчины, да и общество в целом, заинтересованы в создании новой эгалитарной системы гендерных отношений, способствующей свободному личностному становлению и развитию.

Итак, осуществленный нами анализ концептуальных положений феминистской теории позволяет заключить, что в отличие от традиционно понимаемой утопии, лишенной научного обоснования, феминизм представляет собой достаточно стройную философскую концепцию социально-экономического устройства общества, в рамках которой зародилось понимание основ угнетения и подавления субъектов по признаку пола, путей и способов преодоления асимметричной гендерной системы, а также осознание исторической обусловленности данных процессов, происходящих как на личностном, так и на социальном уровне, при воздействии разнообразных стратификационных категорий. В ходе своего развития феминистская мысль преодолела упрощенное понимание возможности разрешения гендерных противоречий общества однократным применением какой-либо универсальной схемы.

Современные представители гендерных исследований достаточно четко обозначают идеологическую сущность феминизма, противостоящую утопизму: феминистские концепции, равно как и теория социального конструирования гендера, предполагают и предлагают конкретный политический результат, что позволяет считать их идеологией, ориентированной на изменение социальных порядков [7].

Кроме того, разрабатываемый в рамках феминизма гендерный подход далек от попыток конструирования моделей общества гендерного равенства как исключительно противоположного ныне существующему. Он лишь настаивает на необходимости толерантного отношения к любому различию как таковому (гендерному, расовому, этническому, религиозному, возрастному и др.), признании его самоценным, имеющим право на существование как равное, поскольку оно обогащает общественное развитие, дарует личности свободу самовыражения [7]. При этом новое альтернативное миропонимание не преувеличивает роль в общественном преобразовании законодательства и воспитания — как одних из многих сфер, влияющих на общественное устройство и нуждающихся в реформировании.

Сформировавшись как политическое движение женщин за свои права, феминизм и сегодня является активатором женского движения, посредством

которого представительницы женского пола получили реальные политические, юридические и экономические права, добиваются определенных изменений в сторону гендерного равенства. Что же касается предпринимаемых ранее в истории попыток осуществления некоторых утопических проектов, то все они оказывались недолговечными [1, 4].

Указанные моменты свидетельствуют о невозможности отнесения феминизма к традиционно трактуемой социальной утопии. В то же время, оперируя пониманием данной категории, предложенным К. Манхеймом, можно обнаружить определенные черты сходства утопии с феминизмом как теоретическим направлением, созданным дискриминируемой группой. По мнению исследователя, угнетенные группы настолько заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят в нем только те элементы, которые направлены на его отрицание. В этом суть «утопического мышления» [8], ограниченность которого присутствует и в феминизме. Однако они обнаруживаются и подвергаются серьезной критике, о которой говорилось ранее.

К тому же феминизм, как и описанная К. Манхеймом утопическая ориентация, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей. Альтернативный подход к созданию дискурса не только переворачивает всю ранее существовавшую систему социального анализа, обнаруживая его ограниченность и односторонность, но и подрывает саму гендерную систему, что делает возможным движение в сторону создания общества гендерного равенства. Так утопическое противостоит идеологическому, носителями которого являются правящие группы, не способные увидеть факты, подрывающие уверенность в собственном господстве [8]. Об этом явственно свидетельствуют реальные примеры частичного преодоления сексизма в мире в целом, и особенно в странах Скандинавии, отличающихся существенными достижениями в вопросах продвижения гендерного равенства, зародившегося в недрах теории феминизма.

Что же касается попыток низведения феминизма до антиутопии, то подобные провокационные манипуляции становятся на сегодня все менее возможными. В наши дни уже вряд ли кого-то можно напугать угрожающими картинами возрождающегося воинственного матриархата с безликой армией «синих чулок», поскольку достигнутые в ходе длительной борьбы права женщин на практике доказывают целесообразность и объективную полезность гендерного равенства.

Библиографический список

1. *Араб-оглы Э.* Утопия // *Философская энциклопедия.* М. : Сов. энцикл., 1970. Т. 5. С. 205—206.
2. *Баталов Э. Я.* Философия бунта. М. : Политиздат, 1973. 222 с.
3. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М. : Идея-Пресс, 2001. 304 с.
4. *Волгин В. П.* Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII века. М. : АН СССР, 1975. 293 с.
5. *Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство. М. : Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
6. *Голдман Э.* Торговля женщинами // *Феминизм в общественной мысли и литературе.* М. : Грифон, 2006. С. 220—228.

7. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 171—182.
8. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. С. 52—95.
9. Миллетт К. Теория сексуальной политики // Основы гендерных исследований : хрестоматия к курсу. М. : МЦГИ : МВШСЭН : МФФ, 2001. С. 34—46.
10. Романчук Л. Утопии и антиутопии: их прошлое и будущее // Порог. 2003. № 2. С. 49—53.
11. Францов Г. П. Исторические пути социальной мысли. М. : Прогресс, 1965. 272 с.
12. Элиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Основы гендерных исследований : хрестоматия к курсу. М. : МЦГИ : МВШСЭН : МФФ, 2001. С. 47—63.

ББК 60.51(4Гем)6+60.542.2

Д. А. Шпилев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Концепция gender mainstreaming — суть и задачи. Gender mainstreaming (GM) — комплексный гендерный подход, принимающий во внимание социальные, культурные, экономические и политические различия между мужчинами и женщинами во всех сферах деятельности; означает необходимость включения критериев гендерного равенства во всю систему организации современного общества. Целью GM является производство структурных изменений, устраняющих гендерное неравенство и обеспечивающих равноправие полов в личной, общественной и профессиональной жизни. Несмотря на то что концепция GM берет свое начало в различных стратегиях по обеспечению равноправия женщин, она не ограничивается только и исключительно желанием устранить структурные предпосылки, ущемляющие интересы женщин. Концепция имеет своей целью демонтаж общественных барьеров для обоих полов. Для этого недостаточно сделать соответствующие распоряжения и принять правильные законы. Необходимо, чтобы стратегия GM применялась автоматически, регулярно и эффективно. Политики всех стран — членов ЕС должны следовать основным принципам данной концепции при принятии всех мер и решений [5, с. 54].

Этапы формирования концепции. Немецкие социологи подчеркивают, что идея GM с момента своего провозглашения очень быстро и динамично охватывает самые разнообразные стороны жизни общества. В этой связи несомненный интерес представляют собой этапы ее формирования [2, с. 59—60]:

© Шпилев Д. А., 2013

— 1985 г. Найроби, Третья Всемирная конференция под эгидой ООН, посвященная проблемам женщин. На этой конференции впервые на международном уровне была провозглашена идея ГМ, а также автономии и равноправия женщин;

— 1995 г. Пекин, Четвертая Всемирная конференция под эгидой ООН, посвященная проблемам женщин. По итогам этой конференции государства — члены ООН взяли на себя обязательство применять концепцию ГМ в своей национальной политике (189 стран подписали Пекинскую декларацию о равноправии мужчин и женщин);

— 1996 г. Заявление Европейской комиссии о включении положения о равноправии мужчин и женщин во все политические концепции и мероприятия ЕС;

— 1997 г. Решение Европейского парламента о необходимости принятия странами — членами ЕС мер в духе концепции ГМ как в политической жизни, так и на локальном, региональном и национальном уровнях. Международная рабочая группа по вопросам гендерного равноправия опубликовала стратегию действий с перечислением всех необходимых мероприятий;

— 1997 г. Назначение Европейской комиссией первых 29 уполномоченных по вопросам гендерного равноправия, чьей задачей являлась разработка необходимых мер для непосредственного воплощения в жизнь концепции ГМ на всех уровнях;

— 1998 г. Провозглашение ЕС гендерного равноправия в качестве одного из четырех столпов европейской политики занятости;

— 1999 г. Ратификация Амстердамского соглашения между странами — членами ЕС о соблюдении гендерного равноправия на законодательном уровне. Таким образом, следование концепции ГМ на политическом уровне стало обязательным для всех стран — членов ЕС;

— 2000 г. Объявление Федеральным министерством по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи ФРГ концепции ГМ основным принципом своей работы;

— 2001 г. Распространение ГМ в качестве основного принципа организации работы с детьми и подростками в Германии.

Условия, необходимые для успешной работы ГМ. Немецкие социологи отмечают, что простое механическое следование неким принципам не означает решения весьма сложной и комплексной проблемы обеспечения реального гендерного равенства. Методология ГМ будет успешно работать только при выполнении определенных политических, организационных и организационно-правовых условий.

Политические условия состоят в том, что руководство всей страны и каждого отдельного региона на политическом уровне обязуется при принятии всех своих решений и проведении мероприятий следовать принципам концепции ГМ, а также нести строгую ответственность за их несоблюдение.

Организационные условия являются более развернутыми и включают в себя по меньшей мере пять пунктов:

— для реализации основных принципов концепции ГМ должны быть выделены все необходимые кадровые и финансовые ресурсы;

— при планировании, принятии и исполнении бюджетов всех уровней должны учитываться принципы ГМ;

— персонал на всех уровнях должен быть хорошо подготовлен к реализации принципов ГМ в своей повседневной работе;

— должен быть разработан и подготовлен инструментарий, которым могут пользоваться специалисты различных департаментов и организаций (например, детских и подростковых центров) для реализации принципов ГМ в своей повседневной работе;

— все шаги по реализации концепции ГМ контролируются и оцениваются экспертами.

Организационно-правовые условия проявляются в двух аспектах. Во-первых, политики и чиновники различных уровней должны получить всеобъемлющую подготовку и нормативно-правовую базу для реализации концепции ГМ. Во-вторых, язык всех официальных документов должен отражать следование принципу гендерного равноправия (например, при обращении) [2, с. 60—61].

Рассмотрим применение ГМ в Германии на примере двух отраслевых социологий — социологии города и социологии молодежи.

Гендерная проблематика в немецкой социологии города. Обсуждение гендерной проблематики в контексте социологии города начинается с 1980-х гг. На фоне исследования и описания женских движений и гражданских инициатив в немецкой социологической литературе возникает серьезная критика неравномерного распределения властных полномочий между мужчинами и женщинами, заходит разговор о дискриминации интересов и потребностей женщин в таких сферах, как городское планирование, транспортное сообщение, а также в сфере регионального планирования. С этого момента тематика гендерных исследований и исследований женских движений надежно закрепились в немецких университетах. С появлением политической инициативы ГМ в середине 1990-х гг. перспективы гендерных исследований в немецкой социологии города стали еще более широкими. В частности, при всех видах социального планирования и принятия решений органами власти стало необходимым с помощью нисходящего анализа исследовать и исключать дискриминационное воздействие соответствующих нормативных актов и распоряжений на мужчин и женщин.

В начале нового столетия для проектировщиков всех видов открылось новое, специфическое поле деятельности, появилась возможность социального конструирования как гендерно-нейтральных, так и гендерно-специфических мест. Один из ведущих специалистов в данной сфере — Марианна Роденштейн — приводит в своем исследовании в качестве примера подобного проектирования планирование детских учреждений в пригородных новостройках для матерей, вынужденных каждый день ездить в город на работу (*Berufspendlerin*). Это обстоятельство свидетельствует не только об изменениях в модели ролевого поведения самих работающих женщин, но и о потенциальном влиянии этого поведения на коренных жителей, сохранивших в деревнях представление о традиционном распределении обязанностей между мужчиной и женщиной.

Исходным пунктом для критики городского пространства со стороны феминисток является следующий тезис: все виды пространства в современном обществе отражают половое неравенство. Последние двадцать пять лет феминистки говорили о том, что в организации структуры городского пространства находит свое выражение сексуальное насилие над женщинами со стороны мужчин [8].

Как пишет М. Роденштейн, господство мужчин выражается не только в их непосредственном общении с женщинами, но и в оформлении материального мира, в котором они живут. Например, в оформлении квартиры или любого другого жилого пространства женщина выключена из общественной жизни, сконцентрирована на домашнем хозяйстве и настроена «на тихое счастье». Все это является результатом насильственного разделения обязанностей между полами. Однако в настоящее время женское движение начинает «проникать» в архитектуру и в процессы планирования, в центр феминистического анализа помещается традиционное разделение труда между мужчинами и женщинами, а также репродуктивная функция женщин [8].

Ярким примером подобного подхода является исследование архитектурных и пространственных особенностей Потсдамской площади в Берлине (Potsdamer Platz) с гендерной точки зрения. Один из авторов — Габриэле Шамбах — в своей работе даже говорит об «окаменелом выражении господства мужчин над женщинами». С точки зрения сторонников подобного подхода, такая категория, как пол или гендер, должна стать в современном обществе основным принципом организации и упорядочивания жизни, а также организации социального пространства [9].

Что касается непосредственно самого GM, то с недавнего времени комплексный подход к гендерному равенству является в Германии официально заявленной целью федерального правительства. Прежде всего речь идет о необходимости коренных изменений в сфере жилищной политики. Однако этим изменениям должны предшествовать серьезные исследования, в рамках которых необходимо выяснить, как те или иные решения в сфере жилищной политики будут отражаться на взаимоотношениях полов. При реализации жилищного и городского строительства следует учитывать различные интересы и потребности мужчин и женщин.

Нужно отметить, что, с одной стороны, научное сообщество Германии достаточно доброжелательно отнеслось к появлению гендерной проблематики в социологии города и даже стало рассматривать этот аспект как составную часть концепции социально-экологической трансформации городского пространства. С другой стороны, в настоящее время отсутствует полная ясность в отношении того, как ученым, чиновникам и общественности следует думать, действовать и взаимодействовать в рамках данной концепции, т. е. при операционализации гендерного аспекта у большинства акторов возникают серьезные трудности.

Например, преподаватель Эльке Зейтц дала своим ученикам в архитектурном институте следующее задание: студентки должны были спроектировать мужскую комнату, а студенты — женскую. Всего за три недели нужно было разработать проект и представить готовую модель помещения. При этом выяснилось, что представителям молодого поколения очень сложно представить себе типично женскую или типично мужскую модель поведения, а затем воплотить ее в пространстве. Все студенческие проекты в основном опирались на образцы, растиражированные посредством СМИ и в игрушках (Джеймс Бонд, Барби и др.), и имели мало общего с реальной жизнью мужчин и женщин. В предложенных студентами моделях речь шла о жилом пространстве, пригодном для одиночек, так называемых синглов, не обремененных ежедневными

домашними обязанностями (например, воспитание детей) или для пожилых людей. Таким образом, выяснилось, что студенческая жизнь не предполагает специфической гендерной организации повседневности. Половая дифференциация повседневной жизни происходит у большинства людей на более поздних этапах биографии, когда начинается профессиональная деятельность и семейная жизнь [10].

В самом ближайшем будущем можно предположить появление в немецкой социологии города темы организации городского пространства для сексуальных меньшинств. Связано это предположение с тем обстоятельством, что в 2005 г. на немецком языке впервые были изданы тексты англо-американской дискуссии о сложной взаимосвязи между сексуальностью, сексуальной самоидентификацией и организацией городского пространства, вызвавшие значительный интерес в самых широких слоях немецкоязычной аудитории [7].

Проблема нарушения принципов гендерного равноправия в молодежной среде. Немецкие социологи отмечают наличие многочисленных случаев фактического нарушения гендерного равноправия среди молодежи. Это подтверждают в том числе и статистические параметры. Например, по данным Федерального ведомства по статистике, девушки, как правило, оканчивают школу с лучшими показателями, чем юноши. И речь идет не просто о более высоких оценках: аттестат зрелости получает каждая третья девушка и каждый пятый юноша. Это означает, что около 23 % юношей и 15 % девушек не завершают должным образом обучение в средней школе. При этом шансы на продолжение образования зависят в каждой гендерной группе прежде всего от принадлежности к определенному социальному слою, а также от национальной или этнической принадлежности. Юноши из семей иммигрантов, а также те, чьи родители не получили высшего образования, имеют очень слабые шансы на продолжение своего обучения [6].

При выборе вуза и соответственно дальнейшей профессии гендерные различия еще больше усиливаются. В первую очередь это относится к профессиям, требующим низшей или средней профессиональной подготовки. Более 50 % девушек выбирают только около 10 из 350 возможных направлений профессиональной подготовки. Обычно это профессии, связанные со сферой услуг и имеющие минимальные перспективы карьерного роста и возможности заработка: продавца, фельдшера, парикмахера. Юноши, имеющие значительно более широкие возможности для выбора, как правило, предпочитают ремесленно-технические профессии. Причины такого поведения кроются прежде всего в гендерных стереотипах, усвоенных молодежью. Несмотря на то что количество юношей и девушек, обучающихся в вузах, практически одинаково, выбор предметов тоже имеет определенную гендерную специфику: девушки предпочитают языки, педагогику, психологию, юриспруденцию и бухгалтер. Юноши, в свою очередь, выбирают в основном естественно-научные и технические дисциплины.

Подобный выбор профессии имеет в дальнейшем влияние на возможности трудоустройства, заработка, профессиональный рост и общественный престиж. Девушки рассматривают свою профессиональную деятельность преимущественно как возможность дополнительного заработка. Они готовы ограничить, временно прервать или вообще прекратить свою трудовую деятельность

ради семьи и детей. В результате женщины могут лишиться экономической независимости, оказаться в бедности, получить ограниченное пенсионное обеспечение в старости, а также существенно снизить уровень доходов всей семьи. Вместо этого они получают роль домохозяйки, хранительницы семейного очага и воспитательницы своих детей.

Молодые мужчины не в пример реже рассматривают возможность ограничить свою профессиональную деятельность ради семейных интересов. Наоборот, если дети растут в полной семье, мужчины начинают проводить на работе значительно больше времени. Это приводит к тому, что если мужчина ставит на первое место в своей жизни профессиональные и карьерные интересы, то время, проводимое им с семьей, заметно сокращается. Поэтому работа с неполным рабочим днем в общественном сознании по-прежнему остается прерогативой женщин. Такая ситуация приводит к неравноправной оценке жизненных миров мужчин и женщин, основанной на стереотипических представлениях о типично мужском и женском поведении. Поэтому принципы ГМ призваны обеспечить фактическое равноправие мужчин и женщин, а также поддерживать подростков, находящихся в различных жизненных ситуациях [1].

Кроме того, у подростков обоих полов наблюдается значительное различие в отношении к своему здоровью. Юноши стараются не показывать симптомы болезней, они вытесняют из своего сознания все связанные с болезнью страхи. При этом юноши чаще занимаются экстремальными видами спорта и употребляют стимулирующие средства. У девушек же из-за стремления соответствовать образцам красоты, навязываемым СМИ, наблюдается нарушение бережного отношения к своему телу и склонность к диетам, вредным для здоровья. Девушки чаще, чем юноши, становятся жертвами сексуального насилия с соответствующими соматическими и психологическими последствиями [3].

Важные гендерные различия проявляются также при рассмотрении склонности к различным видам зависимости. Девушки употребляют алкоголь и курят меньше, чем юноши, однако у них чаще возникает медикаментозная зависимость и нарушение аппетита. Интересно, что в последнее время у юношей тоже появляются подобные проблемы. На 10—12 девушек, страдающих истощением, приходится один юноша. Поэтому врачи специализированных клиник считают, что истощение является заболеванием девушек. Тем не менее лечить юношей гораздо сложнее, т. к. они значительно позже обращаются за медицинской помощью. Интересно, что родители и учителя практически сразу замечают признаки истощения у девочек, а худоба юношей, как правило, первоначально связывается с особенностями развития. Следование принципам ГМ в данном случае означает, что необходимо разработать отдельную стратегию борьбы с истощением у юношей [2, с. 63—65].

Гендерные различия проявляются и при занятиях спортом. Девушки и женщины предпочитают преимущественно массовые и оздоровительные виды спорта, такие как гимнастика, верховая езда, теннис и танцы, юноши и мужчины выбирают командные и соревновательные виды спорта, а именно футбол, гандбол, баскетбол, легкую атлетику и др.

Однако исследования последнего времени показывают, что склонность к тому или иному виду спорта зависит не только от гендерных особенностей, но

и в значительной мере от уровня оснащенности спортивных учреждений, а также от тренировочных методик. Например, при выборе видов спорта при адекватном тренерском подходе девушки с большим удовольствием занимаются традиционными юношескими видами спорта, в частности баскетболом.

Вопросы, связанные с полом, долгое время ассоциировались в общественном сознании исключительно с женскими проблемами. Только с появлением ГМ на политическом и административном уровне начинается постепенное понимание того, что учет гендерных особенностей является основной задачей педагогов и работников детских и юношеских центров.

Следует также отметить, что до сих пор не сложились однозначные критерии и даже нередко понимание того, что означает применение принципов ГМ в конкретной практической работе с детьми и трудновоспитуемыми подростками. К этому вопросу существуют различные подходы, которые в настоящее время активно обсуждаются. Например, следует ли руководствоваться принципом унисекса (unisex), чтобы не дискриминировать ни один из полов, или все-таки необходимо разрабатывать отдельные подходы для юношей и девушек. В немецкой социологической литературе подобный спор получил название «равенство или различие» (Gleichheit oder Differenz). В любом случае для сотрудников детских и юношеских учреждений крайне важно, чтобы критерии применения стратегии ГМ разрабатывали не управленцы, политики или ученые, т. е. крайне далекие от практической работы люди, а специалисты, располагающие своим собственным опытом ежедневной работы с детьми и подростками. Только в этом случае концепция ГМ сможет внести важный вклад в повышение качества работы подобных учреждений [2, с. 65].

Общеизвестно, что большинство сотрудников, работающих в различных учреждениях с детьми и подростками, — женщины, и это нередко расценивается социологами в качестве существенной проблемы. До сих пор нет точных данных о том, с какими последствиями для детей связано доминирование женщин-педагогов (воспитателей) в их повседневной жизни. При этом последние исследования немецких социологов говорят о том, что наибольшие проблемы это создает для юношей. Одно известно точно: в большинстве детских и юношеских учреждений, как при организации повседневной работы, так и при оценке поведения юношей и девушек (мальчиков и девочек), действует значительное количество стереотипов.

Как правило, образовательные и воспитательные учреждения представляют собой так называемое женское царство (weiblicher Raum), в котором женщины воплощают свои представления об эстетике и уюте. Это заметно по цветовой гамме, убранству окон и стен, большому количеству уютных и укромных мест, а также по хорошо обставленным помещениям для творческой работы воспитанников и учеников. Помещение же со станками, если оно вообще имеется, располагается в подвале и т. п. Воспитательницы заходят туда крайне редко. Мальчики воспринимаются ими скорее как помеха, занимающая место и создающая шум и пыль. Все это означает, что проводимые мероприятия (обучающие, лечебные и терапевтические) в основном ограничиваются типично женскими играми и занятиями, замкнутыми на компетенции и возможности девочек.

С другой стороны, в детских садах и других дошкольных учреждениях больше времени уделяется все-таки мальчикам. Частично из-за того, что их поведение более агрессивно и требует повышенного внимания. Девочки чаще рассматриваются как помощницы, кроме того, с ними легче справиться. Если же девочки проявляют агрессивность и напористость, то их поведение получает, как правило, более негативную оценку со стороны взрослых, чем девиантное поведение мальчиков. Воспитатели выполняют задачу по предупреждению применения силы в мальчишеской среде. Этот процесс уже неплохо систематизирован. Однако до сих пор не существует до конца продуманных подходов к процессу социализации девочек, а также планомерной и последовательной работы с ними. Задача ГМ в данном случае заключается в том, чтобы предотвратить возникновение ситуации, в которой девочки совсем пропадают из поля зрения воспитателей и педагогов, а весь интерес направлен на ребят. Необходимо учитывать потребности и особенности социализации обоих полов.

Реализация концепции ГМ в детских и юношеских учреждениях также означает планомерное увеличение количества высококвалифицированных сотрудников-мужчин, работающих в этих организациях (это могут быть как практиканты, так и контрактники). Подобная мера поможет восстановить традиционный гендерный баланс: мужчины с мальчиками мастерят, женщины с девочками занимаются шитьем, мужчины организуют футбольный турнир, женщины заботятся о еде и напитках. При этом решающее значение будет иметь осознанное распределение между мужским и женским персоналом гендерно-типических форм и манер поведения.

Кроме того, у многих сотрудниц детских дошкольных учреждений высокая профессиональная квалификация подвергается значительному воздействию со стороны существующего в сознании представления о естественном, интуитивном материнстве, что приводит к гипертрофированному стремлению к сочувствию, гармонии, уклонению от конфликтов и публичных споров. В рамках применения концепции ГМ предполагается проведение курсов повышения квалификации и командных тренингов для женского персонала, призванных помочь решить эту проблему.

Кроме того, многим женщинам-педагогам кажется, что они плохо понимают мальчиков, — это вызывает чувство неуверенности, негативно сказывающееся на результатах работы. Педагоги-мужчины, в свою очередь, очень часто не имеют достаточного представления об особенностях развития девочек. Применение концепции ГМ призвано скорректировать данную ситуацию [2, с. 65—67].

Библиографический список

1. Егорова Н. Ю., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Современная немецкая социология : (обзор). Исследования проблем семьи. Н. Новгород : НИСОЦ, 2011. 84 с.
2. Иудин А. А., Шпилев Д. А. Современная немецкая социология : (обзор). Демографическая политика ФРГ: иммигранты и молодежь. Н. Новгород : НИСОЦ, 2011. 88 с.
3. Иудин А. А., Шпилев Д. А. Современная немецкая социология : (обзор). Исследования в области здравоохранения. Н. Новгород : НИСОЦ, 2010. 58 с.

4. *Иудин А. А., Шпилев Д. А.* Современная немецкая социология : (обзор). Образование в современной Германии. Н. Новгород : НИСОЦ, 2010. 62 с.
5. *Иудин А. А., Шпилев Д. А.* Современная немецкая социология : (обзор). Проблемы развития города. Н. Новгород : НИСОЦ, 2010. 58 с.
6. *Cremers M.* Neue Wege für Jungs : ein geschlechterbezogener Blick auf die Situation von Jungen im Übergang Schule-Beruf. Berlin, 2006 ; Bildung in Deutschland : ein indikatorengestützter Bericht mit einer Analyse zu Bildung und Migration : (im Auftrag der Ständigen Konferenz der Kultusminister der Länder in der Bundesrepublik Deutschland und des Bundesministeriums für Bildung und Forschung). Bielefeld, 2006. URL: <http://www.bildungsbericht.de/daten/gesamtbericht.pdf> (дата обращения: 26.07.2011).
7. *Outside: die Politik queerer Räume / M. Haase, M. Siegel, M. Wunsch (Hrsg.).* Berlin : b_books, 2005. 314 S.
8. *Rodenstein M.* Von baulich-räumlicher Herrschaft zur Analyse von «Gendered Spaces» : zum Wandel der Frauen- und Geschlechterforschung in der Planung // Die Hälfte des Horsaals : Frauen in Hochschule, Wissenschaft und Technik / A. Spellerberg (Hrsg.). Berlin : Ed. Sigma, 2005. S. 161—181.
9. *Schambach G.* Genderaspekte in der Planung des Potsdamer Platzes in Berlin // Schau-stelle Gender : aktuelle Beiträge sozialwissenschaftlicher Geschlechterforschung / P. Doge, K. Kassner, G. Schambach (Hrsg.). Bielefeld : Kleine, 2004. S. 172—190.
10. *Seitz E.* Ein Stegreifentwurf im Rahmen der Genderforschung in der Architektur : Studentinnen entwerfen Herrenzimmer, Studenten entwerfen Damenzimmer // Die Hälfte des Horsaals : Frauen in Hochschule, Wissenschaft und Technik / A. Spellerberg (Hrsg.). Berlin : Ed. Sigma, 2005. S. 183—199.

ББК 60.542.2

О. А. Полюшкевич

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСОЛИДАЦИИ: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

Важными характеристиками развития страны, наряду с общеэкономическими и социально-демографическими показателями, являются ее политико-правовая система, наличие элементов развитого гражданского общества, уровень политико-правовой и гражданской культуры населения, *социальное самочувствие* граждан, социальная защищенность и т. п. В последние два десятилетия среди социологов (П. Бурдье, Дж. Коулман) и политологов (Ф. Фукуяма), характеризующих уровень развитости гражданского общества и качество демократии, стало своего рода хорошим тоном говорить о разного рода «капиталах» — *социальном, культурном, образовательном* и иных.

© Полюшкевич О. А., 2013

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента МК-480.2013.6 «Эмпатия в конструировании социальной идентичности: гендерный аспект».

Но определения и операционализация содержания этих понятий у разных авторов различаются. Так, к примеру, Ф. Фукуяма отождествляет социальный капитал с социальным доверием [9], а согласно трактовке, принадлежащей Дж. Коулману, социальный капитал означает умение развивать сотрудничество в группах и в организациях в целях реализации общих интересов. Он трактует его как формирующийся в общностях и социальных группах естественный ресурс, проявляющийся в различных формах: социального доверия; социальных ценностей, норм и санкций; социальных связей и сетей; открытости и т. д. [14]. П. Бурдье говорит о социальном капитале как совокупности ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания, т. е. с членством в группах [13]. Д. Тросби, развивая мысли П. Бурдье, утверждает, что основой развития любого общества является культурный капитал — средство объединения всех членов общества в единую систему, через уважение и признание друг друга, на основе общих ценностей и установок [26]. П. Штомпка полагает, что основой социального капитала является доверие — «положительная человеческая реакция на непредсказуемость и отсутствие контроля» [25, р. 25]. Доверие оказывается предпосылкой формирования общественного капитала, отражающегося, в свою очередь, в качестве жизни и социальном самочувствии, определяющих развитие гражданского общества.

Иными словами, социальный капитал выступает ресурсом, способным сплотить общество или, наоборот, разобщить. Социальный капитал — это инструмент формирования практик социального взаимодействия, направленного на решение социальных проблем. Вопрос консолидации и формирования гражданского общества невозможен без таких элементов социального капитала, как доверие, толерантность, разнообразие общества (по культурным, национальным, неформальным и прочим параметрам, образующим социокультурное многообразие государства) (Х. Вестлинд и Ф. Калидони [27]). Другие ученые (Я. Фидрмук и К. Герцхани [16]) пришли к выводу, что социальный капитал варьируется в разных сообществах и культурах в зависимости от эффективности контроля социальных институтов, развития гражданского общества, доверия, развитости социальных сетей и коммуникаций и др.

Исследования социального капитала и гендерные исследования зачастую ставят схожие задачи, касающиеся доступности образования и здравоохранения, преступности, социальных перспектив, социальной защиты, трудовых отношений и пр.), т. е. всего того, что может стать ресурсом развития человека. Однако возможные решения этих проблем в исследованиях вышеуказанных авторов (П. Бурдье [13], Дж. Коулман [14], Д. Тросби [26], Р. Патнам [22] и др.) и ученых, занимающихся гендерными исследованиями (Дж. Хубер [10], М. Мэн [20], Р. Коллинз [5], М. Авриль [11], С. Боск [12], Л. Берени [18] и др.), прямо противоположны. Данное противоречие детально рассмотрено в работе Т. Борчуновой [1], которая объясняет недостаточное исследование этих двух направлений следующим.

Во-первых, исследования социального капитала исходят из очевидности солидарности мужчин и женщин в решении любых поставленных задач, гендерные же исследования предполагают, что любые вопросы должны решаться «с равенства, гражданского участия, солидарности и социальной безопасности,

гендерная теория опирается, прежде всего, на понятия доминирования, власти и иерархии» [1, с. 164]. Хотя думается, что перед гендерной теорией еще стоит открытым вопрос о формах и условиях солидарности мужчин и женщин.

Социальный капитал понимается как наличие связей с другими людьми или группами людей. У разных социальных групп эти связи не одинаковы, что формирует социальное неравенство. Это выражается в неравенстве мужчин и женщин, которое обусловлено неравным доступом к общественным ресурсам (деньги, власть, бизнес, информация), а также общей установкой на выстраивание взаимодействия с таким же, как и ты сам (по признаку пола, образования, веры). Это способствует сохранению ригидности существующего социального порядка и соответственно возможностей использования социального капитала. Данные явления обнаружили в исследованиях Н. Лин [19]. Те же данные мы находим у У. Анух, Н. Дламини, М. Чин-Янг, Л. Смайл [24], У. Шармы [24], Дж. Филд [17] и др. Во всех вышеперечисленных исследованиях мы обнаруживаем устойчивую тенденцию оценки социального капитала и социальных сетей женщин как значительно меньших по размеру, включающих в большей степени родственные и дружеские отношения и в меньшей статусные связи (взаимодействие с теми, кто имеет реальное влияние во власти, бизнесе, экономике и др.). Иначе говоря, женский социальный капитал менее инструментален, нацелен на социальную поддержку, но не способствует ни личному, ни социальному росту. Данное положение женщин усугубляется при уходе в отпуск по рождению ребенка или в отпуск, связанный с уходом за недееспособными членами семьи (А. Манч, Дж. Мак-Ферсон, Л. Смит-Ловин [21]).

Во-вторых, по мнению Т. Борчуновой, «отечественная гендерная теория, восприняв конструктивистский подход, рассматривает гендер скорее как *социальный конструкт*, а не как *процесс* социального конструирования гендера» [1, с. 167]. Данное утверждение также не вызывает сомнений, поскольку как в общественном сознании, так и в научных теориях доминирует система *понятного, уже сформированного опыта*, процесс *изменения* вызывает больше вопросов, неясностей и недоразумений, вызванных сложностью изучения и векторов изменения объекта.

Помимо этого, в социальной практике происходило постоянное взаимодействие и взаимовлияние социального капитала и гендерной теории. Так, Е. Здравомыслова и А. Темкина приводят пример гендерного контракта [3], подразумевающего работающую мать (контракт между женщиной и государством), Т. Борчунова анализирует неправительственные организации как субъекты, способные при решении проблем объединить социальный капитал и гендерный вопрос.

Методика исследования

Наше исследование было направлено на изучение восприятия мужчинами и женщинами социального капитала. Оно качественно отличается у разных полов, т. к. обусловлено различным опытом социализации и инкультурации, неодинаковыми социальными стратегиями развития, социальными стереотипами и др.

Второй задачей было выявление механизмов конструирования гендерно обусловленных представлений о социальном капитале, а также формах потенциальной и реальной солидарности мужчин и женщин.

Нами был проведен опрос, в котором приняло участие 1500 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 860 женщин и 640 мужчин. Для анализа и интерпретации ответов были использованы транссимволический анализ, контент-анализ, а также методика оценки социального капитала, взятая из опросника «World Values Survey» [6].

Транссимволический анализ исходит из предположения о том, что социальная реальность структурируется и описывается в троичной системе — когнитивного символа (существительное), аффективного символа (прилагательное) и деятельностного символа (глагол). Структура символической триады конкретна и верифицируема, отражает комплексное единство символов, формирующих определенную коннотацию, в нашем случае коннотацию, различную у мужчин и женщин. (Более подробно см. работы О. А. Кармадонова [4], О. А. Полюшкевич [7].)

При помощи контент-анализа выявлялись наиболее частотные категории, встречающиеся в нарративах участников фокус-групп. Были использованы стандартизированные процедуры поиска, учета и подсчета количественных показателей, отражающих существенные смысловые стороны изучаемого явления. Исследуемые параметры — частота упоминания (индекс Fm), объем внимания (индекс Va), общий оценочный контекст (+/-). Мы рассматривали в качестве единиц анализа такие категории, как «сплоченность», «солидарность» и «единство».

Для оценки социального капитала участникам фокус-групп предлагался список основных социальных институтов, играющих важную роль в жизни индивида и общества: семья, друзья, сослуживцы, церковь, армия, образовательные учреждения, правительство, президент, СМИ и др. Необходимо было оценить, насколько респондент доверяет или не доверяет каждому из них.

Результаты исследования

Можно с уверенностью сказать, что женщины в когнитивном плане (на уровне знаний) обладают большим спектром информированности, чем мужчины. Но на уровне реализации своего потенциала в реальные проекты, действия, способные изменить их жизнь, происходит торможение. Причин тому может быть несколько: от социальных стереотипов до отсутствия навыков реализации (или убеждений, что не получится, опять же социально формируемых).

Мужчины в большем количестве случаев (до 80 %) связывают субъективные и объективные критерии формирования социального капитала в единую цепочку формирования их личного социального опыта, отражающегося на их карьере, финансовом благополучии и общественном признании. Женщины, как правило, разделяют субъективные и объективные основания, объясняя это «невозможностью» соединения, «разными интересами», «отсутствием перспектив», т. е. определенные социальные страхи уменьшают возможности развития социального капитала.

Например, если знание законов и понимание финансовых процессов для мужчины приводят к более быстрому карьерному росту, то для женщины это может отразиться в экономии домашнего бюджета (планирование долгосрочных вложений, покупка недвижимости и др.). Или же знание иностранных языков, по мнению женщин, дает им возможность путешествовать и узнавать но-

Методология гендерных исследований

вые места (что само по себе неплохо). Для мужчин знание языков — это перспектива получить более высокую должность, перейти в зарубежную компанию и др. Шансы, которые изначально дают одинаковые возможности, по-разному используются. Поэтому социальный капитал женщин и мужчин становится неодинаков по насыщенности и содержанию (табл. 1, 2).

Женщины более осторожны в соблюдении социальных норм. Например, для 75 % женщин знание закона автоматически означает его соблюдение. Для мужчин такое распределение верно лишь в 42 % случаев, в остальных ситуациях — знание не предполагает соблюдения («специфика страны, в которой мы живем», «прав тот, у кого сила, а не у кого закон» и др.). Иными словами, для женщин в большей степени характерно соблюдение легитимных принципов нашего общества.

Таблица 1

Объективные критерии распределения социального капитала, %

Критерий	Мужчины	Женщины
Образование		
высшее	75	67
средне-специальное	22	31
среднее	3	2
Доход		
выше 50 000 руб.	14	1
30 000 — 50 000 руб.	36	8
15 000 — 30 000 руб.	31	43
до 15 000 руб.	19	48
Участие в неформальных группах		
социальные сети в Интернете	43	77
хобби	42	35
общественная работа	5	38
некоммерческие организации	10	34
другое	10	10

Таблица 2

Субъективные критерии распределения социального капитала, %

Критерий	Мужчины	Женщины
Понимание социальной структуры (иерархии)	82	43
Соблюдение закона	37	88
Знание закона	95	34
Знание финансов	76	56
Знание иностранных языков	42	63
Знание ПК	84	67
Социальная известность (на уровне города или страны)	47	24

Наши данные подтверждают исследования А. Манч [21] относительно того, что из-за рождения и воспитания детей женщины в большей мере устанавливают родственные связи, а социальное взаимодействие не с родственниками остается в стороне.

Раскрывая значение социального капитала, мы выделили уровень межличностного доверия, уровень институционального доверия, уровень гражданской идентичности (через «силу» и «позитивность» гражданской идентичности).

Все социальные аксиомы связаны с показателями социального капитала. Рассмотрим связи каждой из социальных аксиом по отдельности.

Таблица 3

Корреляции социальных утверждений с показателями социального капитала

Блок утверждений	Толерантность		Институциональное доверие		Межличностное доверие		«Сила» гражданской идентичности		«Позитивность» гражданской идентичности	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Религиозность	-0,15	-0,12	-0,29**	-0,25**	-0,28**	-0,25**	0,18*	0,14	0,08	0,06
Социальный цинизм	-0,15*	-0,11	-0,18**	-0,15**	-0,16**	-0,14	-0,13*	-0,11	-0,16**	-0,19**
Социальная сложность	-0,02	-0,03	0,13*	-0,14*	0,14*	-0,16	-0,08	-0,08	-0,07	-0,09
Награда за усилия	-	-	-0,22*	0,24*	-0,25*	0,18	0,04	0,05	0,09	0,08

* – $p < 0,05$.

** – $p < 0,01$.

Религиозность. Данный блок утверждений отрицательно связан с показателями институционального и межличностного доверия и положительно — с показателем «силы» гражданской идентичности. Социальные утверждения этого блока связаны с восприятием Бога в жизни людей. Причем положительные связи с гражданской идентичностью говорят о том, что, несмотря на уменьшение роли религии в нашей жизни, она все еще значима для граждан страны и на ее основе возможно сплотить наше общество. Вера в единого Бога и «позитивная функция религии» (М. Бонд, К. Линг, К. Тонг и др.) [15] является базисом для социального единства, что и отражается на положительном восприятии религии (именно в православном варианте) для наших соотечественников.

Утверждения этого блока в большей степени разделяют женщины — 61 %, в меньшей степени мужчины — 39 %. Это соответствует данным Левада-центра: у российских женщин религиозность существенно больше, чем у мужчин (51 % против 30 %). С возрастом религиозность постепенно растет: 18—24 года — 29%, 25—39 лет — 38 %, 40—54 года — 44 %, 55 лет и старше — 49 % [2]. Повышенной религиозностью отличаются пенсионеры, служащие без специального образования и руководители, управленческие работники. Ниже

средней религиозность у рабочих, значительно ниже — у учащейся молодежи, а меньше всего религиозных людей — среди работников силовых структур.

Результаты транссимволического анализа показывают интересную картину. Для мужчин религиозность и связь с высшими силами имеет следующие символические триады: когнитивные — *сила (78 %), власть (75 %), могущество (74 %)*; аффективные — *искренняя (75 %), сильная (74 %), всеобщая (72 %)*; деятельностные — *контролирует (75 %), покровительствует (74 %), охраняет (70 %)*. Для женщин — следующие: когнитивные — *покровительство (83 %), контроль (82 %), смирение (79 %)*; аффективные — *полное (80 %), тотальный (76 %), искреннее (75 %)*; деятельностные — *спасает (80 %), наказывает (78 %), защищает (77 %)*.

Можно заключить, что мужчины процессы религиозности и связи с высшими силами воспринимают как форму высшего оберега, она не угрожает, а оберегает, а женщины — как опасную угрозу, которой нужно бояться, поэтому ей стоит подчиняться. Прослеживается психологическая готовность рисковать и действовать (у мужчин) и не рисковать и сохранять неизменным (у женщин).

Социальный цинизм. Суть утверждений этого блока касается представлений о том, что «обществу невозможно в принципе принести пользу», «думать о других не стоит, иначе сам окажешься не у дел», «за доброжелательность к людям мы дорого расплачиваемся сами», «не делай другим добра, не получишь зла», «чтобы выжить в этом мире, надо бороться за место под солнцем». Бдительность, недоверие и скептицизм, неверие в лучшие качества людей — основной лейтмотив данного блока. Вполне понятно, почему этот блок связан отрицательно с толерантностью: она в принципе прямо противоположна такому мироощущению. Обладающих доминирующими качествами социального цинизма среди мужчин больше, чем среди женщин (62 и 37 % соответственно). Чем больше людей будут разделять данные утверждения, тем менее вероятно, что мы построим толерантное, правовое, гражданское общество. Достаточно высокие показатели (особенно у мужчин) заставляют сделать определенные выводы на уровне консолидации, т. к. «социальный цинизм» способствует разобщению и дезинтеграции общества.

Аналогично можно объяснить отрицательную связь с оценкой «силы» и «позитивности» гражданской идентичности. Ориентация на индивидуализм и эгоистические ценности не способствует формированию гражданской идентичности и консолидации общества. Распределение ответов среди мужчин и женщин — 58 и 40 % соответственно.

Отрицательная зависимость с «институциональным» и «межличностным» доверием дополняет картину. Когда люди живут по принципу «человек человеку волк», то о формировании доверия между членами общества мы не можем говорить. Чем меньше люди могут доверять друг другу, тем меньше возможностей сплотить общество.

Но между институциональным и межличностным уровнями доверия у мужчин и женщин складывается неодинаковое соотношение. Мужчины в большей мере склонны доверять институциональным отношениям (72 %) и в меньшей — межличностным (28 %). Это объясняется ориентацией мужчин на выстраивание отношений вовне, через использование своего социального ка-

питала, связей и личных возможностей. Межличностное доверие предполагает опору только на личностные качества, навыки и умения, что не всегда могут проявить мужчины. У женщин наблюдается прямо противоположная картина. Женщины доверяют в большей степени межличностным отношениям (58 %) и в меньшей — институциональным (36 %). О причинах такого разделения мы говорили в начале анализа результатов исследования.

Все респонденты указывают на важность формирования личного социального капитала. Он не образуется сам, а только через взаимодействие с родственниками или близким кругом друзей. Причем источником наибольшего социального капитала у женщин является семья (72,3 %), а у мужчин — друзья (76,1 %). Это те области, которые наполняют жизненное пространство и могут его обогащать.

Транссимволический анализ это также подтверждает. Для женщин семья опосредуется следующими символами: когнитивными — *очаг* (66 %), *дом* (70 %), *дети* (75 %); аффективными — *крепкая* (70 %), *большая* (72 %), *любимая* (75 %); деятельностными — *оберегает* (68 %), *защищает* (73 %), *вдохновляет* (76 %). Мужчинам семья видится несколько в иных смыслах: когнитивные символы — *удобство* (70 %), *свобода* (68 %), *традиция* (67 %); аффективные — *тормозящая* (69 %), *радующая* (68 %), *изменяющая* (66 %); деятельностные — *защищает* (68 %), *оберегает* (67 %), *сохраняет* (65 %).

Все это олицетворяет традиционные формы и условия зарождения и развития семьи в сознании женщин и мужчин. Но если для женщин семья выступает скорее как идеальная цель развития женщины, то для мужчин — это средство комфорта и обустройства быта, а не личного или социального развития. Близкие по формальным показателям принципы и критерии оценки семьи как социального капитала означают диаметрально противоположную ценность и эмоциональную окрашенность семьи как социального института и как эмоционального ресурсного пространства.

В целом же результаты транссимволического анализа в аспекте социального цинизма формируют следующую картину: для мужчин когнитивные символы — *сила* (76 %), *мощь* (74 %), *воля* (83 %); аффективные — *социальная* (77 %), *материальная* (76 %), *мужская* (75 %); деятельностные — *защищает* (74 %), *растет* (73 %), *доминирует* (80 %). Для женщин когнитивные символы — *хитрость* (77 %), *красота* (80 %), *богатство* (69 %); аффективные — *женская* (75 %), *роковая* (78 %), *семейное* (81 %); деятельностные — *помогает* (74 %), *губит* (75 %), *спасает* (75 %).

Данные результаты позволяют утверждать, что мужчины опираются в большей степени на личную харизму и волю, направленную на приумножение материальных ресурсов, которыми они могут воспользоваться для достижения своих результатов, женщины же используют хитрость и свою красоту для того, чтобы преуспеть в семейной и личной жизни. Это показывает вполне традиционное распределение социальных статусов и социальных ролей, закрепленных за «разрешенными» (легитимными) формами поведения мужчин и женщин в обществе.

Социальная сложность. Положительная корреляция утверждений данного блока с показателями межличностного и институционального доверия

наблюдается только у мужчин и показывает, насколько глубоко люди судят о вариативности индивидуального поведения и количестве факторов, оказывающих влияние на результаты социального поведения, насколько они осознают сложность отношений в социальном мире. Результаты исследования позволяют говорить о том, что понимание социальных отношений способствует формированию доверия к окружающим. Стоит уточнить, что доверие возникает лишь тогда, когда человек понимает природу социальных отношений и поэтому уверенно чувствует себя при взаимодействии с другими.

Отрицательная корреляция утверждений наблюдается у женщин. В большинстве своем (61 %) они не обладают высокой социальной сложностью, как бы «закрываются» от других недоверием, поскольку не чувствуют в себе возможностей глубоко понимать социальные отношения и эффективно справляться с различными социальными трудностями.

Отрицательная корреляция прослеживается и во влиянии «социальной сложности» на «силу» и «положительную» оценку гражданской идентичности и у мужчин и у женщин. Парадоксально, но при разных предпосылках результат и у мужчин и у женщин одинаков. Мужчины, понимая всю сложность социальных отношений, не воспринимают гражданскую идентичность как опору. Вероятно, это связано с отсутствием поддержки со стороны власти (идеология, пропаганда, патриотическое воспитание). Женщины, не особо включаясь в понимание социальных процессов, настороженно воспринимают гражданскую идентичность, т. к. не видят положительных моментов в ее реализации. По телевидению показываются ролики, фильмы, шоу, способствующие нивелированию ценностей гражданской идентичности, не формирующие патриотических чувств. Как образцы для подражания предлагаются западные ценности массовой культуры. Сложность социального пространства заменяется игрой с придуманными идеалами.

Многие социальные институты защищают россиян, но не принимаются ими из-за «взяток», «неквалифицированности», «коррупции» и др. Причем мужчины выбирают экономико-политические институты (71,2 %), а женщины — социально-культурные (69,5 %). Это вполне соотносится с традиционной гендерной дифференциацией общества (до сих пор в общественном сознании удел мужчины — политика и экономика, а женщины — семья и кухня).

Транссимволический анализ эти тенденции также подтверждает. Для мужчин когнитивные символы выражены следующим образом: *разруха* (77 %), *взятки* (76 %), *коррупция* (75 %); аффективные — *полная* (76 %), *чиновничьи* (73 %), *социальная* (70 %); деятельностные — *уничтожает* (74 %), *нивелируют* (74 %), *разрушает* (70 %). Для женщин когнитивные символы выражены так: *ценности* (75 %), *культура* (73 %), *мораль* (70 %); аффективные — *моральные* (74 %), *общественная* (72 %), *народная* (69 %); деятельностные — *рушатся* (72 %), *уничтожается* (70 %), *забывается* (68 %).

В совокупности эти процессы, характерные и для мужчин, и для женщин, уменьшают возможности и перспективы консолидации страны. Когда общество теряет опору в виде идентичности, утрачивается ключевой момент связи социальных институтов, власти и народа. Эти выводы подтверждает отрицательная корреляция как у мужчин, так и у женщин с уровнем толерантности общества.

Награда за усилия. Этот блок утверждений имеет две тенденции анализа. С одной стороны, наблюдается отрицательная корреляция у мужчин и положительная у женщин с уровнем доверия (как институциональным, так и межличностным). Это говорит о том, что мужчины (79 %) в большей степени надеются на себя, что за все усилия будет получено социальное вознаграждение (карьера, финансовая стабильность и прочие материальные блага). Иными словами, мужчины больше ориентированы на достижения. А данная ориентация в чистом виде — это противопоставление себя социуму. Это противопоставление может способствовать недоверию.

Женщины надеются и опираются на круг своих близких или друзей. Успех и признание возможны тогда, когда у тебя есть связи. Женщины (67 %) ориентированы на сохранение положения, выстраивание коммуникаций, но не на прорыв и не на достижение карьерных задач, личного финансового успеха и др.

Транссимволический анализ показывает схожую картину. Для мужчин когнитивные символы выражены следующим образом: *карьера (74 %), положение (72 %), финансы (71 %)*; аффективные — *быстрая (73 %), социальное (71 %), стабильные (68 %)*; деятельностные — *закрепляет (72 %), стабилизирует (68 %), усиливают (67 %)*. Для женщин когнитивные символы выражены так: *связи (71 %), знакомства (67 %), общительность (65 %)*; аффективные — *семейные (69 %), личные (65 %), личная (64 %)*; деятельностные — *помогают (65 %), усиливают (63 %), поддерживает (62 %)*.

Таким образом, можно утверждать, что социокультурные измерения (ценности, нормы, ожидания и оценки) связаны с различными компонентами социального капитала (институциональное и межличностное доверие и гражданская идентичность). Толерантность достаточно слабо связана с усилением или развитием социального капитала.

Межличностное и институциональное доверие отрицательно связано с показателями гражданской идентичности (сила и позитивность), хотя раньше данная связь была положительной. В результате мы сталкиваемся с социокультурным парадоксом: те ценности, которые позитивно связаны с доверием, имеют отрицательную связь с гражданской идентичностью, и наоборот.

Исследование показало, что у мужчин с показателем «доверие» положительно связаны такие социальные утверждения, как социальный цинизм и социальная сложность, у женщин эта связь отрицательная.

Следовательно, социальный капитал трансформируется в обществе. Изменения касаются прежде всего социального самочувствия и качества жизни мужчин и женщин. В целом они сводятся к утрате доверия населения к различным социальным институтам. По мнению П. Штомпки, к спаду доверия люди приспосабливаются разными способами: 1) через безропотное принятие ситуации и веру в судьбу, Бога или Вселенную; 2) различные формы коррупции (взяточничество, фаворитизм, семейственность); 3) избегание активных форм общественной жизни и концентрацию внимания на близком круге друзей, семье и т. д. [25]. Ф. Фукуяма акцентирует внимание на иных аспектах адаптации к ситуации утраты доверия к социальным институтам и личным отношениям (возлагание больших надежд на государство, нежелание участвовать в общественной жизни страны и др.) [9]. Результатом этого становится разрушение

межличностных отношений внутри различных социальных групп, добровольных объединений, формирующих гражданское общество. Именно эти процессы мы и наблюдаем в России. Вышеприведенные институты, призванные защищать интересы граждан, в сознании россиян обесценены и нивелированы.

Социальный капитал — это продукт социокультурного взаимодействия народа на протяжении многих десятков, а то и сотен лет, его изменение — процесс трудоемкий и длительный. Причем в нынешней Российской Федерации главенствуют идеи демократии, но на глубинном уровне сильны нормы и ориентиры, сформированные в тоталитарном обществе. Поэтому сегодня ученые констатируют у населения тягу к «сильному лидеру», социальная справедливость связана с «сильной властью», «с социальным порядком и национальными интересами» [8] и т. д. Чтобы увеличить социальный капитал людей, необходимы новые условия и формы развития гражданского общества, строящегося не просто как калька западных приоритетов, а с учетом национальных, религиозных и гендерных особенностей той страны, в которых оно создается.

Библиографический список

1. Борчунова Т. Социальный капитал и социальное расслоение в современной России / под ред. Дж. Твигг, К. Шектер. М. : Альпина Паблишер, 2003. С. 162—191.
2. Женщины в России более религиозны, чем мужчины, а меньше всего верующих среди силовиков // Новости.com. URL: <http://www.newsru.com/arch/religy/11mar2008/levada.html> (дата обращения: 30.07.2012).
3. Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб. : ЦНСИ, 1996. С. 5—13.
4. Кармадонов О. А. «Символ» в эмпирических исследованиях: опыт зарубежных социологов // Социол. исслед. 2004. № 6. С. 130—138.
5. Коллинз Р. Введение в неочевидную социологию // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск : ПроPILEI, 2000. С. 114—141.
6. Обзор мировых ценностей : опросник. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/index_surveys/ (дата обращения: 29.07.2012).
7. Полюшкевич О. А. Идеалы и идолы свободы // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4. С. 232—242.
8. Стабильность и перемены в России // ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d072121> (дата обращения: 30.08.2011).
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ : Ермак, 2004. 730 с.
10. Хубер Дж. Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск : ПроPILEI, 2000. С. 77—99.
11. Avril C., Cartier M., Serre D. Enquête sur le travail : concepts, méthodes, récits, la découverte // Grands Repères. Paris, 2010. 326 p.
12. Bosc S. Stratification et classes sociales. Paris : Armand Colin, 2008. 217 p.
13. Bourdieu P. Forms of social capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. New York : Greenwood Press, 1983. 248 p.
14. Colemann J. S. Social capital in the creation of human capital // The American J. of Sociology. 1988. Vol. 94. Suppl. P. 95—120.

15. Combining social axioms with values in predicting social behaviors / M. H. Bond, K. Leung, A. Au, K. K. Tong, Z. Chemonges-Nielson // *European J. of Personality*. 2004. Vol. 18, № 3. P. 177—191.
16. *Fidrmuc J., Gërxhani K.* Mind the gap! Social capital, East and West // *J. of Comparative Economics*. 2008. Vol. 36 (2). P. 264—286.
17. *Field J.* *Social Capital*. London : Routledge, 2003. 244 p.
18. *Introduction aux Gender Studies : manuel des études sur le genre / L. Bereni, S. Chauvin, A. Jaunait, A. Revillard.* Bruxelles : De Boeck, 2008. 288 p.
19. *Lin N.* Social network and status attainment // *Annual Rev. of Sociology*. 1999. Vol. 25. P. 467—487.
20. *Mann M.* A crisis in stratification theory? Persons / Households / Families / Lineages, Genders, Classes and Nations // *Gender and Stratification / ed. by R. Crompton, M. Mann.* New-York : Polity Press, 1986. P. 40—57.
21. *Munch A., McPherson J. M., Smith-Lovin L.* Gender, children and social contact: the effects of childbearing for men and women // *American Sociological*. 1997. Rev. P. 509—520.
22. *Putnam R. D.* *Bowling Alone : the Collapse and Revival of American Community*. New York, London, Toronto, Sydney, Singapore : Simon and Schuster, 2000. 367 p.
23. *Sharma U.* *Women, Work and Property in North West India*. London : Tavistock, 1986. 120 p.
24. *Social Capital and the Welfare of Immigrant Women : a Multi-Level Study of Four Ethnic Communities in Windsor / U. Anucha, N. S. Dlamini, M. Chung-Yan, L. Smylie.* London : Routledge, 2006. 131 p.
25. *Sztompka P.* *Trust*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 120 p.
26. *Trosbi D.* Cultural capital // *J. of Cultural Economics*. 1999. № 23. P. 3—12.
27. *Westlund H., Calidoni F.* The creative class, social capital and regional development in Japan // *Rev. of Urban and Regional Development Studies*. 2010. Vol. 22, iss. 2/3. P. 89—108.

ЖЕНЩИНЫ И СМИ

ББК 76.123(2)5+60.542.21

С. В. Крадецкая

«ЖЕНСКИЙ ВЕСТНИК» (1904—1917). ОПЫТ ИЗДАНИЯ ФЕМИНИСТСКОГО ЖУРНАЛА В РОССИИ

«Пока в руках женщин нет газеты или журнала, которыми они могут руководить самостоятельно и независимо от мужчин, они не могут сказать всего того, что хотели бы сказать относительно самих себя, а тем более относительно мужчин» [21, с. 18] — с такого решительного заявления в 1904 г. началось издание журнала «Женский вестник». В первом же номере его редакция во главе с М. И. Покровской объяснила читателям, и прежде всего читательницам, необходимость издания, казалось бы, очередного женского журнала в России. «В России нет журнала, который занимался бы исключительно обсуждением женского вопроса», — говорилось в обращении редакции. — А между тем последний, несомненно, существует у нас, как и в других государствах. Русские женщины настойчиво стремятся расширить свое образование, завоевать новые сферы труда. Они начинают тяготиться своим подчиненным положением, своею неравноправностью с мужчинами. Они желают принимать деятельное участие в практическом решении общественных вопросов. Но у них нет журнала, который служил бы выразителем всего этого» [10, с. 1].

В приведенных программных заявлениях отчетливо прослеживается стремление отмежеваться от традиционных женских журналов, занять свою специфическую нишу не только на издательском рынке, но и в сфере общественно-политической мысли и общественно-политических движений. Новое издание ориентировалось на принципиально иных читательниц и ставило перед собой другие цели, нежели традиционные журналы для женщин. По крайней мере, такова была позиция редакторского и авторского коллективов, и анализ дискурса самого журнала, а также история развития женской периодической печати в целом подтверждают это.

Вплоть до 1917 г. этот сегмент издательского рынка неизменно увеличивался, привлекал к себе внимание крупнейших издателей [9, с. 108—109]. Разумеется, женские, или дамские, журналы обладали своей спецификой. Их единственной целевой аудиторией были женщины, а главной задачей — представить идеальную женщину в ее повседневной жизни. При этом большинство женских журналов на протяжении всего XIX в. и в начале XX в. пропагандировали традиционные ценности патриархального общества.

В соответствии с традиционными представлениями о роли женщины в семье и обществе, в этих периодических изданиях освещался довольно узкий круг тем, очерчивающих границы частной сферы, которая признавалась единственно возможным полем деятельности для женщин. Основу всех материалов составляли две магистральные темы: домашнее хозяйство со всеми его составляющими (приготовление пищи, уборка, шитье и разнообразные рукоделия) и забота о муже и детях.

Не менее важной темой для подобных периодических изданий была мода, тесно связанная с рукоделием и шитьем. Характерно, что даже выражение «модный журнал» («журнал мод») всегда считалось синонимом «дамского журнала». С самого своего возникновения модные журналы позиционировали себя именно как издания для женщин [19, с. 131].

Яркими примерами традиционных женских журналов являлись «Журнал для милых» (М., 1804), «Дамский журнал» (М., 1823—1833), «Ваза» (СПб., 1831—1884), «Лучи» (СПб., 1850—1860), «Женский труд» (СПб., 1881—1883) и др. На их страницах формировалась официальная концепция женщины, характерная для гендерно-асимметричного общества. Несмотря на, казалось бы, разнообразие сюжетов, тем и ролей, которые предлагались женщинам — светская дама, жена и мать, домашняя хозяйка, все они, по сути, являлись различными гранями одного образа «домашней» женщины и полностью соответствовали так называемой домашней идеологии.

Согласно этой идеологии, единственным полем для самовыражения женщины признавался дом, только в нем могла она проявить все свои природные качества и способности и только там могла самореализоваться. Домашние хлопоты считались едва ли не квинтэссенцией женского существования, высшей точкой женского развития, а качество их исполнения напрямую свидетельствовало о том, насколько хозяйка была близка к идеалу. Так, один из авторов журнала «Ваза» рассуждал о мытье полов как о показателе технического мастерства женщины и одновременно как о несомненном признаке ее душевной гармонии: «А между тем, что может быть приятнее хорошо натертого пола, который придает комнатам опрятный, веселый вид, увеличивает ваш комфорт, душевное спокойствие, можно сказать — говорит о вашем довольстве и счастии» [5, с. 9]. Таким образом, дамские журналы «формировали идеал беспроblemной женщины — жены, матери, хозяйки» [25, с. 119].

О том, что женщины могут и должны интересоваться событиями, происходящими за пределами дома и семьи, на страницах женских журналов заговорили в середине XIX в. Представления о женщине и о ее роли в семье, обществе и государстве расширились, и произошло это благодаря возникновению в 1860-х гг. так называемого женского вопроса. В это время вопрос о предназначении женщины широко обсуждался на страницах изданий общего характера, и совершенно естественно дискуссии были перенесены в специальные женские журналы. Инициатива здесь, как и в традиционных дамских журналах, принадлежала по-прежнему мужчинам. Именно под их руководством и по их инициативе начали выходить первые издания, принципиально отличавшиеся от вышеописанных традиционных журналов.

К примеру, редакция журнала «Ласточка», выходившего в Петербурге в 1859—1860 гг., уверенно заявляла, что «смотрит на женщину не как на ребенка или куклу, для которой достаточно одних тряпок, нарядов и пустых модных игрушек» [8]. Эта позиция подкреплялась многочисленными статьями, посвященными воспитанию и образованию женщин, их общественной деятельности и государственному признанию статуса женщины в публичной сфере.

Более решительно эти тенденции были выражены в таких изданиях, как «Рассвет» (СПб., 1859—1862) и «Женский вестник» (СПб., 1866—1868). В этих журналах, появившихся под влиянием широких дискуссий вокруг женского вопроса, были подняты принципиально новые темы, не характерные для традиционных периодических изданий, прежде всего — образование и труд. Именно к этому, по замыслу авторов, и должна была стремиться каждая женщина.

Тенденции, заложенные во второй половине XIX в., получили свое развитие в начале следующего столетия, когда в России появились новые феминистские издания. Их редакторы, издательницы и авторы во многом основывались на опыте своих предшественников, работавших в пореформенную эпоху. Наиболее ярким примером феминистского периодического издания в этот период являлся «Женский вестник» (СПб., 1904—1917). По мнению ряда исследователей, он имел значительное влияние, его статьи цитировались в различных женских периодических изданиях, он был источником информации для многих журналов, при этом не всегда феминистских [22, с. 364]. О значении издания говорит и тот факт, что оно являлось своеобразным долгожителем среди других журналов: 13 лет — это большой срок [17]. К примеру, журнал «Союз женщин» выходил всего 2,5 года.

«Женский вестник» начал издаваться врачом и общественной деятельницей М. И. Покровской в сентябре 1904 г., хотя разрешение на его издание было получено еще в 1902 г. [18, л. 1]. Неизвестно, что так задержало выход первого номера журнала. С определенной долей вероятности можно предположить, что на первом месте здесь стояли финансовые затруднения.

Неизвестен и тираж издания. В фонде Петербургского цензурного комитета в РГИА содержатся лишь косвенные свидетельства по данному вопросу. Это прошение из типографии П. П. Сойкина в Петербургский цензурный комитет с просьбой «дозволить набирать журнал под заглавием <...> “Женский вестник” <...> в колич. 3000 экз.» [18, л. 4]. Однако никаких подтверждений этой цифры обнаружить не удалось. Можно лишь предположить, что тираж «Женского вестника» вряд ли превышал тираж еще одного феминистского издания — «Союз женщин», составлявший 1000 экземпляров [24, с. 2].

Определить данный журнал как феминистский позволяет позиция и деятельность его редакторского и авторского коллективов, состоявших из активных участниц и лидеров разнообразных феминистских организаций, которые на практике старались реализовывать пропагандируемые со страниц журнала идеи. Здесь не просто ставились вопросы просветительства и благотворительности или констатировалось наличие несправедливости в отношении женщин, но эти факты интерпретировались в терминах гендерной дискриминации [25, с. 250].

При сравнении этого издания с традиционными дамскими журналами бросаются в глаза несколько принципиально важных отличий в характере

публикуемых материалов и в оформлении. Прежде всего, это полное отсутствие таких рубрик, как домоводство, рукоделия и моды. Это, безусловно, объяснялось позицией редакции журнала, которая сознательно не публиковала подобные материалы, характерные для патриархального взгляда на женщину как на жену, мать и домохозяйку. В статье, посвященной десятилетию существования «Женского вестника», редакция заметила, что, приступая к его изданию, было решено не публиковать «никаких приманок в виде мод, рукоделий, кухни и т. п.» [4, с. 169].

Обращает на себя внимание и отсутствие иллюстраций и яркого, традиционного для женских журналов оформления. Это объяснялось не только финансовыми трудностями, но и сознательной позицией редакции. Во-первых, яркие картинки прочно ассоциировались с традиционными женскими журналами, а во-вторых, ничто не должно было отвлекать читательниц от содержания публикуемых статей. «Журнал начал издаваться во имя идеи. Его идея, по убеждению редактора, должна была быть главной приманкой для женщин», — писали в «Женском вестнике» [там же].

Также не случайно и практически полное отсутствие рекламы. Этот факт представляется еще одним доказательством того, что издание было именно идейным, феминистским и пропаганда идей стояла для него на первом месте. Редакция сознательно отказалась от подхода к женщине-читательнице как к потребительнице, тем самым подчеркивая, что журнал не являлся коммерческим предприятием, которое собирается что-либо продавать. У редакции была другая цель — показать женщине, какими путями она может идти в своей новой жизни. Традиционная реклама могла только помешать восприятию читательницами тех смыслов, которые вкладывали авторы и редактор в свою работу.

С другой стороны, отсутствие рекламы может рассматриваться как свидетельство маргинального положения издания в структуре женской периодики. Поскольку «Женский вестник» не подходил под традиционное определение женского журнала, то в нем трудно было что-то продать. Рекламодатели просто не рассматривали феминистский журнал как возможную площадку для своей деятельности, а его читательниц — как потребительниц своей продукции.

В целом историю издания «Женского вестника» можно назвать типичной для феминистской периодической печати в России начала XX в. Редакция испытывала все возможные трудности, с которыми сталкивались представительницы феминистского движения, решившиеся издавать журнал. Прежде всего это финансовые проблемы, которые являлись основной причиной недолговечности подобных изданий и были связаны с непопулярностью журналов у читающей публики и их своеобразным маргинальным положением в системе российской печати. Средства на журнал собирались по подписке. Однако анализ статей М. И. Покровской, редактора и издателя журнала, посвященных его истории, позволяет сделать вывод о том, что данный способ распространения не приносил больших доходов и выпускать журнал ей приходилось практически за свой счет.

В одном из номеров журнала за 1909 г. М. И. Покровская изложила краткую историю своего печатного органа. В самом начале редакция пыталась найти «лицо, готовое затратить на женский журнал достаточную сумму денег, или создать товарищество для его издания» [14, с. 164]. Однако оба этих наме-

рения не увенчались успехом и решено было собирать средства на издание журнала по подписке, «в надежде, что женщины поддержат <...> начинание и журнал можно будет расширить и улучшить» [14, с. 165].

Но и эти надежды не оправдались. Журнал никогда не имел достаточного количества подписчиков, что неминуемо приводило к финансовым трудностям. Чтобы как-то поправить финансовое положение своего предприятия, М. И. Покровская неоднократно обращалась к читателям, ко всем, возмущающимся «бесправием и унижением женщин», ко всем, «стремящимся к свободе и равенству» и «мечтающим о прогрессе и совершенствовании человечества», с единственной просьбой — поспособствовать более широкому распространению «Женского вестника» [7, с. 244].

Однако, несмотря на все попытки добиться большей популярности журнала, тираж из года в год не расходился полностью. Об этом свидетельствуют объявления, печатавшиеся практически в каждом номере, где содержится информация о том, что в распоряжении редакции имеются нераскупленные номера за предыдущие годы, которые можно было приобрести по сниженной цене.

Тот факт, что при подобных тяжелых материальных условиях журнал все равно продолжал выходить ежемесячно на протяжении 13 лет, говорит о высоком уровне сознания людей, которые работали над каждым номером, об их стремлении трудиться за «женскую идею» несмотря ни на что. М. И. Покровская писала: «Не один раз я готова была прекратить издание “Женского вестника”, но меня удерживала мысль, что тогда у нас не будет ни одного органа в защиту женских прав» [14, с. 165]. Это восприятие себя как фактически единственного борца за освобождение женщин, а своего печатного издания как главного рупора феминистских идей говорит об осознании и принятии на себя ответственности за судьбу российских женщин.

Другой общей чертой для всех подобных печатных органов является наличие яркого лидера, чья позиция определяет общую тональность журнала. Это было характерно и для «Женского вестника». Именно М. И. Покровская, основательница и председатель Женской прогрессивной партии, врач и общественный деятель, была идейной вдохновительницей журнала и его постоянным автором. Практически все передовые статьи выходили за ее подписью. Соответственно критическая позиция журнала по отношению к происходящим в стране и мире событиям была прежде всего позицией самой Покровской [25, с. 250].

Покровскую считают «одной из ярчайших фигур российского феминизма» [25, с. 304]. Историю ее «жизни и борьбы» можно назвать классической для российской феминистки начала XX в. Она была одной из первых женщин, окончивших Женские врачебные курсы в Петербурге. Полученная профессия сыграла решающую роль в ее жизни, что неоднократно подчеркивала сама Покровская. Во многих ее произведениях фамилия автора предшествует важная, с точки зрения самоидентификации, категория «*женщина-врач*». Подчеркивая профессиональную принадлежность, она утверждала свое право говорить о самом широком круге проблем с универсальной, равной мужской и общественно признанной позиции профессионала.

Уже в начале профессиональной деятельности М. И. Покровская на собственном примере почувствовала гендерные предрассудки по отношению к женщине вообще и к интеллигентной работающей женщине в частности. Впоследствии именно с этим Покровская боролась уже как лидер феминистской организации. Женщины получали высшее образование, профессию, даже имели некоторые права на труд, на профессиональную самореализацию, однако при этом были отчуждены и от профессиональных корпораций, и от общества в целом. Они были лишены жизненных ориентиров, и при всем желании им было трудно идентифицировать себя с каким-либо социальным образованием, какой-либо организацией. В подобной ситуации представляется естественным тот факт, что Покровская пришла к выводу о необходимости сформулировать и озвучить ориентиры, которые могли бы направить и отрегулировать жизнь женщин. Это было одной из задач «Женского вестника»: помочь женщинам сориентироваться в стремительно меняющемся мире. Им предлагались способы, образцы, модели поведения и новые формы социального участия.

Итак, к изданию журнала Покровская приступила уже убежденной феминисткой. В соответствии с позицией редакции и авторского коллектива с самого начала «Женский вестник» позиционировал себя как специфический журнал, посвященный исключительно женским вопросам. Разумеется, понимание его авторами определения «женский» отличалось от традиционно принятого в то время. На страницах «Женского вестника» не было места модам, рецептам и традиционным советам молодым хозяйкам по ведению дома, другими словами — всему тому, что традиционно считалось единственной сферой интересов женщин и соответственно составляло основное содержание всех дамских журналов. Покровская задала своему изданию принципиально иное направление. Ее главной целью было пробуждение самосознания женщин путем осознания ими факта их полного равенства с мужчинами.

Таким образом, «Женский вестник» ставил перед собой довольно обширную задачу борьбы с вековыми гендерными предрассудками и традициями, укоренившимися в русском обществе. Именно в рамках этой задачи и для ее достижения в журнале ставились такие цели, как борьба за право женщин на высшее образование, на профессиональную самореализацию и др.

Сами феминистки — авторы статей в журнале «Женский вестник» — часто воплощали в себе различные стороны того идеального образа свободной женщины, который пропагандировался ими со страниц журнала. По выражению Н. Л. Пушкаревой, они «олицетворяли различные стороны становления женского самосознания» [17, с. 53] и могли служить, наряду со своими иностранными коллегами, примером для подражания для своих читательниц. Большинство авторов, подобно самой Покровской, принадлежали в основном к средним городским слоям. Это были образованные женщины, обладательницы «интеллигентных» профессий: врачи, учительницы, переводчицы, писательницы и т. д. Уже одной своей деятельностью в журнале на благо россиянок они подавали всем женщинам пример активной и самостоятельной жизни. Среди авторов были как известные активистки и лидеры феминистского движения, признанные пионерки женского протеста (А. Н. Шабанова, А. П. Философова,

А. А. Кальманович), так и рядовые участницы движения, часто даже не подписывавшие своих статей или выступавшие под псевдонимом. Журнал представлял им своеобразную площадку для самовыражения и возможность публично высказаться по волнующим их вопросам.

Внутренняя структура журнала была четко продумана и строго организована, исходя из тех задач и целей, которые ставила перед собой редакция. Сразу же стоит отметить, что все статьи так или иначе имели отношение к положению женщин в России и за рубежом и их авторы предлагали ответы на вопросы, связанные с этой проблемой.

Во внутренней структуре журнала важное место занимал блок статей, посвященных политико-правовым аспектам жизни женщин. Здесь печатались многочисленные законопроекты, касающиеся женщин, отрывки стенограмм заседаний Государственной думы, где эти законопроекты обсуждались, и др. [16].

Вписывать отечественное женское движение в международный контекст помогали иностранная хроника, посвященная достижениям зарубежных феминисток и истории их борьбы за свои права (при этом особенной популярностью пользовались материалы об английском женском движении); переводные статьи, речи, выступления известных зарубежных феминисток; истории жизни знаменитых иностранок, добившихся высот на избранном ими поприще и могущих послужить вдохновляющим примером для российских женщин [2, 3, 20].

Помимо простой информационной функции, эти статьи демонстрировали российским читательницам образцы нового женского поведения. На примере историй жизни общественных деятельниц, женщин-ученых, депутаток, добившихся общественного признания, можно было узнать, где и при каких обстоятельствах они получали заслуженные награды, ученые степени, т. е. на практике реализовывали то, к чему «Женский вестник» еще только призывал российских женщин. Статьи, посвященные различным зарубежным женским организациям, показывали, что российские женщины не одиноки в своей борьбе, что практически во всех странах мира их сестры ведут такую же деятельность, более или менее успешную.

Установлению прочной связи между читательницами и редакцией, обмену мнениями способствовали такие рубрики, как «Отдел для читательниц», «Вопросы и ответы редакции». Они должны были способствовать саморефлексии женщин, их самоопределению и самоидентификации. В этих разделах читательницам задавали вопросы на актуальные темы или же печатали ответы на ранее заданные вопросы. Редакция всегда настоятельно просила присылать ответы и впоследствии их обязательно публиковали, а затем подводили итоги проведенным опросам.

Подобные опросы были весьма действенны, они выстраивали непосредственное общение редакции с ее читательской аудиторией. С их помощью в «Женском вестнике» узнавали, с одной стороны, мнение своих читательниц, а с другой — проверяли, насколько укоренялась среди интеллигентных женщин позиция, проповедуемая журналом. Ведь по всем этим вопросам — и о равноправии женщины в обществе, и об экономической независимости — в журнале постоянно печаталось множество статей. Судя по итогам опросов, агитация была успешной.

Стоит упомянуть также о разделе «Библиография», в котором печатался обзор новейшей литературы по женскому вопросу. Часто после комментариев по поводу пользы той или иной книги с точки зрения женского движения следовала развернутая теоретическая статья о положении женщин [6]. Не редкостью были также и специальные тематические списки [1]. Ознакомившись с работами, включенными в них, женщины могли теоретически подготовиться к каким-либо публичным акциям феминисток либо изучить отдельную проблему более подробно.

Интересно, что в некоторых случаях подобные библиографические списки составлялись по просьбам самих читательниц, которые хотели «систематически познакомиться с женским вопросом и движением в России и за границей» и для этого просили «сообщить им известные сочинения по данному вопросу» [11, с. 256]. Этот факт чрезвычайно важен, т. к. свидетельствует об определенной востребованности феминистского дискурса, хотя бы и среди небольшой части женского населения. Феминистские журналы в целом и «Женский вестник» в частности были именно тем источником, к которому обращались в поисках ответов прогрессивные женщины того времени.

Здесь стоит сказать несколько слов о той целевой аудитории, на которую ориентировались авторы и редакция «Женского вестника». У авторского коллектива определенно были представления о том, кто читает или кто мог бы читать их журнал. Прежде всего они работали для образованных женщин, обладательниц «интеллигентных» профессий: учительниц, врачей, фармацевтов, женщин-ученых, женщин, служащих в государственных учреждениях, и т. д. Неоднократно со страниц журнала говорилось о том, что именно такие женщины в первую очередь могут понять и принять пропагандируемые им взгляды.

Представительницы целевой аудитории «Женского вестника» — образованные, трудящиеся женщины — часто становились героинями разнообразных художественных произведений, которые составляли особый раздел журнала. Чаще всего это были небольшие рассказы, эссе, очерки, реже стихотворения. Формы подобных произведений были самыми разными — от полумифологических легенд до реалистических зарисовок. Но объединяло их одно: подтекст и смысл. Во всех рассказывалось о тяжелой судьбе и жизни женщины (обычно — российской) и о том, как она решается на борьбу за свое достоинство и счастье [13].

Стоит отметить, что авторами выступали не только и даже не столько профессиональные писательницы и поэтессы, но активистки и лидеры движения, занимавшиеся литературным творчеством прежде всего для пропаганды своих взглядов. Одна из отечественных исследовательниц отметила, что авторы этих произведений относились к своим работам как к своеобразным посредникам «между “новыми женщинами”, “женщинами с претензиями” и обществом» [25, с. 266]. И действительно, благодаря непритязательному языку и темам, близким и знакомым каждой женщине, эти произведения могли восприниматься широкой читательской аудиторией лучше, чем откровенно пропагандистские статьи. И если о художественных достоинствах подобных произведений можно спорить, то содержащийся в них пропагандистский заряд очевиден. Сами феминистки отмечали, что хотя отдельные стихотворения, рассказы или

эссе и не могут «претендовать на поэтичность», однако в них, безусловно, *«звучат гражданские мотивы»* (курсив наш. — С. К.) [23, с. 112].

Таким образом, идея об издании в России принципиально нового журнала для женщин была осуществлена. Вышедший в течение 13 лет «Женский вестник» не был традиционным дамским периодическим изданием, посвященным модам, домашнему хозяйству и воспитанию детей, но, как было заявлено в его первом номере, целиком фокусировался на женском вопросе. При этом журнал не просто предоставлял читательницам информацию о развитии женского движения и об изменении положения женщин в семье, обществе и государстве, но и сам был частью происходивших изменений, во многом инициировал их. Женщинам предоставлялась трибуна для размышлений и высказываний по самому широкому кругу вопросов, что само по себе было необычно и приносило свои плоды. Судя по письмам читательниц, присланным не только из крупных городов, но и из провинции, женщины находили в журнале своеобразную опору, ролевые модели, которым они могли следовать в своей общественной и культурной деятельности [12]. Этих писем было немного, да и число «новых» женщин было невелико, однако уже сам факт их существования говорит о многом.

С другой стороны, опыт издания подобного периодического органа в России оказался скорее негативным, в особенности для его авторов и редактора-издателя. Несмотря на то что во внутренней структуре феминистского движения «Женский вестник» занимал важное место, аудитория феминистского журнала была незначительна, что создавало не только финансовые трудности, но и неблагоприятный социально-психологический климат, постоянно порождавший у авторов и издательницы чувство моральной неудовлетворенности, нереализованности, ощущение социального и психологического вакуума. Даже беглый просмотр годовых подшивок красноречиво свидетельствует о крайне слабой поддержке издания со стороны общественности. С каждым годом журнал становился все тоньше, а призывы М. И. Покровской присылать корреспонденции и статьи все отчаяннее. С каждым номером и редактор-издатель, и авторы все больше убеждались в том, как мало еще было женщин, готовых к восприятию новых ценностей, пропагандируемых журналом. Как признавалась сама Покровская, женщинам, борющимся за равноправие, «приходится напрягать все свои силы и на каждом шагу убеждаться, что для необходимой работы нет ни людей, ни средств, что они играют роль актеров, которых зрители не одобряют даже аплодисментами» [15, с. 91].

Однако и редактор-издатель, и основные авторы журнала готовы были продолжать начатое дело, несмотря на все трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Они сознавали свою ответственность перед всеми российскими женщинами и стремились работать ради их блага. Именно феминистские убеждения и вера в социальное будущее феминизма являлись для редактора и авторов «Женского вестника» фактически единственной поддержкой в их нелегком деле. Они верили, что однажды услышат долгожданные аплодисменты своей работе.

Библиографический список

1. Библиография // Женский вестник. 1908. № 1.
2. Борьба английских женщин за право голоса // Женский вестник. 1908. № 5.

3. Борьба за политические права в Англии // Женский вестник. 1907. № 3.
4. Десять лет // Женский вестник. 1914. № 9.
5. Домашнее хозяйство // Ваза. 1856. № 1.
6. *Дубовская П.* Библиография // Женский вестник. 1906. № 1.
7. К сочувствующим равноправию женщин // Женский вестник. 1911. № 11.
8. Литературное объяснение по нелитературному делу // Ласточка. 1859. № 1. [Б. стр.].
9. *Махонина С. Я.* Русская дореволюционная печать (1905—1914). М. : Изд-во МГУ, 1991. 208 с.
10. От редакции // Женский вестник. 1904. № 1.
11. Ответы редакции // Женский вестник. 1905. № 8.
12. Письмо в редакцию // Женский вестник. 1907. № 2.
13. *Покровская М. И.* День итога // Женский вестник. 1906. № 7/8.
14. *Покровская М. И.* Провинция откликнулась // Женский вестник. 1909. № 9.
15. *Покровская М. И.* Столица и провинция // Женский вестник. 1909. № 4.
16. Правовое положение русских женщин // Женский вестник. 1904. № 2/4.
17. *Пушкарёва Н. Л.* «Дерзкие и беспокойные» : («женская история» России, 1801—1905: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52—66.
18. РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Д. 124.
19. *Руан К.* Новое платье империи : история российской модной индустрии, 1700—1917. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 412 с.
20. *Фукс Е. В.* Матильда Серао // Женский вестник. 1907. № 4.
21. *Х.* Женщины-журналистки за границей // Женский вестник. 1904. № 1.
22. *Харрис Дж. Г.* Русские дореволюционные женские журналы начала XX века // Гендер: язык, культура, коммуникация, М. : МГЛУ, 2001. С. 361—368.
23. *Хлебникова А.* К вопросу о «повальном безумии» — женских модах // Женский вестник. 1914. № 4.
24. *Чехова М.* К читателям журнала «Союз женщин» // Союз женщин. 1909. № 12.
25. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 539 с.

ББК 76.12+60.542.21

В. В. Смеюха

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛАХ: ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

Чтение является одним из основных факторов, оказывающих влияние на социально-культурные, коммуникативные, ментальные характеристики аудитории. На современном этапе происходит ослабление читательского интереса к художественной литературе; по данным опроса, проведенного в 2010 г. «Левада-центром», приблизительно 62 % россиян не читают книг [28]. Однако в стране сохраняется интерес к чтению печатной прессы, предпочтение отдается изданиям развлекательного, рекламно-информационного, практического ха-

рактера. В начале нынешнего века наиболее популярными типами прессы стали сборники кроссвордов и сканвордов, издания для женщин, ежедневные газеты, рекламно-справочные издания, издания о здоровье, семье и др. В докладе «Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития» (2010 г.) Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям была отмечена тенденция, характеризующая состояние сферы СМИ постсоветского периода: «Последняя треть XX — начало XXI века отличались торжеством идеологии “нового” потребления, сделавшей массово востребованными второстепенные вещи и ценности с точки зрения насущных потребностей человека. Например, элементы стиля. Официальной идеологией данной культуры стал гламур, а глянцевого журналы Life Style — ее библией, мессией и проводником одновременно» [17, с. 38].

Система отечественных женских журналов объединяет типы изданий, адресованных женской аудитории и реализующих спектр функций, направленных на поддержание гендерной идентичности читательской среды, удовлетворение ее информационных потребностей. Женская пресса — один из популярных типов периодики, она интегрирует в себе тематические элементы, привлекающие информационное внимание широкого аудиторного сегмента. Массовый женский журнал оказывает влияние на имидж читательской аудитории, модели ее поведения, мышление, вербальные характеристики. Развитие женской прессы в условиях изменения социоэкономической системы мира [13] и информационной глобализации ведет к широкому использованию в ней иноязычной лексики. Целью данной статьи является описание тенденций языкового заимствования в сфере отечественных женских журналов, определение тематических зон использования иноязычной лексики, причин включения в модель массового женского журнала значительного количества иностранных слов, представление последствий этого явления.

На современном этапе женская пресса выступает объектом многочисленных исследований [21]. О влиянии чтения женских журналов на аудиторию писали И. В. Алферова [1], О. Ю. Пода [14, 15], Л. В. Сокольская [23], феномену воздействия современной женской прессы на читательниц посвящены работы В. М. Войченко [2], М. Ю. Гудовой [5], О. М. Сушковой [24], С. М. Черменской [26], М. А. Черняк [27], А. Г. Шилиной [29] и других. Как было отмечено выше, популярная женская пресса оказывает воздействие на ментальные, имиджевые, поведенческие, вербальные характеристики читательской группы. В последнее время внимание ученых привлекает вербальный компонент женских журналов, оказывающий непосредственное влияние на формирование языковой личности. В 2012 г. уже было защищено четыре диссертационных исследования, авторы которых рассматривают языковые особенности женских журналов [8, 9, 11, 18]. Так, Э. Р. Каюмова считает, что одной из специфических черт лексико-семантического фона как мужских, так и женских журналов является использование «иноязычных вкраплений» — иноязычной лексики, при этом автор отмечает, что «иноязычные вкрапления в мужских журналах малочастотны» [9, с. 16]. Данный тезис является абсолютно верным. Несмотря на то что вся пресса представляет собой действенный канал лексического заимствования, для женской периодики характерно наиболее частое использование иноязычных

слов, что обусловлено спецификой типологических моделей и условиями развития женских периодических изданий на современном этапе.

Формирование современного рынка отечественной женской прессы обозначилось в начале 90-х гг. прошлого столетия: стали разрабатываться модели журналов, ориентированные на читательские интересы гендерного адресата, появились русифицированные версии зарубежных женских изданий, происходило оформление основных типов женских журналов, пресса демонстрировала активное сближение с рекламной коммуникацией. В начале нового века структура отечественной женской прессы характеризуется типологической стабильностью [22], лидерами в сегменте женских изданий являются журналы издательских домов «Sanoma Independent Media», «Hearst Shkulev Media», «Бурда», «Conde Nast». Коммерциализация периодики привела к интегрированию рекламного аспекта в модель женского журнала, что повлекло за собой изменение функциональных, тематических, жанровых, оформительских особенностей изданий [20]. Тематика современного массового женского журнала тяготеет к освещению сферы потребления, в изданиях размещается значительное количество информации рекламного характера, знакомящей с рынком товаров и услуг известных зарубежных компаний, данный процесс сопровождается широким использованием иноязычной лексики, характеризующей сферы производства образцов культуры массового поведения, потребления (используются обозначения модных товаров, косметических средств, наименования торговых марок и т. д.). Модель мужского журнала характеризуется отличными от женского издания проблемно-тематическими признаками, в нем рассматриваются сферы политики, экономики, техники, что объясняет меньший объем использования иноязычной лексики.

Процесс трансформации отечественной языковой системы конца XX — начала XXI в. и использования в ней иностранной лексики отражен в научных исследованиях О. В. Высочинной [3, 4], Г. А. Заварзиной [7], Л. П. Крысина [10], М. Ю. Семеновой [19] и других, вопросу функционирования иноязычной лексики в отечественных средствах массовой информации посвящены работы О. Д. Дербеневой [6], Е. Б. Нарочной, Г. В. Шевцовой [12], Б. Ю. Ушакова [25] и других. В ходе преобразования отечественной системы СМИ, заимствования международного опыта массмедийной деятельности, освоения отечественного медиaprостранства западными издательствами степень межнациональной системной лексической ассимиляции увеличилась. Обозначенные трансформации отобразились в языковом аспекте отечественных женских журналов. Введение в них иноязычной лексики вызвано преимущественно двумя причинами. Первая связана с популяризацией русскоязычных версий западных журналов-брендов. Вместе с включением в структуру российской прессы международной периодики в отечественной языковой системе утвердились иноязычные названия периодических изданий; координирование работы изданий западными инвесторами способствует использованию в текстах русскоязычных журналов иностранной лексики. Вторая причина отражает функционально-тематические характеристики женской прессы: журналы освещают явления, непосредственно связанные с международным взаимодействием в ряде сфер, в частности в области массового культурного производства.

В языке отечественных женских журналов наблюдается функционирование нескольких групп иноязычных структурно-семантических единиц языка: лексем, оформленных средствами русского языка; лексем, употребляемых в иностранной или полуиностранной графике; новообразований, в которых иноязычная лексика используется частично. Анализ текстов женских журналов позволяет констатировать присутствие в них ряда тематических групп иноязычной лексики. Е. Б. Нарочная и Г. В. Шевцова выявляют в медиатекстах превалирование заимствований, связанных с вопросами политики, компьютерных технологий, экономики, потребления и досуга, культуры и спорта [12]. Однако проблемно-тематическая специфика женской прессы мотивирует использование лишь некоторых из обозначенных предметных категорий заимствованных лексических единиц. Так, аполитичность современной женской периодики является основной причиной того, что в ней практически не присутствуют иностранные слова, характеризующие политическую сферу. В популярном женском журнале превалируют следующие тематические поля: мода и красота, межличностные отношения, здоровье, дети, домоводство; из указанных тематических сфер не все в равной определяют частотность использования иноязычных слов. Раскрытие тем «мода и красота», «здоровье», «домоводство» сопровождается повышенным уровнем использования иностранных слов, что является следствием описания международных процессов индустрии моды, красоты, потребления.

В то же время в женской прессе фиксируется употребление лексических единиц, относящихся к области новейших информационных технологий, что на первый взгляд не соответствует тематической структуре массового женского журнала. Между тем присутствие широкого пласта иностранной лексики, обозначающей технические устройства, приспособления, электронную технику, мотивируется использованием женской аудиторной группой технических новшеств на бытовом уровне. Вследствие этого в языке женских журналов констатируется функционирование следующих иноязычных слов, относящихся к тематическому разряду «техника, новейшие электронные технологии»: *Интернет* (англ. Internet, international net — международная сеть; всемирная система объединенных компьютерных сетей), *контент* (англ. content — содержимое; наполнение сайта), *интерфейс* (англ. interface, inter — между, face — лицо; средства взаимодействия человека и техники), *роуминг* (англ. roaming — скитание; предоставление услуг сотовой связи вне зоны обслуживания действия «домашней» сети), *сайт* (англ. site — место; часть информационной компьютерной системы, где размещены определенные сведения), *хакер* (англ. hack — разрубать; компьютерный мошенник, человек, проникающий в чужие информационные системы), *компакт-диск* (англ. compact disk — компактный диск; оптический носитель информации в виде пластикового диска), *сканер* (англ. scanner — развертывающее устройство; устройство для ввода изображений, текстов в память компьютера), *смартфон* (англ. smartphone — умный телефон; мобильный телефон с расширенной функциональностью, сравнимой с персональным компьютером), *гаджет* (англ. gadget — приспособление; карманный компьютер, сотовый телефон с добавочными функциями), *ноутбук* (англ. notebook — блокнот; портативный персональный компьютер), *нетбук* (англ. net-

book, net — сеть, book — книга; компактный ноутбук, предназначенный для выхода в Интернет, с маленьким экраном и относительно невысокой производительностью), *блог* (англ. blog, web log — интернет-журнал событий, интернет-дневник; веб-сайт, содержащий регулярно добавляемые записи), *аккаунт* (англ. account — отчет, сообщение; учетная запись, хранящая определенную информацию, относящуюся к пользователю), *кэш* (англ. cash — тайник; деньги, касса, наличный расчет), *дисплей* (англ. display — показ, демонстрация; устройство визуального отображения информации) и др.

Обозначенные слова в женских журналах используются в новостных публикациях, целью которых является сообщение информации в просветительском, развлекательном и рекламном форматах (например: «диснеевский портал идеально подходит для детей, которые учат английский», «отличный ресурс для беременных и молодых мам», «победителей ждут ценные подарки: косметический набор <...> укрепляющая тушь <...> смартфон»), в обзорах, знакомящих с информационными инновациями (например, «Жизнь в контакте. Виртуальная реальность расширяется»), в художественно-публицистических материалах, где иноязычные слова технической сферы применяются для описания бытовых явлений («Влада (болгарка) и Алексей вместе пять лет, познакомились в *Интернете*») (Cosmopolitan. 2011. Июль. С. 40; Elle. 2011. Июль. С. 116; Домашний очаг. 2011. Июнь; Cosmopolitan. 2006. Декабрь. С. 158). Примечательно, что в некоторых женских журналах предусмотрены специальные рубрики, где происходит ознакомление аудиторной группы со значением иностранных слов, вводимых в обиход в связи с появлением новых технических устройств, разработок.

Тематическая группа иноязычных слов, связанных со сферой экономики, частично представлена в женской прессе. Преимущественно используются лексические единицы, обозначающие профессии: *маркетолог* (англ. marketing — продажа; специалист, занимающийся изучением и управлением рынка товаров и услуг), *офис-менеджер* (англ. offis, manager — менеджер, администратор, управляющий), *топ-менеджер* (англ. top — вершина, manager; руководитель предприятия с большим финансовым оборотом). Группа слов, обозначающих специальности, является расширенной за счет освещения в женской прессе видов деятельности, формирующих модные направления и представления о них: *визажист* (фр. visage — лицо; специалист по макияжу), *имиджмейкер* (англ. image — образ, изображение, maker — создатель, изготовитель; специалист, разрабатывающий образы), *спичрайтер* (англ. speech — речь, writer — автор, писатель; составитель текстов, речей), *продюсер* (англ. produce — производить, выпускать; специалист, контролирующий идейную, художественную, организационную стороны творческого проекта), *папарацци* (итал. paparazzi — светский фотохроникер; фоторепортер, осуществляющий фотосъемку известных людей без их согласия), *копирайтер* (англ. copy — копия, writer — автор; составитель текстов), *колумнист* (англ. column — колонка, рубрика, раздел; журналист, корреспондент, ведущий постоянную рубрику), *хедлайнер* (англ. head — голова, liner — лайнер, карандаш; автор заголовка, герой заголовка, главный гость мероприятия) и др. Также в прессе обозначено присутствие лексики, ха-

рактизирующей предметы, явления, относящиеся к определенным профессиональным отраслям, например модельному бизнесу: *кастинг* (англ. casting — вычисление, распределение; прослушивание), *портфолио* (англ. portfolio — портфель, папка для документов; образцы работ, фотографий).

Наблюдается включение обозначенных лексических единиц в тексты информационных материалов, знакомящих с событиями в индустрии моды («В этом году Московский Международный кинофестиваль пройдет с 23 июня по 2 июля и L'Oréal Paris в шестой раз станет официальным *визажистом* мероприятия»; Домашний очаг. 2011. Июнь. С. 32), информационно-аналитических публикаций, в качестве героев которых выступают персоны, задействованные в сферах моды («Сестры Уваровы — актриса Нелли и *дизайнер* одежды Елена — родились и красивыми, и счастливыми, а при этом еще и талантливыми»; Cosmopolitan Beauty. 2006/07. Зима. С. 26).

Проблемно-тематические и функциональные особенности женских журналов обуславливают превалирование в них группы иностранных слов, относящихся к сфере потребления. Тематическое разнообразие позволяет дифференцировать ее на несколько разрядов с учетом выявления основной предметной категории:

— средства совершенствования эстетических внешних данных индивида (косметические, парфюмерные изделия, косметические процедуры): *макияж* (фр. maquillage — грим; нанесение на кожу лица декоративной косметики), *мусс* (фр. mousse — пена; средство для волос), *спрей* (англ. spray — брызги; распыляющаяся косметическая жидкость), *тоник* (англ. tonic — тонизирующий; тонизирующее косметическое средство), *пилинг* (англ. peel — ошкуривать, сильно скоблить; в косметологии — удаление, отшелушивание верхнего слоя кожи), *пирсинг* (англ. piercing — прокол; прокол части тела, где носят украшение), *боди-арт* (англ. body art — искусство тела; нанесение на тело знаков), *татуаж* (фр. tatouage — татуировка), *имплант* (англ. implant — вживлять, пересаживать; изделия медицинского назначения, используемые для вживления в организм либо в роли протезов), *лифтинг* (англ. lifting — поднимание, подъем; косметическая процедура по подтяжке кожи), *ботокс* (англ. botox — косметологический препарат для устранения морщин путем инъекций в мышцы лица) и др.

Рассматриваемые лексемы используются преимущественно в рекламно-информационных материалах, публикациях рекомендательного и пояснительного характера («Для праздничного *макияжа* используйте не менее трех цветов», «Глубокие химические *пилинги* — проводятся только врачом»; Cosmopolitan Beauty. 2006/07. Зима. С. 56);

— образцы культуры массового поведения и потребления (модные направления, тенденции, действия, предметы): *тренд* (англ. trend — тенденция, уклон; общее направление развития моды), *трендсеттер* (англ. trend — тенденция, set — устанавливать, начинать; законодатель мод), *бренд* (англ. brand — фабричная марка, клеймо; торговая марка), *декор* (фр. decor — украшение; система украшений сооружения или изделия), *дресс-код* (англ. dress code — кодекс одежды; форма одежды), *ласт-сизон* (англ. last — последний, прошлый,

season — время года; потерявший актуальность), *тотал-лук* (англ. total — целый, совершенный, look — взгляд, выражение; образ, полностью идентичный созданному модельерами), *унисекс* (англ. unisex — направление в моде, предлагающее одинаковые стили для женщин и мужчин), *винтаж* (фр. vintage — порто десятилетней выдержки; стилизованное направление в моде), *оп-арт* (англ. opart, сокращение от optical art — оптическое искусство; неоавангардистский вариант абстрактного искусства), *шоу-рум* (англ. show — показывать, room — комната; магазин, продающий дизайнерские вещи), *гайд-лайн* (англ. hide — прятать, шкура, line — линия; направление развития моды), *селебрити* (англ. celebrity — известность, знаменитость; знаменитости, приглашенные на мероприятие с целью повышения его статуса) и др.

Данные слова широко применяются в женской прессе в связи с описанием модных направлений, событий, мероприятий (например, «Тренды выпускного 2011»; Даша. 2011. № 26).

Иноязычные названия предметов массового потребления вводятся в употребление вслед за актуализацией нового направления в области производства одежды, обуви, аксессуаров: *свитшот* (англ. sweatshirt — толстовка), *капри* (итал. pantalone alla capri; короткие брюки), *бриджи* (англ. breeches — штаны, брюки; короткие брюки до колен), *тренкот* (англ. trench — ров, канава, coat — пальто; модель дождевого плаща), *деним* (англ. denim — джинсовая ткань, джинсы), *леггинсы* (англ. leggings — лосины), *кардиган* (англ. cardigan — шерстяная кофта без воротника), *клатч* (англ. clutch — схватить; маленькая дамская сумочка-конверт), *топ* (англ. top — верх; модель женской блузы), *эспадриллы* (исп. espadrilles — вид обуви), *клоги* (англ. clog — сабо; вид обуви). Слова данной группы используются в материалах с целью популяризации модных изделий, представленных на рынке товаров («Чтобы юбка смотрелась круто, носи ее с жилетом из *денима* или любыми *топами*»), введение нового слова может сопровождаться раскрытием его смыслового наполнения («*Эспадриллы* — это не просто красивое слово, но еще и босоножки на плетеной подошве»; Cosmopolitan. 2011. Июнь. С. 56, 58);

— кулинария. Обозначенный раздел выявляется в связи с описанием национальных традиций, национальной кухни. В процессе анализа выявленного тематического поля иноязычных слов были определены следующие подразряды:

а) французская кухня: *круассан* (croissant — рогалик), *суфле* (souffle — надутый; воздушный пирог), *жюльен* (julienne — суп «жюльен»), *багет* (baguette — тонкая, длинная булка), *профитроли* (profiterole — профитроль; десертно-кондитерское изделие), *клафутти* (clafoutis — фруктовый пирог), *крем-брюле* (crème — крем, brûlée — сожженный; десерт), *парфе* (parfait — безукоризненный, прекрасный; холодный десерт), *рататуй* (ratatouille, rata — еда (в просторечии) и touiller — мешать; овощное блюдо), *тарталетка* (tartelette, tarte — торт; корзиночка из пресного теста с различными начинками), *бланманже* (blanc — белый, manger — есть; желе), *меренга* (meringue — меренга, беже), *глясе* (glace — замороженный, застывший; черный кофе с мороженым);

б) итальянская кухня: *ризотто* (risotto — ризотто; блюдо из риса), *лазанья* (lasagna — широкая лапша; изделие из слоев теста), *паста* (pasta — тесто, макаронные изделия), *спагетти* (spaghetti — спагетти), *полента* (polenta — полента;

блюдо из кукурузной муки), *равиоли* (ravioli — равиоли; макаронные изделия с разными начинками), *карпаччо* (carpaccio — карпаччо; мясное блюдо), тирамису (tiramisu — тирамису; десерт), сабайон (zabaione — мешанина; десерт);

в) испанская кухня: *гаспачо* (gazpacho — гаспачо, остатки; холодный суп), *тортилья* (tortilla — омлет, круглая лепешка), *паэлья* (paella — паэлья; блюдо из риса), *эспетос* (espetar — насаживать на вертел; рыба на вертеле), *коцидо* (cocido — вареный; суп), эмпанада (empanada — пирог, кулебяка), *сарсуэла из рыбы* (zarzuela de mariscos, zarzuela de pescado — сарсуэла из рыбы), *туррон* (turron — халва; кондитерское изделие);

г) американская кухня: *фастфуд* (fast — быстро, food — пища, еда, еда быстрого приготовления), *сэндвич* (sandwich — бутерброд, сэндвич), маффин (muffin — пышка; кекс), *барбекю* (barbecue — целиком зажаренная туша; приготовление продуктов на углях), *гамбургер* (hamburger — гамбургер, рубленый бифштекс), *чизбургер* (cheeseburger, cheese — сыр; вид гамбургера), *фишбургер* (fish — рыба; вид гамбургера), попкорн (popcorn — попкорн, воздушная кукуруза), чизкейк (cheese — сыр, cake — пирожное; сырное пирожное).

Встречаются в текстах женских журналов и названия кулинарных изделий, относящиеся не к западноевропейским языкам, например *том ям* — название супа, являющегося тайским и лаосским национальным блюдом; *мусака* — блюдо из баклажанов, название используется в греческой, молдавской и южнославянской языковых группах. Слово «суши» обозначает блюдо японской кухни, имеет японское происхождение, однако в русский язык оно перешло из английского (sushi), в оригинале же звучит как «суси». Его распространение в английской лексике объясняется популяризацией блюда в западноевропейских странах, где утвердился англо-американский вариант слова, затем оно вошло в систему отечественного языка.

Иноязычная лексика, обозначающая названия кулинарных блюд, используется авторами женских изданий в кулинарных рецептах («Готовим сырную *тарталетку*»), рекламных публикациях («Рекомендуем попробовать: помидоры с сыром *бри* (цена 10 у.е.) — кафе Roset, французский пирог *кишлорен* с сыром *конте* (цена 8 у.е.) <...> *ивольтини ди поло* — куриное филе»), материалах о путешествиях («В обязательной программе — блины-*крепы* <...> *крепами* можно завтракать, обедать и ужинать» (Cosmopolitan Shopping. 2006. Март. С. 125; 2011. Июль. С. 164), где подобные слова помогают передать национальный колорит.

В отличие от других тематических разрядов иноязычной лексики, в которых преобладают слова английского происхождения, рассматриваемый пласт характеризуется присутствием французской, испанской, итальянской и другой иноязычной лексики, что объясняется целевой направленностью публикаций — описанием достопримечательностей зарубежных стран, традиций, к которым относится и кулинарное искусство;

— занятия спортом: *серфинг* (англ. surfing — серфинг), *дайвинг* (англ. diving, dive — нырять), *фитнес* (англ. fitness, fit — быть в хорошей форме), *пилатес* (англ. pilates — назван по имени автора системы упражнений Дж. Пилатеса), *боулинг* (англ. bowling, bowl — катать), *тачдаун* (англ. touchdown — приземление; набирание очков в американском, канадском футболе). Слова ис-

пользуются с целью описания популярных комплексов физических упражнений, зарубежных традиций в области спорта;

— покупки: *шопинг* (англ. shopping — посещение магазина), *бутик* (фр. boutique — лавочка), *супермаркет* (англ. supermarket — большой магазин) и др. Слово «шопинг» получило широкое распространение в отечественных СМИ в связи с освещением сферы потребления, информированием об изменениях на рынке товаров; процессу приобретения вещей и совершения покупок посвящен значительный объем публикаций в женской прессе («Шопинг белых ночей в Петербурге», «Ночь шопинга в Vegase», «Выиграйте шопинг в Лондоне»; Elle.ru. 2010. 3 июня, 22 сент.; 2011. 5 апр.). Популяризация слова мотивируется смысловым наполнением рассматриваемой лексической единицы, процесс совершения покупок в женских журналах трактуется как процедура приобретения вещей в соответствии с модными тенденциями, занятие, обозначающее времяпровождение, в связи с чем группа отечественных синонимичных слов, обозначающих процесс приобретения, оказалась не задействованной в определении рассматриваемого действия.

Группа иноязычных слов, относящихся к сфере культуры, используется в связи с информированием аудитории о новинках киноиндустрии, музыкальной отрасли: *аранжировка* (фр. arranger — приводить в порядок, устраивать; переложение музыкального произведения), *ремейк* (англ. remake — переделка; интерпретация произведения), хип-хоп (англ. hip-hop — ритмичный музыкальный стиль), *шансон* (фр. chanson — песня; жанр вокальной музыки), *рэп* (англ. rap — стук, легкий удар; музыкальный стиль, ритмичный речитатив), *поп* (англ. pop — хлопок, популярный; направление современной музыки), *хит* (англ. hit — удача, успех; популярное произведение), *микс* (англ. mix — смешивать; несколько музыкальных произведений, выстроенных в определенной последовательности), *опен-эйр* (англ. open — открытый, air — воздух; музыкальное мероприятие, проводимое на открытом воздухе), *джем-сейшн* (англ. jam session — джазовое мероприятие; музыкальное действие, мероприятие), *блокбастер* (англ. blockbuster — блокбастер, кассовый фильм; успешный, популярный фильм), *ситком* (англ. situation comedy, sitcom — комедия положений; разновидность комедийных радио- и телепрограмм) и др.

Лексемы, употребляемые на языке оригинала, являются весьма распространенными в отечественных женских журналах. В данной группе выделяются социолингвистические единицы, обозначающие имена собственные, к которым относятся:

а) личные имена. Наблюдается употребление личных имен в английском написании в связи с обозначением международного характера деятельности индивидов. Так, имена участников фотосессий, чья деятельность подразумевает размещение работ в международных женских изданиях, публикуются на английском языке. Например: «Фото: Derek Kettela, Asa Tallagard. Стиль: Inmaculada Jimenes, Daria Anichkina. Текст: Marta Michel»;

б) названия торговых марок. Обозначаются на современном этапе словом «бренды» и приводятся в женских журналах исключительно на языках европейской группы. Часто в название компании вводится личное имя ее создателя. Наблюдается широкое использование брендов французских компаний («Chanel»,

«Yves Saint Laurent», «Cacharel», «Vichy», «Naf Naf», «Pierre Cardin»), итальянских («Anna Molinari», «La Perla», «Alberta Ferretti», «Elena Miro», «Escada», «Dolce & Gabbana»), американских («Calvin Klein», «Diesel», «Guess»). Их превалирование объясняется активным участием в сфере массовой культуры Франции, Италии, США. В меньшем объеме используются названия торговых марок других стран, например «Mango» (Испания). Названия отечественных компаний, задействованных в разработке и производстве товаров модной линии, также приводятся в английском варианте (например, «Kira Plastinina») по причине того, что на современном этапе английский язык считается международным и степень узнаваемости наименования модной марки международной аудиторией предполагает использование английского варианта написания.

Введение в текст обозначения компании на иностранном языке используется в практике рекламно-информационного описания продукции и указания ее производителя, например в подписях к изображениям товаров («брюки из кожи, украшенные камнями, *Roberto Cavalli*, боди с открытой спиной и брюки, *Max Mara*, серьги, *Pamela Love*», «платье, *Chanel*, юбка из хлопка, шляпа, очки, все — *Prada*», «купальник, *Calzedonia*, шляпа, *Lacoste*, кольцо, *New Yorker*, босоножки, *New Look*»), в информационных заметках, обзорах («Отметив сорокалетие марки, в *Roberto CAVALLI* создали особую вариацию сумки DIVA», «Лаборатории *Vichy* и дизайнер *Peggy Moquaï* представляют новую коллекционную упаковку термальной воды *Vichy Spa*») (*Cosmopolitan*. 2011. Июль. С. 49, 61).

Наряду с наименованиями компаний, производящих товары швейной, косметической направленности, в женских изданиях используются иностранные обозначения марок производителей автомобильной отрасли: «Ferrari», «Mercedes», «Lexus», «Jaguar», «Alfa Romeo», что объясняется включением этого тематического элемента в сферу модной продукции, информация о которой присутствует в женских изданиях. Женские журналы практикуют размещение публикаций рекламного характера о новинках автомобильной сферы («*Suzuki Splash* — это современный автомобиль, сочетающий в себе оригинальный дизайн и качественную японскую сборку»), кроме того, они используют наименования марок автомобилей с целью создания эффекта статуса и престижа мероприятия («На выставке представлены такие знаковые марки авто-индустрии, как *Bugatti*, *Alfa Romeo*, *Bentley*, *Mercedes-Benz*, *Jaguar*, *Porsche* и, конечно, *Ferrari* — украшение коллекции мастера. Предлагаем посмотреть видео-тур по выставке с комментариями Ральфа Лорена»; *Elle.ru*. 2010. 29 июля; 2011. 3 мая);

в) названия творческих групп, коллективов («В конце 90-х в Москве появилась отчаянная группа *Blast*»). Практикуется иностранное обозначение, независимо от того, был ли представлен в отечественной лексической системе вариант на русском языке. Так, название английской группы «The Beatles» получило распространение в отечественной прессе как «Битлз», однако на современном этапе в женских журналах оно употребляется в английской вариации («Такого в истории звукозаписывающей индустрии не случилось со времен *The Beatles*»; *Cosmopolitan*. 2011. Июнь. С. 40);

г) названия объектов, сооружений, предприятий: клуб *La Santa*, дом *la Villa de Teguisse*, номер *Suite Majestic* отеля *Barrier* в Каннах. Обозначение названий на языке той страны, где находятся описываемые объекты, происхо-

дит с целью актуализации внимания на национальных элементах («Проведите долгожданный отдых в одном из съютов греческого отеля *Aldemar Royal Mare* <...> Проложите собственный гурмэ-маршрут и попробуйте фирменные блюда от виртуозных шеф-поваров в знаменитых ресторанах *Candia, Albatros, Sushi-bar*...»; Elle. 2011. Июль. С. 236—237);

д) наименования периодических изданий, названия телеканалов, радиостанций, интернет-сайтов: журнал «*Maxim*», «*MTV*», глобальное сообщество «*Flat jump*» («Самая популярная сеть в мире — *Facebook* (*facebook.com*). В России — “Одноклассники”», «Грандиозная, яркая, шумная и очень модная история журнала длиной в 65 лет не оставляет сомнений в том, что в формуле *ELLE* заложены секретные ингредиенты, которые не оставляют равнодушной ни одну женщину»; Elle.ru. 2011. 3 июля).

е) наименования модных стилей и направлений: *haute couture* (фр. — высокая мода), *must-have* (англ. *must* — должен, *have* — иметь; модная продукция, которую необходимо иметь), *total look* (англ. *total* — полный, весь, *look* — взгляд, образ; полный образ), *basics* (англ. *basic* — основной; базовая линия дизайнеровских компаний); *cruise* (англ. — путешествие; круизная (межсезонная) коллекция), *baby doll* (англ. *baby* — ребенок, *doll* — кукла; одежда в инфантильном стиле), *casual* (англ. — повседневный; повседневная одежда), *smart casual* (англ. *smart* — умный, интеллектуальный, *casual* — повседневный; стиль для деловых людей в нерабочее время), *look-book* (англ. *look* — взгляд, *book* — книга; коллаж образов, создаваемых модельерами, стилистами), *nude make up* (англ. *nude* — обнаженный, неприкрытый, *make-up* — макияж; естественный макияж).

Использование на языке оригинала обозначений модных концепций и стилей предполагает, что отечественная аудитория характеризуется знанием иностранных языков, кроме того, она должна обладать необходимыми знаниями по истории моды. В качестве примера приведем цитату из интервью с итальянским дизайнером Дж. Бианки, опубликованного в журнале «Elle». На вопрос о любимом модном направлении герой дает следующий ответ: «Кристиан Диор, студенческие волнения в Париже, *new look*, студентки в беретках...» (Elle. 2011. Июль. С. 86). Термин «*new look*» имеет английское происхождение, вошел в историю мировой моды, используется для определения элегантного, женственного, романтического стиля одежды, введенного Кр. Диором в 1947 г.

Обозначение косметических препаратов в женских изданиях дается на языке страны, разработавшей продукт: *abrasive cream* (англ. — скраб), *liquid eye liner* (англ. — жидкая подводка для век), *mascara remover* (англ. — средство для удаления макияжа глаз), *after sun cream* (англ. — крем после загара), *creme apres soleil* (фр. — крем после загара), *sans soleil* (фр. — крем для искусственного загара), *body shampoo* (англ. — моющее средство для тела), *cleanser* (англ. — очищающее средство), *cleansing cream* (англ. — очищающий крем), *cleansing milk* (англ. — очищающее молочко), *lip gloss* (англ. — блеск для губ), *creme riche* (фр. — крем, обогащенный витаминами), *rouge* (фр. — румяна), *tonique* (фр. — тоник) и др. Использование обозначений на иностранном языке практикуется в публикациях коммерческого характера («Пилинг для ногтей *Sugar Almond Nail Peeling* с ультратонкими кристаллами сахара, экстрактами лотоса и миндаля...», «*Creme Masvelt* удивительным образом без всякого охлаждающего

эффекта справляется с лишними сантиметрами и неровностями»; Elle.ru. 2009. 13 авг., 4 авг.).

В женских журналах наблюдается тенденция замены отечественных лексических единиц, конструкций иностранными, что обеспечивает увеличение эффекта национального колорита («В духе made in Italia», «Ужин a la carte»), способствует популяризации иностранных слов. В тексте может одновременно даваться перевод слова, выражения: «Он тоже яркий, однако более сдержанный, глубокий и драматичный. Близкий родственник цвета navy blue (классический темно-синий)» (Cosmopolitan. 2011. Июль. С. 49), «Look и тренд: «“Азия”, “сафари”, color blocking (“цветное блокирование”), 1970-е, “полоски”, tropical», «Утонченный мастер-провокаатор так называемого trash talk (“грязного” разговора) при каждом удобном случае любит поучать оппонентов» (Elle. 2011. Июль. С. 99).

Допускается использование иностранной лексики и без перевода: «back stage месяца», «стадия relax», «cool», «not cool», «concept store», «нам нравятся smoky eyes по-индийски», «урок aqua belly dance», «украшения haute joaillerie» и др.

Анализ процесса словообразования с использованием иностранных слов в публикациях женской прессы демонстрирует следующие особенности:

а) участвуют иностранные лексические единицы, оформленные средствами русского языка: интернет-бутик, интернет-магазин, интернет-покупатель, шопинг-тур;

б) задействованы лексемы, оформленные средствами иностранного языка: fashion-показ, beauty-блог;

в) осуществляется конструирование деривата при помощи суффикса: брендовый, трендовый, винтажный, шопер, блогер;

г) происходит образование глаголов от имен существительных: шопиться, сканировать.

Наиболее частотная сфера употребления словообразований — сфера моды. Наблюдается актуализация использования дериватов с включением лексем fashion, beauty, шопинг: fashion-мир, fashion-показ, fashion-victim («жертва моды»); beauty-код, beauty-фетиш, beauty-средство, beauty-бренд, beauty-блог beauty-гуру, beauty-тестирование, beauty-редактор; шопинг-гид, шопинг-зависимость, шопинг-рейд, шопинг-терапия, интернет-шопинг, шопинг-эйфория, шопинг-эксперимент, шопингомания, шопер, шопоголик и др.

Широкое включение иностранной лексики в отечественный информационно-коммуникативный процесс вызывает дискуссии по поводу целесообразности ее использования в отечественном языке и степени влияния на российскую культуру. Разрабатываются версии, прогнозирующие негативные последствия воздействия зарубежных языковых систем на структуру отечественного языка. Однако формируются и противоположные теории, доказывающие, что национальная языковая система обладает значительным словарным запасом, что позволяет ей, используя иноязычную лексику, эволюционизировать. В качестве примера приведем мнение Т. Б. Радбиля: «Одна из расхожих точек зрения на инновационные тенденции в русском языке последних лет состоит в том, что русский язык окончательно подпал под влияние “западных образцов”, “погробен” под массивом многочисленных неоправданных заимствований и

чуждых нам инокультурных норм речевого и невербального поведения. Однако подобная точка зрения не учитывает, что любой развитый литературный язык с богатыми культурными традициями (к каковым, безусловно, следует отнести и русский язык) располагает значительным потенциалом аккумуляции “своего” и апроприации “чужого”, что в целом является залогом его дальнейшего обогащения и развития» [16, с. 315—316].

Таким образом, можно заключить, что одним из средств введения иностранной лексики в систему отечественного языка является женская пресса. В СМИ активно функционируют иноязычные слова, как оформленные средствами русского языка, так и в иностранной графике, подобная практика широкого лексического заимствования является не всегда достаточно мотивированной, обилие новых слов зарубежного происхождения снижает степень восприятия информации аудиторной группой. В то же время именно тенденция широкого использования в женских изданиях иностранной лексики повышает степень их причастности к формированию процесса массовой культуры, носящего международный характер.

В женских журналах наблюдается преобладание англицизмов, что характерно для общих тенденций заимствования лексики отечественной языковой системой: английский язык является международным, его лексический комплекс взаимодействует с национальными языковыми системами ряда стран, вследствие чего англицизмы широко используются и ассимилируются в современных языковых национальных структурах.

Тематическими зонами, характеризующимися повышенной степенью частотности использования иноязычной лексики, выступают сферы производства образцов культуры массового поведения и потребления. Анализ иноязычного языкового слоя, функционирующего в текстах отечественной женской прессы, показывает, что его своеобразие соотносится со сферами культурных пластов, характерных для массового индустриального общества. Массовая культура включает в себя бытовые явления, область развлечений и досуга, медийную индустрию. Женские журналы, выступая в качестве элемента масскультуры, оперируют лексикой, тематически соответствующей обозначенным структурным компонентам: они освещают процессы в области новейших информационных технологий (на бытовом уровне), сферах потребления, досуга и развлечений. Следовательно, использование в женских изданиях иностранных лексических единиц можно рассматривать, во-первых, как показатель, характеризующий глобализацию информационных процессов; во-вторых, как акт обновления лексической группы, обозначающей масскультурные концепты; в-третьих, как представление и обозначение новых явлений, направлений иностранными лексическими формами на фоне отсутствия отечественных языковых единиц, характеризующих инновации; в-четвертых, как средство повышения языковой выразительности, передачи национального колорита.

Женские периодические издания не только отражают модель вербального поведения женской аудитории, но и способствуют гендерной лингвистической идентификации, в частности вводят в активное использование группы пласт лексических единиц, характеризующих непосредственные интересы женского сегмента. Популяризация иноязычной лексики в женской прессе ве-

дет к модификации словарного запаса женской аудитории, к утверждению в нем определенных тематических полей, к актуализации международной модели женского поведения.

Библиографический список

1. *Алферова И. В.* Большеви́стская печать 1920-х гг. как средство социального конструирования «новой советской женщины» // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и философия. 2011. Вып. 3. С. 106—111.
2. *Войченко В. М.* Заголовки женских глянце́вых журналов как материал для создания речевого портрета современной женщины // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 131 : Филология. С. 170—173.
3. *Высочина О. В.* Иноязычные слова в лексической системе языка // Культура общения и ее формирование. Воронеж, 2001. Вып. 8. С. 111—114.
4. *Высочина О. В.* Понимание значения иноязычного слова : психолингвистическое исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 19 с.
5. *Гудова М. Ю.* Чтение женских глянце́вых журналов и трансформация нравов женского читательского сообщества: опыт модернизации в странах Юго-Восточной Азии // Грамота. 2011. № 8, ч. 3. С. 76—79. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2011/8-3/17.html> (дата обращения: 16.07.2011).
6. *Дербенева О. Д.* Новые заимствования в русском языке : (на материале СМИ) // Вестник Центра международного образования МГУ. Сер.: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. Т. 2. С. 19—22.
7. *Заварзина Г. А.* Без идеологических наслоений : (общественно-политическая лексика на исходе XX века) // Русская речь. 2000. № 6. С. 41—45.
8. *Кайгородова М. Е.* Гендерно ориентированный медиатекст журнальной обложки: когнитивно-семиотический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 22 с.
9. *Каюмова Э. Р.* Сопоставительный анализ языковых особенностей женских и мужских глянце́вых журналов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 24 с.
10. *Крысин Л. П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М. : Языки русской культуры, 1996. С. 142—161.
11. *Кузнецова Н. А.* Динамика функционирования англицизмов в современном испанском языке : (на материале женских журналов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.
12. *Нарочная Е. Б., Шевцова Г. В.* Иноязычные слова в современной российской публицистике // Язык и культура. 2009. № 4. С. 84—97.
13. *Овруцкий А. В.* Социальная онтология потребления: научные представления, модели, общество потребления : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2012. 46 с.
14. *Пода О. Ю.* Концепція «нової жінки» на шпальтах радянської жіночої преси // Вісник Запорізького національного університету. Сер.: Філологія. 2007. № 1. С. 141—150.
15. *Пода О. Ю.* Проблема гендерних настанов у радянській жіночій пресі // Держава та регіони. Сер.: Гуманітарні науки. 2007. № 1. С. 96—100.
16. *Радбиль Т. Б.* Основы изучения языкового менталитета. М. : Флинта : Наука, 2010. 328 с.

17. Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции, перспективы развития : отраслевой доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. М., 2010. 115 с.
18. *Смотуга Е. А.* Лингвокогнитивные особенности дискурса глянцевого журнала: гендерный аспект : (на материале российской версии журнала «Cosmopolitan» за 2005—2011 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2012. 22 с.
19. *Семенова М. Ю.* Сленговый пласт англицизмов в современном русском языке // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 2002. № 2. С. 48—51.
20. *Смеюха В. В.* Интегрирование рекламной коммуникации в сферу женской прессы // Вестник гуманитарного научного образования. 2011. № 12. С. 28—33.
21. *Смеюха В. В.* К вопросу изучения женских журналов // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 4. С. 67—70.
22. *Смеюха В. В.* Типология и модели современных женских журналов. Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. 128 с.
23. Сокольская Л. В. Женщины как читательницы в «зеркале» моды : на материалах XVIII—XIX веков // Библиотечное дело. 2010. № 17. С. 19—23.
24. *Сушкова О. М.* Періодичні видання для жінок в Україні: динаміка розвитку та концептуальні особливості : дис. ... канд. філол. наук. Львів, 2005. URL: http://www.br.com.ua/referats/dysertacii_ta_autoreferaty/96913.htm (дата обращения: 12.08.2012).
25. *Ушаков Б. Ю.* Англицизмы в современной газете // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 4. С. 106—111.
26. *Черменская С. М.* Роль глянцевого журнала в формировании гендерных стереотипов современной женщины // Вестник МГУ. Сер. 10, Журналистика. 2006. № 6. С. 16—18.
27. *Черняк М. А.* От «глянца» к «антиглянцу»: остановка по требованию // Философские науки. 2008. № 10. С. 96—109.
28. Читаете ли вы сейчас какую-нибудь книгу, если да, то где вы ее взяли? // Левада-центр, 01.08.2010. URL: <http://www.levada.ru/archive/kulturnoe-potreblenie-i-otdykh/chitaete> (дата обращения: 11.10.2011).
29. *Шилина А. Г.* Вербальные и невербальные особенности суггестивного воздействия в женских и мужских журналах : (на материале жанра *обложка*) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальная коммуникация. 2011. Т. 24. № 2, ч. 1. С. 502—506.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ББК 83.3(7Ме)6-8

В. Перес

ДОСТУЧИСЬ В ЗАКРЫТУЮ ДВЕРЬ

В Мексике, с ее традиционным укладом жизни и устоявшимися мачистскими традициями, приход нового тысячелетия практически не затронул патриархальную структуру общества. Хотя во многих областях жизни женщины считаются равными мужчинам, в этом мнимом гендерном равноправии мужчины занимают доминирующие позиции. Искусство, и в частности литература, не является исключением, здесь и сегодня женщины продолжают многолетнюю борьбу за право говорить и творить свободно, за возможность прервать стыдливое молчание и рассказать в полный голос, без оглядки на многочисленные табу и рамки приличий, о своем уникальном и неповторимом женском опыте и своеобразном духовном мире. Среди тех, кто в этой латиноамериканской стране последовал призыву французской писательницы Элен Сиксу *писать себя и писать собой*, — Матильде Понс, современная мексиканская писательница, с творчеством которой российский читатель незнаком и о своеобразии которого пойдет речь в этой статье.

Матильде Понс (Matilde Pons Liceaga) родилась в г. Гуанахуато, одноименной столице одного из 33 штатов, расположенном в центральной части Мексики, где в начале XIX в. дон Мигель Идальго-и-Костилья объявил независимость Мексики от испанского правления. Детство писательницы прошло в этом дышащем историей городе, из которого в начале шестидесятых годов прошлого столетия она перебирается в г. Гуадалахара, штат Халиско, где и проживает в настоящее время.

На протяжении пяти лет Матильде работала в газете «El Informador» («Информатор»), писала для колонки «Юмористическая философия».

М. Понс — член ассоциации «Женщины в кино и на телевидении». Ее перу принадлежат сценарии к серии короткометражных фильмов, как, например, «Принцип Дарвина» и «Принцип Маркса», сценарии к двум длиннометражным фильмам «Натаниель» («Nathaniel») и «Убийца теней» («El matador de sombras»), а также сценарий к полнометражному фильму «Дедушкино Рождество» («Las Navidades del Abuelo»), опубликованный в книге «Моим внукам, чтобы они рассказали своим родителям» («A mis nietos para que lo cuenten a sus papas»).

Многие из ее рассказов и отрывки новелл были опубликованы в известных литературных журналах страны, а антология «Писательницы Латинской

Америки: от архетипов к аутентичности», выпущенная Институтом языка и культуры Латинской Америки университета г. Лейдена (Голландия), содержит две из ее многочисленных новелл — «Слово мне показалось странным» («La palabra me sonó extraña», 1989) и «Где любовь имеет цену» («Donde el amor tiene un precio», 1996).

Новелла «Где любовь имеет цену», отмеченная критиками как эротическая, стоящая на стыке лирического и драматического, представляет собой *toros*, в котором физическое желание находит свое высвобождение посредством письма: «Смог бы читатель создать невозможный и одновременно необходимый рассказ, где центральной темой было бы желание: губы, жаждущие возбужденных сосков, распутный живот и звучание медленной оргазмической тишины, с ее удушающим ритмом?..» Как видим, посредством этого риторического вопроса, который практически инаугурирует новеллу, писательница дает понять, что нарративная прагматика текста направлена на читателя, которому, кстати, также посвящены страницы без текста. Эти места читатель может заполнить своим собственным рассказом. Отсюда одна из важнейших характеристик «Где любовь имеет цену» — отсутствие и нарратора, чей голос структурировал бы новеллу, и логически построенного сюжета. Вместо этого текст наполнен рассуждениями о его построении, зарисовками эротического характера и примечаниями, которые могут быть истолкованы как комментарии, сделанные автором в процессе написания книги. Созданное в обществе, где женщины говорят о сексе лишь на приеме у врача или в исповедалине и где такие слова, как «эротизм» и «наслаждение», практически являются табу, произведение Матильде Понс не только заставляет задуматься о роли сексуального воспитания в понимании такого концепта, как «эротизм», но и призывает воскресить давно забытое в современном мире понятие любви. Последняя новелла Матильде «Закрытая дверь» («Puerta cerrada») вышла в свет в середине 2011 г. и была оценена критикой как «интеллигентная и волнующая», а сама писательница, уже признанный мастер пера, квалифицировалась как новатор, чье творчество направлено на поиск новых нарративных стратегий и структур. Справедливо отметил Агустин Монсреаль (Agustín Monsreal), что как критикам, так и читателям понадобится некоторое время, чтобы по достоинству оценить литературные нововведения Понс, которые на шаг опережают действительность. В основе «Закрытой двери» лежат реальные события, имевшие место в одной из традиционных католических мексиканских семей среднего класса, которая не принимает форму поведения дочери Мары. Сама героиня замечает: «Только Камила, наша старшая сестра, понимала, кто я и что я не такая, как все: я предпочитала играть с мальчиками, иметь вместо кукол пистолеты, носить брюки и ковбойские сапоги и заменить бантики на голове соломенной шляпой». Рассказ Мары прерывается воспоминаниями, которые представляют взору читателя детский и юношеский мир персонажа: «Однажды, когда мне было шестнадцать лет, я вместе с Мигелем, моим тогдашним ухажером, пошла на концерт в театр в шлепанцах и в поношенных до дыр джинсах. Услышала, как моя мать сказала сидящей рядом с ней подруге: “Думаю, что аист ошибся домом, когда принес нам Мару. Эта не может быть моей дочерью”». В результате молодая девушка отдаляется от своих родственников, начинает вести двойную жизнь, стараясь угодить родителям, учителям и священникам. Ее за-

жатое, как в тиски, *Я* начинает иррациональную войну, но все возможные выходы заперты социальными и религиозными предрассудками.

Во время презентации книги писательница акцентировала внимание на том, что ее произведение нельзя воспринимать рассеянно, поскольку читатель должен погрузиться в мысли персонажей, стать зеркалом, в котором отразился бы беспорядочный внутренний мир каждого из них, уловить тот момент, начиная с которого воспоминания и реальность становятся одним целым и уже невозможно понять, идет ли речь о действительных событиях, или о воспоминаниях.

Матильде признает, что из всех ее произведений именно это стоило ей самых больших усилий, потому что во время работы над ним она должна была противостоять своим персонажам, их идентичности, мировоззрению, и это вызвало у нее катарсис — духовное очищение.

Замечания критиков по поводу «Закрытой двери» со всей справедливостью можно отнести и к предыдущим работам мексиканской писательницы. Так, например, Жан Франко (Jean Franco), ведущий специалист по вопросам латиноамериканской литературы университета Монпелье (Франция), заметил, что новелла «Испытание» («*La prueba*»), опубликованная в 2009 г., вписывается в самые прогрессивные литературные течения современности. Три года понадобилось писательнице, чтобы завершить это произведение, мысль о котором пришла ей во время прогулок по Парижу. В интервью, взятых у Матильде по поводу «Испытания», писательница вспоминает, что однажды ее внимание привлекла книга, выставленная в витрине небольшого книжного магазинчика близ Сорбонны. Непривычно большие буквы позволяли прохожим читать страницы, на которых была открыта новелла. «Меня очень удивило, — вспоминает Понс, — что, когда я проходила мимо этого же магазинчика на следующий день, книга была открыта уже на следующей странице и так далее». Эта идея произвела на писательницу неизгладимое впечатление и была воплощена в новелле, над материалом для которой она уже работала — толстой пачкой писем, написанных из тюремных стен человеком, несправедливо обвиненным своей женой в изнасиловании их маленькой дочери. Матильде пришлось перечитать все письма, рассортировать и, как выражается она сама, отшлифовать, чтобы понять, как построить нарратив.

Таким образом, «Испытание» — это история в истории. В первой речи идет о молодом писателе Нико, который (как однажды Матильде) открыл для себя захватывающую новеллу, купить которую у него не было денег. Книга была так занимательна, что время от времени он заходит в магазинчик, чтобы прочитать несколько страничек. В поисках работы, отчасти чтобы получить средства для приобретения книги, Нико дает объявление: «Пишу рассказы на дому. Недорого». Первый заказ он получает от Анны, девушки, пробудившей в нем любовь. Она просит молодого новеллиста написать историю о письмах, которые ему вручает при встрече и из которых Нико узнает историю Елены и Андреса, автора писем. Эта история, рассказанная из тюремной камеры посредством эпистол, и является второй сюжетной линией, для которой повествование о любви молодого писателя и его клиентки служит нарративным обрамлением. Со временем, работая над заказом, Нико настолько погружается в события, о которых читает и пишет, что иногда ему самому трудно определить,

пишет ли он об авторе писем, или о самом себе, является ли то, о чем он рассказывает, его собственным творением, или плагиатом писем. Таким образом, Матильде артистически переплетает реальность и фикцию или, по замечанию мексиканской писательницы Эве Хиль (Eve Gil), возносит реальность до состояния того, что можно назвать гиперреальностью, определяемой ею же как пространство, идущее далее, чем сама метафикция, потому что она (метафикция) позволяет не только создать фикцию внутри фикции, но и дает возможность фикции вторгнуться в реальную историю.

«Критики часто отмечают легкость, с которой Матильде играет реальными событиями и вымышленными или которые она преподносит как таковые, и это позволяет ей создавать новые миры, города, общества и биографии, настоящая литературная мастерская!» — пишет Эве Хиль и добавляет, что иногда о Понс говорят как об *элитной* писательнице, создающей «некоммерческие» книги. И хотя это так, признает Хиль, своими новеллами Матильде заставляет читателей мыслить, задумываться не только об интерпретации прочитанного, но и о том, что происходит с нами, в реальном мире. Сама же автор признает, что язык «Испытания» действительно насыщен не столько изысканными, сколько возвышенными словами, ведь ее персонаж (автор писем. — *В. П.*) — высокообразованный человек, любящий и знающий музыку и литературу, который в тюрьме изучает право и впоследствии становится своим собственным защитником.

Необходимо отметить, что формально, помимо нарративных голосов персонажей, в «Испытании» слышны другие «инстанции, которые говорят» как бы из ниоткуда. В тексте они представлены прописными буквами и заключены в рамку. В качестве примера можно обратиться к той части новеллы, где Андрес вспоминает о своей бабушке, которая любила играть на рояле и в свое время попала на службу, проводимую Папой Пием XI в Ватикане. Эпистолярный рассказ героя прерывается фразой, гласящей: «Страдает аристократоманией». В следующем за ней параграфе голос Андреса продолжает повествовать о своей родословной: «Ну что же, моя прекрасная Елена, пока что я рассказывал о своих бабушках и дедушках, а сейчас я тебе поведаю о моих родителях».

Общепризнанный мастер слова, Матильде неохотно говорит о себе как о личности, и во время интервью, которое мы взяли у нее для написания этой статьи, с ловкостью переводит тему разговора на свои произведения и выборочно отвечает на комментарии критиков, о которых мы упомянули. «Некоторые писатели и один философ утверждают, что я опередила свое поколение и время, что мое творчество шагает впереди меня самой. Эве Хиль говорит о моих заигрываниях с реальными фактами. О том, что я заставляю верить читателя в их реальность. Рене Авилес Фабила (René Áviles Fábila) — о моей якобы интуиции, позволяющей мне находить новые формы изложения. Эвелина (Эве Хиль) упоминает гиперреализм, идущий за пределы метафизики, о фикции в фикции. Я еще должна проанализировать все это, ведь когда я сажусь писать, эти слова даже не приходят мне в голову. Рене говорит, что мои персонажи убеждают, их радости и печали тоже. Возможно, интуиция, о которой он говорит, есть не что иное, как мое желание структурировать каждую мою новеллу по-иному, вводить в нее другие голоса, отличающиеся от моего собственного. Но получается так, что каждый герой сам находит свой голос, используя при

этом чернила ручки, которой я пишу. Эве однажды спросила меня, является ли “Испытание” тремя новеллами в одной, где сама же автор представляет собой звено в цепи других авторов и где все эти авторы стараются интерпретировать одну и ту же реальность. Я бы ответила так: история в целом — это часть жизни Андреса и Елены, которые борются за свою любовь, а Николас, крадучись, просачивается на страницы новеллы, чтобы рассказать эту историю читателю. Давайте представим, что я переделалась в мужчину. Смогла бы я сойти за Нико? Вот, вот это-то я и делаю: я внедряюсь в каждого персонажа и представляю себе, как бы он повел себя в той или иной ситуации». Завершая наш разговор, Матильде добавляет: «Оставляю эту новеллу на ваше рассмотрение, и мне было бы очень интересно узнать о ней мнение других читателей...»

Всем своим творчеством Матильде Понс демонстрирует, что главная цель ее произведений — не рассказывать *tout court*, а делать это, анализируя себя в духе манифеста, выдвинутого ее землячкой Розарией Кастейянос (Rosario Castellanos), в котором говорится, что «когда латиноамериканская женщина берет в руки перо, она делает это с тем же изяществом и с тем же намерением, что и зеркало, — созерцать свое изображение», которое отображает ее внутренний мир, а не внешность. Ведь главное желание Матильде, так же как и бразильской писательницы украинского происхождения Кларисы Лиспектор (Clarice Lispector), — не быть красивой, а иметь идентичность. Бахтинский хронотоп двери, имплицитно присутствующий во всех новеллах Понс, метафоризирует грань между современным мексиканским обществом, с его устаревшим постколониальным патриархальным укладом, и обществом новым, свободным от мачизма, церковного догматизма, социального и гендерного неравенства. Пока что эта тяжелая дверь закрыта, но в ней имеются щели, сквозь которые виден тот, иной мир, к которому стремятся и персонажи Понс и сама писательница. Всем своим творчеством Матильде доказывает, что этот мир вполне возможен, нужно только достучаться в закрытую дверь.

АННОТАЦИИ

Николаева Д. А. Женские божества земли и их роль в формировании традиционной обрядности бурят конца XIX — начала XX в.

Культ земли в образе матери-прародительницы входил в систему природных объектов, выступающих в качестве аналога женского порождающего начала: земля, вода, береговая расщелина, пещеры, родовые горы, некоторые породы деревьев. В их честь буряты проводили обряды с просьбами о чадородии, плодородии и благополучии. Выявляясь посредством обрядовой практики, а также верований и фольклора, эти образы отражают гендерные связи, призванные выполнять сакральные функции жизнеобеспечения традиционного общества.

Ключевые слова: женские божества земли; культ матери; обряды плодородия, инициации; традиционная культура бурят.

Сиражудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции

На материалах авторского социологического исследования анализируются основные тенденции гендерной политики в республиках Северного Кавказа.

Ключевые слова: женщина на Северном Кавказе, гендерная политика, гендерное неравенство, ислам, женские организации, права женщин.

Клименко Л. В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация

На материале прикладных социологических исследований рассматриваются особенности изменений гендерных отношений, произошедших за период с 2004 по 2010 г. на полиэтничных территориях Северного Кавказа. По содержанию установок на характер гендерного взаимодействия в публичной сфере, а также совпадению (несовпадению) гендерных подгрупп в данных установках выделяется три типа гендерных отношений: консервативный (Ингушетия и Адыгея), переходный (Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария) и модернизированный (Ростовская область).

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнические традиции, гендерные установки, трансформация гендерных отношений, публичная и приватная сфера.

Мутаев У. К. Социальное пространство современной дагестанской женщины

Положение женщины в республике Дагестан обусловлено полярными тенденциями. С одной стороны, религиозное и этническое возрождение возвращает женщин в рамки традиционных ценностей и уклада жизни. С другой стороны, тенденции модернизации, западные, общечеловеческие ценности и воздействие русской культуры сформировали в дагестанском обществе специфический набор социальных практик гендерного взаимодействия.

Ключевые слова: социальное пространство женщин, семья в Дагестане, дагестанские женщины, традиционные ценности, северокавказский менталитет, традиции и обычаи Северного Кавказа.

Намруева Л. В. Роль женщин в сохранении этнокультурной идентичности калмыков

Анализируется роль женщин в процессе сохранения и развития культуры калмыцкого народа, его идентичности.

Ключевые слова: калмыцкий народ, сохранение культуры, показатели этнической идентичности, статус женщины.

Семенова В. Э., Семенова Л. Э. Социальная утопия и феминизм: мы рождены, чтоб сказку сделать былью?

Рассматриваются понятие «утопия» и та роль, которую оно играет в процессе развития общества. Авторы анализируют проблему взаимоотношений социальной утопии и феминизма. Обсуждается вопрос о возможности и необходимости конструирования модели общества гендерного равенства, разрабатываемой в современной гендерной теории.

Ключевые слова: социальная утопия, феминизм, гендерная теория, гендерное равенство.

Шпилев Д. А. Использование комплексного гендерного подхода в современной немецкой социологии

На примере социологии города и социологии молодежи рассматривается использование комплексного гендерного подхода (gender mainstreaming) в современной Германии. Изложены цели и задачи, а также этапы формирования концепции gender mainstreaming.

Ключевые слова: комплексный гендерный подход, социология города, социология молодежи, феминизм, городское пространство, образовательные и воспитательные учреждения, молодежь, подростки.

Полюшкевич О. А. Оценка социального капитала и перспективы консолидации: гендерные аспекты

Дается анализ оценок формирования и развития социального капитала и перспектив консолидации нашего общества в гендерном измерении. Изучаются особенности конструирования социального капитала и причины гендерных различий, обусловленные как социальными стереотипами и традиционными гендерными представлениями, так и отсутствием современной социальной политики государства, направленной на интеграцию общества.

Ключевые слова: социальный капитал, консолидация, гендерные стереотипы.

Крадецкая С. В. «Женский вестник» (1904—1917). Опыт издания феминистского журнала в России

Анализируется история издания журнала «Женский вестник» (1904—1917) в контексте развития женской периодической печати. Делается вывод о его значимости для развития феминистского движения в России в начале XX в.

Ключевые слова: феминизм, периодическая печать, издательская деятельность.

Смеюха В. В. Использование иноязычной лексики в женских журналах: функции и особенности

Автор рассматривает процесс использования иноязычных слов в женских журналах. Активизация функционирования иноязычной лексики в российской языковой системе обозначилась в конце XX — начале XXI в., средства массовой информации популяризируют иноязычную лексику и вводят ее в массовое использование. Женские

журналы являются массовым типом периодики, что позволяет им оказывать широкое воздействие на аудиторию, в том числе и на языковом уровне. В статье определяются тематические группы иноязычных слов, распространенных в женской прессе, их функциональные характеристики, что позволяет сделать вывод об информационных, культурных, философских аспектах процесса языкового заимствования и о влиянии данного явления на языковую систему женской аудитории.

Ключевые слова: женский журнал, женская пресса, средства массовой информации, иноязычная лексика, языковая система, текст, коммуникация, женская аудитория, гендер, массовая культура.

Перес В. Достучись в закрытую дверь

Цель статьи — познакомить российского читателя с творчеством современной мексиканской писательницы Матильде Понс. Анализируются тексты новелл «Где любовь имеет цену», «Закрытая дверь», «Испытание». Исследуются нарративные средства как вербализация реалистического изложения фактов действительности.

Ключевые слова: латиноамериканская литература, Матильде Понс, новелла, гендер.

SUMMARIES

Nikolaeva D. A. Female divinities of the earth and their role in formation of traditional Buryat rituality of the end of the XIX — the beginning of the XX centuries

The cult of the earth as the image of Mother-parent was included in the system of natural objects performing as an analogue of woman's breeding beginning: land, water, bank split, caves, generic mountains, some kinds of trees. In their honour Buryats carried out rites asking for babies, fertility and prosperity. Revealed by ritual practice, creed and folklore these images reflect gender connections, which carry out sacral functions of life support of traditional society.

Key words: female divinities of the earth; mother's cult; rites of fertility, initiation; traditional Buryat culture.

Sirazhudinova S. V. Gender policy in Russian Northern Caucasus: contemporary tendencies

The article based on the of author's sociological survey data examines the contemporary tendencies of gender policy in Northern Caucasus.

Key words: North Caucasus women, gender policy, gender inequality, Islam, woman's organization, woman's rights.

Klimenko L. V. Gender disposition in a modern family of the Northern Caucasus: modernization and archaization

The article based on applied research in sociology investigates the peculiarities of gender relationships. The material under analysis was gathered between 2004 and 2010 in multinational territories of the North Caucasus. Taking into consideration the orientation content of gender interaction in public and private spheres as well as match (mismatch) of gender subgroups in the set conditions, three stable types of gender relations can be distinguished: conservative (The Republics of Ingushetia and Adygea), transitional (The Republics of Karachyevo-Cherkessya and Kabardino-Balkarya) and modernized (Rostov Region).

Key words: North Caucasus, ethnic traditions, gender orientations, transformation of gender relations, public and private spheres.

Mutaev U. K. Social space of contemporary Dagestani woman

Women's status in the Republic of Dagestan is determined by two polar tendencies. On the one hand, the religious and ethnic revival brings women back to the traditional values and the way of life. On the other hand, modernization, Western values as well as universal values, and the impact of Russian culture form a specific set of gender social practices in the Dagestan society.

Key words: social space of women, Dagestani family, Dagestani women, traditional values, North Caucasus mentality, North Caucasus traditions and customs.

Namrueva L. V. Women's role in conservation of ethnocultural identity of Kalmyks

The article analyzes the role of women in the process of conservation and progress of Kalmyk culture and identity.

Key words: Kalmyk people, conservation of culture, index of ethnic identity, woman's status.

Semenova V. E., Semenova L. E. Social utopia and feminism: were we born to make a fairy-tale come true?

The article considers the essence of a concept «utopia» and its role in the process of society's development. The authors analyze the problem of relations between a social utopia and feminism. The article deals with possibility of and need for construction of gender equality model in the contemporary society that has been worked in the frames of gender theory.

Key words: social utopia, feminism, gender theory, gender equality.

Shpilev D. A. Application of gender mainstreaming in the modern German sociology

On the example of urban sociology and sociology of youth, the article discusses the use of gender mainstreaming in Germany today. The author has determined goals and objectives, as well as the stages of formation of the concept of gender mainstreaming.

Key words: gender mainstreaming, urban sociology, sociology of youth, feminism, urban space, educational and training institutions, youth, teens.

Polyushkevich O. A. Estimation of social capital and prospects of consolidation: gender aspects

The article analyzes estimations of formation and development of social capital and prospects for consolidation of our society from a gender point of view. We study features of design of social capital and reasons of gender differences determined by social stereotypes and traditional gender perceptions as well as by lack of modern social policy aimed at the integration of society.

Key words: social capital, consolidation, gender stereotypes.

Kradetskaya S. V. «Women's Herald» (1904—1917). The editing experience of the feminist journal in Russia

The article covers the history of a Russian feminist journal, in the context of history of women's press and feminist movement in the Russian Empire at the beginning of the XXth century.

Key words: feminism, periodical press, publishing activity.

Smeyukha V. V. The use of foreign vocabulary in women's magazines: functions and features

The author examines the process of use of foreign words in women's magazines. Activation of functioning of foreign vocabulary in Russian language system was designated in the end of the XX — the beginning of XXI centuries. Mass media popularize foreign vocabulary and enter it in the mass use. Women's magazines are the mass type of periodicals, that allows them to influence the audience greatly, including the influence at language level. Thematic groups of foreign words common for women's press, their functional descriptions, are revealed in the article, that allows to make a conclusion about information, cultural, philosophical aspects of the process of language borrowing and about influence of this phenomenon on the language system of women's audience.

Key words: women's magazine, women's press, mass media, lexis of foreign language, language system, text, communications, female audience, gender, mass culture.

Perez V. Knock at the closed door

The aim of this article is to introduce Russian readers to the work of the modern Mexican writer Matilde Pons. Special attention is paid to the study of the literary style and the narrative structures of such novels as «Where love has a price», «Closed door», «The test». Besides, we analyze narrative means as verbalization of realistic exposition of real events.

Key words: Latin-American literature, Matilde Pons, novel, gender.

АВТОРЫ НОМЕРА

- КЛИМЕНКО**
Людмила Владиславовна кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных коммуникаций
и технологий, Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону).
lucl@yandex.ru
- КОЛЕСНИКОВА**
Александра Леонидовна аспирантка кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений,
Ивановский государственный университет.
alexkolesnikova@yandex.ru
- КРАДЕЦКАЯ**
Сусанна Вячеславовна аспирантка кафедры истории России,
Московский государственный
педагогический университет.
susanna.mosca@gmail.com
- МУТАЕВ**
Улубей Курбанбаганович кандидат социологических наук, доцент,
Ивановский государственный университет.
ulmut@mail.ru
- НАМРУЕВА**
Людмила Васильевна кандидат социологических наук, доцент, руководитель
отдела социально-политических и экологических
исследований, Калмыцкий институт гуманитарных
исследований РАН.
lnamrueva@yandex.ru
- НИКОЛАЕВА**
Дарима Анатольевна доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой
этнологии и народной художественной культуры,
Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств (Улан-Удэ).
darimn@rambler.ru
- ПЕРЕС**
Виктория доктор филологических наук,
Заслуженный автономный университет г. Пуэбла
(Мексика).
vita_ru@hotmail.com
- ПОЛЮШКЕВИЧ**
Оксана Александровна кандидат философских наук, доцент кафедры
государственного и муниципального управления,
Институт социальных наук
Иркутского государственного университета.
okwook@mail.ru
- СЕМЕНОВА**
Вера Эдуардовна кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и политологии,
Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет.
verunechka08@list.ru

Авторы номера

- СЕМЕНОВА**
Лидия Эдуардовна доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина.
verunehka08@list.ru
- СИРАЖУДИНОВА**
Саида Валерьевна кандидат политических наук, докторант Южно-Российского института — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
saida_kant@mail.ru
- СМЕЮХА**
Виктория Вячеславовна кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела, рекламы и медиатехнологий, Кубанский государственный университет (Краснодар).
smeyha@yandex.ru
- ШПИЛЕВ**
Дмитрий Анатольевич кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, НИУ ВШЭ (Н. Новгород).
shpilev72@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Николаева Д. А. Женские божества земли и их роль в формировании традиционной обрядности бурят конца XIX — начала XX в.	3
Сиражудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции	14
Клименко Л. В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация	20
Мутаев У. К. Социальное пространство современной дагестанской женщины	31
Намруева Л. В. Роль женщин в сохранении этнокультурной идентичности калмыков	35

МЕТОДОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Семенова В. Э., Семенова Л. Э. Социальная утопия и феминизм: мы рождены, чтоб сказку сделать былью?	45
Шпилев Д. А. Использование комплексного гендерного подхода в современной немецкой социологии	52
Полюшкевич О. А. Оценка социального капитала и перспективы консолидации: гендерные аспекты	60

ЖЕНЩИНЫ И СМИ

Крадецкая С. В. «Женский вестник» (1904—1917). Опыт издания феминистского журнала в России	72
Смеюха В. В. Использование иноязычной лексики в женских журналах: функции и особенности	81

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Перес В. Достучись в закрытую дверь	96
<i>Аннотации</i>	101
<i>Авторы номера</i>	106

CONTENTS

GENDER ASPECTS OF ETHNOCULTURAL PROCESSES

- Nikolaeva D. A.** Female divinities of the earth and their role in formation of traditional Buryat rituality of the end of the XIX — the beginning of the XX centuries 3
- Sirazhudinova S. V.** Gender policy in Russian Northern Caucasus: contemporary tendencies 14
- Klimenko L. V.** Gender disposition in a modern family of the Northern Caucasus: modernization and archaization 20
- Mutaev U. K.** Social space of contemporary Dagestani women 31
- Namrueva L. V.** Women's role in conservation ethnocultural identity of Kalmyks 35

METHODOLOGY OF GENDER STUDIES

- Semenova V. E., Semenova L. E.** Social utopia and feminism: were we born to make a fairy-tale come true? 45
- Shpilev D. A.** Application of gender mainstreaming in the modern German sociology 52
- Polyushkevich O. A.** Estimation of social capital and prospects of consolidation: gender aspects 60

WOMEN AND MASS MEDIA

- Kradetskaya S. V.** «Women's Herald» (1904—1917). The editing experience of the feminist journal in Russia 72
- Smeyukha V. V.** The use of foreign vocabulary in women's magazines: functions and features 81

LITERARY CRITICISM

- Perez V.** Knock at the closed door 96
- Summaries* 101
- Authors of the issue* 106

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (66) — 2013

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *О. В. Боронина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 11.03.2013 г. Формат 70x108^{1/16}
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 9,96. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru